

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

Новикова Наталия Дмитриевна

**ФЕНОМЕН САМОКРИТИКИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В
ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале британской художественной
литературы XXI в.)

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские
языки) (филологические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент И.Н. Кабанова

Нижний Новгород
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ САМОКРИТИКИ	16
1.1. Понятие самокритики в психологии. Связь самокритики и самооценки	16
1.2. Типология самокритики	21
1.3. Внутриличный конфликт и самокритика.....	25
1.4. Самокритика в интерперсональной коммуникации: лингвопрагматический подход	29
1.4.1. Определение понятия интерперсональной коммуникации	29
1.4.2. Теория речевых актов: основные понятия, типологии, классификации	31
1.4.3. Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие самокритику: основные понятия, типологии, классификации.....	40
1.5. Самокритика как структурно-жанровый тип интериоризованного дискурса.....	48
ВЫВОДЫ	59
ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ КОНСТРУКТИВНУЮ И ДЕСТРУКТИВНУЮ САМОКРИТИКУ	61
2.1. Коммуникативная тактика самоупрёка.....	66
2.2. Коммуникативная тактика самооскорбления	76
2.3. Коммуникативная тактика самобичевания.....	86
2.4. Коммуникативная тактика сравнения.....	92
2.5. Коммуникативная тактика противопоставления (контраста)	98
2.6. Коммуникативная тактика самоанализа.....	105
2.7. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа.....	111
2.8. Коммуникативная тактика интернализированной критики (или согласия с критикой со стороны).....	116
2.9. Коммуникативная стратегия снятия напряжения и тактика автореферентной насмешки.....	125
ВЫВОДЫ	136

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НЕЙРОАТИПИЧНЫХ АВТОРОВ.....	137
3.1. Современное представление о расстройствах аутистического спектра и их отражение в интериоризованном дискурсе	137
3.2. Особенности феномена самокритики в интериоризованном критическом дискурсе, написанном авторами с РАС	147
3.3. Самоуничижительный юмор у героев с расстройством аутистического спектра	160
ВЫВОДЫ.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	224
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	230
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	233

ВВЕДЕНИЕ

Во многих исследованиях в области гуманитарных наук XXI века доминирует антропоцентрическая направленность, в рамках которой категория субъекта находится в центре внимания учёных. Современные лингвистические исследования всё чаще обращаются к изучению интраперсональной коммуникации, то есть такого вида коммуникации, в котором субъект становится одновременно и адресантом, и адресатом (И. В. Артюшков, Н. Д. Арутюнова, М. Я. Блох, Е. Н. Бобрикова, Т. В. Кириллова, С. В. Ларина, Ю. В. Погребняк, М. С. Сергеева и др.).

Ориентацию на внутренний мир человека, обращение к бессознательному можно также наблюдать в различных видах искусства: живописи, музыке, кино, литературе. Художественные произведения, в которых целью авторов является раскрытие личности героев, их чувств, описание внутренних конфликтов и их разрешения, приобретают все большую популярность, как среди авторов, так и читателей. Психологизм в литературе проявляется в начале XX века, что обусловлено изменениями в отношении людей к жизни и их восприятию действительности. Кроме того, развитие психологии как науки, в частности появление работ З. Фрейда, привело к повышенному интересу общества к внутреннему миру человека. Такие авторы, как Дж. Джойс и В. Вулф, впервые применили метод «потока сознания», позволивший симитировать работу сознания, а также передать внутренние мысли и эмоции персонажей.

С другой стороны, в последние десять лет широкое распространение получила художественная литература, написанная авторами с расстройствами аутистического спектра (РАС). Исследователи-нейропсихологи, когнитивные психологи, нейрофизиологи доказывают, что расстройства аутистического спектра оказывают влияние на способы восприятия и интерпретации мира (I. M. Cremone, F. Happé, N. Kaland, C. F. Norbury, G. Rundblad, E. Whyte, etc.), а также негативно воздействует на развитие языковых способностей (S. Arunachalam, S. Bölte, E. Duketis, M. Holtmann, R. J. Luyster, F. Poustka,

I. Vogindroukas, etc.). Работы нейроатипичных писателей представляют уникальную возможность проследить, как замкнутое на себе сознание находит отражение в художественном дискурсе.

Лингвистическое моделирование внутреннего мира героя, внутренней речи и чувств находит своё отражение в *«интериоризованном дискурсе»* [Погребняк, 2015]. Ключевой характеристикой интериоризованного дискурса является обращение индивида к внутреннему «Я» с целью самоанализа, саморефлексии, самопознания и самокоррекции. Самокритика, выступающая в качестве механизма саморефлексии, самооценки и саморегуляции, играет важную роль как в процессе развития личности, так и при формировании её эмоциональной устойчивости. Понимание глубинных механизмов самокритики, её влияния на психоэмоциональное состояние человека, а также анализ способов вербализации самокритики представляет особый интерес не только для психолингвистики, но и для коммуникативной и когнитивной лингвистики. Вышеуказанными обстоятельствами объясняется **выбор темы и объекта** настоящего диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что на данный момент не существует единой общепринятой методики анализа самокритики как языкового феномена. Анализ теоретических источников показал, что при исследовании самокритики в **интерперсональной коммуникации** самокритика изучается как коммуникативная тактика, направленная на вербализацию стратегии самопрезентации в ходе собеседования [Агеева, 2013], деловом интервью [Кадимова, 2018] и травелогге [Плавина, 2019], стратегии искренности в реалити-шоу [Ланских, 2008], стратегии снятия конфликта в политическом дискурсе [Желтухина, 2000]. В рамках анализа специфики извинения и упрёка, самокритика изучается как речевой акт [Литвинова, 2015; Каразия, 2004]. И. В. Сальникова и А. Н. Морева в своих диссертационных исследованиях рассматривают самокритику как отдельный речевой ход [Сальникова, 2006; Морева, 2015]. Существуют также исследования, в которых критику (и самокритику) предлагается рассматривать как критическое суждение

[Медведева, 2015], как один из компонентов концепта «Брань» [Катуков, 2006] или как один из периферийных компонентов функционально-семантической категории самости [Корепова, 2009]. Кроме того, самокритика анализируется как одна из многочисленных функций иронии [Охримович, 2004] или прагматических функций в структуре автореферентных номинаций [Дахалаева, 2005]. Перечисленные научные работы вносят вклад в изучение феномена самокритики, однако применение данных подходов не представляется целесообразным в связи с существенно отличающимся фактическим материалом исследования.

Настоящее диссертационное исследование направлено на анализ феномена самокритики в интериоризованном дискурсе с позиций коммуникативно-прагматической парадигмы, в рамках которой самокритика реализуется посредством коммуникативных стратегий, которые в свою очередь объективируются набором коммуникативных тактик при помощи ряда языковых средств и приёмов. При этом в орбиту исследования включается художественный дискурс и нейротипичных авторов, что позволяет изучить способы вербализации самокритики в нарративе от первого лица – рассказчика с РАС.

Актуальность исследования обусловлена его включённостью в магистральные направления современной лингвистики – лингвистическая прагматика, коммуникативная лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также междисциплинарным подходом к изучению самокритики как когнитивного механизма, который участвует в процессах саморефлексии и саморегуляции, происходящих в сознании нейротипичных и нейротипичных индивидов, и конденсируется в англоязычном художественном произведении посредством интериоризованного дискурса.

Объектом исследования выступают коммуникативные стратегии и тактики, вербализирующие деструктивную и конструктивную самокритику, а также языковые средства и приёмы, применяемые для выражения самокритики в современном английском языке.

Предметом исследования является специфика реализации самокритики в современном английском языке (британский вариант) на материале художественных произведений нейротипичных и нейроатипичных авторов.

В основу исследования положены следующие **гипотезы**: 1) в интраперсональной коммуникации для выражения самокритики могут быть задействованы коммуникативные стратегии самонаказания и самокоррекции, которые реализуются схожим набором коммуникативных тактик, языковых средств и приёмов; 2) интериоризованный дискурс, сконструированный индивидами с РАС, отличается частотностью включения самокритики в повествование, а также объектами самокритики.

Цель исследования заключается в комплексном систематическом анализе и описании коммуникативных стратегий и тактик, направленных на реализацию самокритики в интериоризованном дискурсе, написанном нейротипичными и нейроатипичными авторами, а также языковых средств и приёмов реализации самокритики в современном английском языке (британский вариант).

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- уточнить определение самокритики, рассмотреть существующие классификации, а также типологические характеристики разновидностей самокритики;
- описать различные подходы к интерперсональной и интраперсональной коммуникации, определить статус и функциональную специфику самокритики в данных видах коммуникации;
- выявить характерные признаки и критерии выделения интериоризованного критического дискурса как структурно-жанровой разновидности интериоризованного дискурса;

- выявить и систематизировать тактико-стратегический аппарат, а также языковые средства и приёмы вербализации самокритики в англоязычной интраперсональной коммуникации;
- определить частотность коммуникативных стратегий и тактик, вербализующих конструктивную и деструктивную самокритику в интериоризованном дискурсе;
- определить особенности языкового выражения самокритики в интериоризованном дискурсе, написанном авторами с расстройствами аутистического спектра.

Эмпирическую базу исследования составили более 1400 текстовых фрагментов, содержащих самокритику, которые были отобраны методом сплошной выборки из художественных произведений (21 наименование) современных британских авторов XXI века. Основными критериями отбора фактического материала являются повествование от первого лица, пейоративная оценка, в том числе интенсифицированного характера, субнейтральная эвокативная отнесённость.

Методы исследования. Исследование языкового материала проводится в соответствии с поставленной целью и сформулированными задачами при помощи следующих методов: дефиниционного анализа, компонентного анализа, сплошного текстового анализа, интерпретативного анализа, ситуативно-прагматического анализа, контекстуального анализа, стилистического анализа, метода количественных подсчётов.

Методологическую и теоретическую базу данного исследования составили работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей в области:

- философии и аксиологии (Л. В. Баева, Н. А. Бердяев, А. Ф. Лосев и др.; S. Cavell, T. Cohen, S. Critchley, J. Nietalahti, etc.);
- психологии (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, И. И. Ильясков, А. Р. Лурия, В. А. Петровский, С. П. Сеньющенков и др.; E. Swinn, P. Gilbert, S. Freud, A. Morin, T. A. Powers, D. C. Zuroff, etc.);

- теории дискурса (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик; Е. С. Кубрякова; Ю. В. Погребняк, О. В. Сахарова, А. В. Олянич и др.; Н. Н. Clark, Т. А. van Dijk, S. R. Goldman, M. M. van der Wege, etc.);
- лингвопрагматики (Н. Д. Арутюнова, Ф. С. Бацевич, С. Е. Бугрова, Т. А. ван Дейка, Г. П. Грайс, Е. В. Ключев, А. Ю. Маслова, Б. Ю. Норман, Е. Г. Ножевникова, И. П. Сусов, Н. И. Формановская и др.; J. L. Austin, K. Bach, R. Carston, G. Leech, R. M. Harnish, J. L. Mey, J. R. Searle, etc.);
- коммуникативной лингвистики (О. С. Иссерс, О. Я. Гойхман, Т. В. Ларина, Т. М. Надеина, Г. Г. Почепцов, А. П. Седых, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Н. И. Формановская и др.);
- когнитивных исследований и нейролингвистики (В. Л. Деглин, А. Р. Лурия, Т. В. Черниговская, S. Baron-Cohen, R. Cytowic, D. Eagleman, M. Joffily, N. Sagiv, J. Ward, etc.);
- психолингвистики (Т. В. Ахутина, О. В. Байкова, В. П. Белянин, Г. Л. Гинзбург, И. Н. Горелов, Н. Ф. Крюкова, А. А. Леонтьев, К. Ф. Седов и др.; J. Caron, J. Field, G. Beattie, A. Ellis, etc.);
- стилистики (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Т. Г. Попова, Ю. М. Скребнев и др.; E. Black, N. E. Enkvist, M. Toolan, etc.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

- рассматривается интериоризованный критический дискурс как структурно-жанровая разновидность интериоризованного дискурса;
- выявляется репертуар коммуникативных стратегий, реализующих деструктивную и конструктивную самокритику в англоязычной интраперсональной коммуникации;
- выявляется номенклатура коммуникативных тактик и языковых средств и приёмов, объективирующих деструктивную и конструктивную самокритику в англоязычной интраперсональной коммуникации;

- определяются языковые и неязыковые особенности самокритики, в том числе самоуничижительного юмора в англоязычном интериоризованном дискурсе, смоделированном нейротипичными авторами;
- проводится комплексное описание феномена самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе с позиций междисциплинарного подхода, с применением достижений смежных с лингвистикой наук (философии, психологии, психиатрии).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Интериоризованный критический дискурс является структурно-жанровой разновидностью интериоризованного дискурса, в котором преобладают понятийная и пейоративная эмоционально-оценочная составляющие. Основанием для рассмотрения самокритики как интериоризованного критического дискурса выступают такие когнитивные процессы, как саморефлексия и самооценивание. Выделяемый тип дискурса представляет собой сложную форму самоанализа, в которой критическое осмысление ошибочности собственных поступков, намерений, мыслей или чувств сочетается с негативными эмоциональными переживаниями, такими как стыд, вина, разочарование, а также сопровождается попытками самокоррекции или, напротив, усилением самоосуждения и самобичевания.

2. В англоязычном интериоризованном критическом дискурсе выделяются коммуникативная стратегия самонаказания, направленная на вербализацию деструктивной самокритики, и коммуникативная стратегия самокоррекции, выражающая конструктивную самокритику. В рамках коммуникативной стратегии самонаказания субъект чрезмерно концентрируется на своих ошибках и недостатках, что приводит к усилению внутреннего конфликта, снижению самооценки и психоэмоциональному истощению. Коммуникативная стратегия самокоррекции направлена на активизацию механизмов саморегуляции посредством осознания ошибок.

3. Для реализации стратегий самокоррекции и самонаказания задействуются идентичные коммуникативные тактики: самоупрёк, самооскорбление, сравнение, противопоставление, самоанализ, контрфактуальный анализ, интернализованная критика (или согласие с критикой со стороны). Коммуникативная тактика самобичевания, ключевой особенностью которой является интенсифицированная, репетитивная самокритика и дерогаторный аксиологический потенциал, выступает исключительно средством экспликации стратегии самонаказания.

4. Способы выражения самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе варьируют в зависимости от психоэмоционального состояния индивида, причин внутреннего конфликта, а также интенсивности негативной оценки. Вербализация самокритики осуществляется на всех языковых уровнях. К наиболее распространённым средствам выражения негативной оценки, направленной на адресанта, относятся на морфологическом уровне аффиксы дерогаторной оценки, формы сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных и наречий; на лексико-фразеологическом уровне отрицательно-оценочные лексемы, инвективная лексика; на синтаксическом уровне повтор строевых и нестроевых элементов, инверсия, эллипсис, параллелизм, парцелляция. Кроме того, задействуются семасиологические средства и приёмы – эпитет, образное сравнение, метафора, гипербола, ирония, восходящая градация, антитеза.

5. Англоязычный интериоризованный дискурс отражает особенности индивидов с РАС. У нейротипичных людей самокритика отличается объектами самокритики (вербальная и невербальная коммуникация, страх перемен, эмоциональные реакции, «странное поведение»), а также носит более интенсивный и частотный характер. Самоуничижительный юмор нейротипичных индивидов характеризуется нестандартным креативным мышлением, включением фактов и подробным описанием деталей, что отражает склонность людей с расстройствами аутистического спектра к избыточному вниманию к деталям, а также буквальной интерпретации

действительности. Такой тип юмора служит способом снятия внутреннего напряжения, а также инструментом адаптации. Самоуничижительный юмор обусловлен индивидуальными когнитивными особенностями и встречается не у всех индивидов с РАС.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятийного аппарата дискурсивного анализа, а также применении стратегического подхода к исследованию самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе, что даёт всеобъемлющее представление о механизмах и специфике функционирования самокритики в интраперсональной коммуникации и её влиянии на психоэмоциональное состояние и поведение индивидов. Междисциплинарный подход к анализу самокритики в интериоризованном дискурсе, сконструированном нейротипичными и нейроатипичными авторами, открывает новые перспективы для дальнейшего исследования отличительных черт самокритики в различных лингвокультурах.

Практическая ценность выполненного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании теоретических дисциплин и курсов по коммуникативной лингвистике, лингвистической прагматике, когнитивной лингвистике, стилистике, на практических занятиях по лингвистической интерпретации англоязычного текста. Результаты исследования также могут быть использованы специалистами в области когнитивной психологии, нейропсихологии, нейролингвистики, психотерапии.

Достоверность результатов исследования подкрепляется объёмом привлечённого корпуса материала, непротиворечивостью выводов и применением обще- и частнонаучных методов и приёмов исследования.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования изложены в одиннадцати публикациях, в числе которых четыре статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Результаты исследования докладывались на международных,

межвузовских, внутривузовских научных и научно-практических конференциях: Всероссийский фестиваль науки (ННГАСУ, г. Н. Новгород, 2021 г.), VII Международная молодёжная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (г. Н. Новгород, 2021 г.), II Международная научная конференция «Стратегии и тактики в различных регистрах общения» (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, г. Н. Новгород, 2021 г.), Международная научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов «Язык в сфере профессиональной коммуникации» (УрФУ, г. Екатеринбург, 2022 г.), Международный научный форум «Гуманизм и векторы развития цивилизации», посвящённый 90-летию со дня рождения Умберто Эко (г. Н. Новгород, 2022 г.), VIII Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (XXVII Нижегородская сессия молодых учёных (гуманитарные науки)), (2022 г.), III Международная научная конференция «Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков)» (НГЛУ, г. Н. Новгород, 2023 г.), Международный симпозиум «Современная филологическая наука: достижения и инновации» (ИВГУ, г. Иваново, 2024 г.), XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, г. Н. Новгород, 2024 г.). Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования также были представлены на заседаниях кафедры английской филологии ВШ ЛПП НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки):

- текст, дискурс;

- лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, функционирование лексических единиц, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью;
- когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении мотивируется выбор темы и объекта исследования, определяются цель и задачи работы, обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются теоретическая значимость и практическая ценность работы, описываются объект, предмет, эмпирическая база и методология исследования, гипотеза, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется структура диссертации, её соответствие паспорту научной специальности, приводятся данные об апробации работы.

В первой главе рассматриваются понятия самокритики, самооценки, внутриличностного конфликта, а также их взаимосвязь; изучаются различные классификации видов самокритики, выявляются наиболее значимые функции самокритики. Проводится анализ разнообразных подходов к изучению самокритики и обосновывается выбор применения принципов коммуникативно-стратегического подхода.

Вторая глава посвящена описанию и анализу коммуникативных стратегий и тактик, реализующих конструктивную и деструктивную самокритику, а также используемых языковых средств и приёмов. Кроме того, осуществляется количественный подсчёт, на основании которого определяется частотность применения стратегий и тактик, использующихся для выражения конструктивной и деструктивной самокритики.

В третьей главе рассматривается современное представление о расстройствах аутистического спектра, а также описываются характерные особенности самокритики и самоуничижительного юмора в

интериоризованном дискурсе, написанном авторами с расстройствами аутистического спектра.

В **заключении** обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, формулируются основные выводы, а также намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Библиография включает 380 работ отечественных и зарубежных исследователей по общим и специальным вопросам исследуемой темы, а также список источников фактического материала.

В **приложении** представлен фрагмент таблицы, содержащей результаты анализа эмпирической базы исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ САМОКРИТИКИ

Of all the emotions guilt surely has the longest half-life.

Except maybe love – but we'll see about that.

Ed. Docx

1.1. Понятие самокритики в психологии. Связь самокритики и самооценки

С критикой человек сталкивается уже на ранних этапах своей жизни. Самая первая критика звучит из уст родителей, близких людей и воспитателей, и именно она оказывает значительное влияние на развитие такого феномена как самокритика. Существует тесная и сложная связь между критикой в детстве и самокритикой во взрослом возрасте, которая может варьировать в зависимости от различных факторов, включая природу критики, индивидуальные особенности психики человека и механизмы преодоления трудных ситуаций.

Исследования, объектом которых является самокритика, носят междисциплинарный характер, поскольку они затрагивают различные аспекты человеческого познания, поведение и эмоции. Исследователи в этих областях часто сотрудничают, чтобы получить более полное представление о природе самокритики, её причинах и последствиях. Прежде всего, феномен самокритики подвергается тщательному анализу в исследованиях в области психологии, клинической психологии, а также психиатрии.

Самокритика представляет собой процесс, в котором человек выступает в роли нападающего и одновременно объектом, подвергающимся осуждению [Freud, 1917]. Когнитивная модель эмоционального расстройства (“the cognitive model of emotional disorder”) описывает самокритику как процесс негативного самооценивания, который непосредственно влияет на настроение самокритикующего [Beck, 1976]. Исследования в области психологии показывают, что самокритика приводит к ухудшению настроения, а также к падению самооценки или поддержанию низкой самооценки [Rector, Bagby,

Segal, Joffe, & Levitt, 2000]. Такой эффект особенно ярко прослеживается у людей с низкой самооценкой.

В своей диссертации Ю. В. Котенко рассматривает самооценку как результат самопознания и чувственно-окрашенного отношения к себе, влияющий на деятельность индивида и его отношение к миру [Котенко, 2007: 10]. Ю. Б. Гиппенрейтер и Г. К. Валицкас полагают, что самооценка является следствием сравнения себя и своего поведения с некими эталонами, существующими в обществе [Валицкас, Гиппенрейтер, 1989: 46].

Самооценка представляет собой сложный процесс самопознания, который напрямую связан с понятием собственного «Я» и отражает оценки других людей [Ананьев, 1948: 115]. Формирование самооценки происходит в процессе деятельности и межличностного взаимодействия. В отечественной психологии принято считать, что социум играет важную роль в формировании самооценки личности, поскольку в самооценке отражается не только отношение человека к себе, но и оценки окружающих его людей.

Самооценка включает два компонента, которые в процессе оценивания неразрывно функционируют: когнитивный и эмоциональный. Когнитивный компонент отражает объективные знания человека о себе, которые он приобретает посредством контактов с другими людьми. Эмоциональный компонент, напротив, является субъективным и отражает лишь отношение человека к себе. При этом компоненты самооценки не могут рассматриваться обособленно, поскольку на практике как когнитивный, так и эмоциональный компонент не могут функционировать изолированно.

На протяжении всей жизни человек сталкивается с успехом и неудачей, влияние которых иногда может быть настолько велико, что человек не способен адекватно оценивать сложившуюся ситуацию и прибегает к крайностям. Под влиянием внешних обстоятельств происходит колебание самооценки (см. Рис. 1).

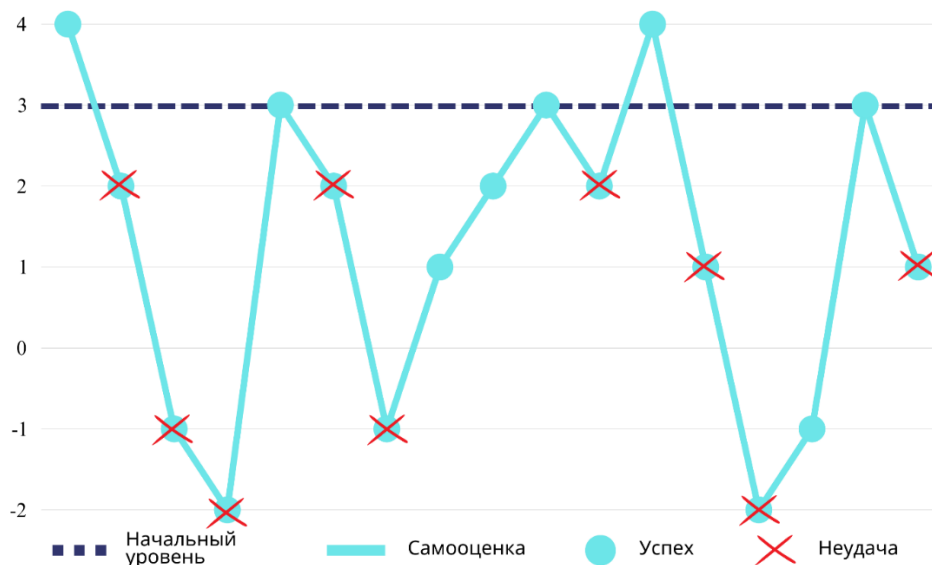


Рисунок 1. Колебания самооценки

В результате падения самооценки, у человека возникает чувство неуверенности, тревоги, стыда, вины; он склонен смотреть на себя и окружающий его мир через призму негативных эмоций. Когда человек находится в зоне отрицательной самооценки, он многократно возвращается к неприятным событиям, постоянно критикуя себя.

В работе «Печаль и меланхолия» З. Фрейд, описывая меланхолию (депрессию), затрагивает самокритику, самообвинение и самоупрёк. Основоположник самоанализа утверждает, что при меланхолии человек часто испытывает глубокое чувство вины, может сурово осудить себя за какие-либо действия [Freud, 1917: 5-6].

Многие исследователи XXI века подтверждают идею З. Фрейда о том, что самокритика имеет непосредственное отношение к депрессии [Gilbert, Durrant & McEwan, 2006]. Данное состояние связано с тем, как мозг человека реагирует на внешние и внутренние стимулы. Исследования показали, что индивид может реагировать на внешние или внутренние сигналы одинаково, как если бы они были идентичными. Например, когда человека критикуют, то у него (неё) в организме вырабатывается кортизол и адреналин; аналогичная ситуация происходит и при самокритике, то есть внутренние и внешние стимулы мыслительно-эмоциональных процессов, связанных с самокритикой,

схожи. Клинический психолог П. Гилберт пишет, что внутренние стимулы функционируют подобно внешним социальным стимулам, которые мозг воспринимает как реальные взаимодействия [Gilbert & Procter, 2006: 358]. Таким образом, одна часть человеческого самосознания (“processing systems”) создаёт самокритические замечание, а другая часть реагирует на них так же, как она реагирует на внешнюю критику. Реакции на самокритику могут включать стресс, тревогу, депрессивные состояния [Gilbert & Procter, 2006: 358].

В. Велтон и Л. Гринберг полагают, что самокритику можно рассматривать как форму внутреннего самооскорбления, которая регулярно стимулирует защитные механизмы подчинения, тревоги и депрессии, особенно если человек не использует защитные механизмы [Whelton & Greenberg, 2005: 1593].

Значительное количество исследований сосредоточено на взаимосвязи самокритики и перфекционизма, в которых самокритика считается ключевым компонентом “*perfectionistic concerns*”, а также негативной формой перфекционизма [Powers, Zuroff & Topciu, 2004], [Bergman, Nyland & Burns, 2007]. Д. Ватсон и К. Нарагон-Гейни рассматривают самокритику как склонность к негативному самооцениванию. Они подчёркивают тот факт, что самокритика может проявляться в тех случаях, когда ожидания человека не совпадают с реальной ситуацией, что, в свою очередь, приводит к развитию депрессивного состояния [Naragon-Gaineu, Watson, 2012].

В работе М. Монгрейн, Л. Веттезе, Б. Шустер и Н. Кендал “Perceptual Biases, Affect, and Behavior in the Relationships of Dependents and Self-Critics” (1998) было выявлено, что женщины, критикующие себя, склонны к проявлению депрессивных симптомов и враждебности [Mongrain, Vettese, Shuster, Kendal, 1998: 238]. Подвергая себя самоупрёкам и самообвинениям, женщины непроизвольно подчиняются партнёрам и окружающим, что в свою очередь приводит к чувству бессилия, накоплению гнева и негодования. Они также выявили взаимосвязь самокритики с чувствами подчинённости и

неполноценности [Mongrain, Vettese, Shuster, Kendal, 1998: 238]. Стоит отметить, что негативное влияние самокритики связано не только с процессом отрицательного самооценивания, но и с тем, как человек реагирует на самокритичные высказывания [Kelly, Zuroff, & Shapira, 2009].

Психологи выделяют различные реакции на самокритику. Наиболее важными для понимания механизмов воздействия самокритики на человека являются самоподчинение (“self-submission”), самосострадание (“self-compassion”) и сопротивление нападкам (“attack-resistance”) [Cwinn, 2018: 2].

Многие современные психологи, психотерапевты концентрируются на исследовании самокритики как отрицательного явления, а также исследуют методики, помогающие снизить негативные последствия самокритики на психику человека. С другой стороны, самокритика играет важную роль в процессах саморефлексии и самоконтроля. Действительно, когда индивид критикует себя происходит активация латеральной префронтальной коры и дорсальной передней поясной коры указывает на связь самокритики с процессами анализа и исправления ошибок [Longe et al., 2010].

Представляется необходимым также рассмотреть функции самокритики. Британский клинический психолог П. Гилберт в своих исследованиях указывает на многофункциональность самокритики. Учёный обнаружил, что самокритика может возникать, когда индивид пытается скорректировать своё поведение или избежать совершения ошибок [Gilbert et al, 2004: 39]. При таком сценарии индивид, выражая отрицательную оценку, выступает в роли друга, который стремится направить себя на самоулучшение и развитие.

Другая функция также связана с попыткой устранения каких-либо недостатков, однако в данном случае самокритика направлена на причинение вреда собственному «Я» [Gilbert et al, 2004: 37]. Критикуя себя, индивид относится к себе как к врагу, которому он мстит за промахи, неудачи или презирает собственную внешность или мыслительные способности.

Т.А. Пауерс, Р. Кестнер, Д. Зурофф провели исследование, в котором изучили взаимосвязь между самокритикой, мотивацией и целями [Powers, Koestner, and Zuroff, 2007]. Согласно результатам исследований, самокритика не способствует ускорению достижения цели, напротив, она в значительной степени ограничивает способность человека свободно выполнять поставленные задачи. Такое влияние самокритики опосредовано связано с руминацией и прокрастинацией [Powers, Koestner, and Zuroff, 2007: 838-839]. Критикуя себя и беспрерывно прокручивая в голове прошедшие или грядущие события, индивид откладывает разрешение проблемы.

Подводя итог вышесказанному, самокритика в настоящей работе понимается как процесс негативного оценивания, в котором объект и субъект оценки совпадают. Причинами самокритики могут выступать неудовлетворённость внешностью, интеллектуальными способностями, поведением, несоответствие собственным или установленным другими стандартам, ошибки и неудачи. Самокритика может быть полезной, относительно безвредной, если она приводит к корректировке совершённых ошибок и не оказывает отрицательного влияние на эмоциональное состояние. Однако если самокритика становится чрезмерной и существенно влияет на настроение, то она может приводить к депрессивным состояниям.

1.2. Типология самокритики

Для того чтобы детально проанализировать феномен самокритики необходимо, прежде всего, обратиться к понятию «критика». В словаре русского языка предложено следующее определение: «критика – 1. обсуждение, разбор чего-либо с целью вывести оценку; 2. отрицательное суждение о чём-либо, указание недостатков» [Ожегов, 1970: 298-299]. В Большом энциклопедическом словаре приводятся три значения понятия «критика»:

1. «разбор, обсуждение чего-либо с целью дать оценку;
2. отрицательное суждение о чём-либо, указание недостатков;

3. исследование, научная проверка достоверности чего-либо» [БЭС, 1999: 595].

Из вышеперечисленных определений следует, что в русском языке значение слова «критика» отражает узкий спектр реакций, довольно часто связанных с отрицательной оценкой. Поскольку настоящее исследование осуществляется на материале английского языка, необходимо уточнение данного понятия путём анализа дефиниции лексемы “*criticism*”:

1. “the act or an instance of making an unfavourable or severe judgment, comment, etc.;
2. the analysis or evaluation of a work of art, literature, etc.;
3. the occupation of a critic;
4. a work that sets out to evaluate or analyse;
5. the investigation of a particular text, with related material, in order to establish an authentic text” [Collins Online English Dictionary: URL].

В результате анализа различных лексикографических источников становится очевидным тот факт, что критике и самокритике присущи отрицательные характеристики. Из этого следует, что для критики (и самокритики) характерно выражение отрицательного отношения к чему-либо.

В зависимости от дисциплины и области исследования существуют различные классификации критики. В конфликтологии различают «деловую» и «морализующую критику» [Вишнякова, 2002: 46]. Главной целью деловой критики является анализ недочетов, промахов или ошибок, а также указание на их причины. Второй вид критики направлен на обвинение, морализующая критика не стремится вскрыть причины неудачи или помочь в поиске выхода из сложившейся ситуации в отличие от деловой критики [Там же].

Исходя из формы, выделяют щадящую и наказывающую критику. Основным отличием является то, в какой ситуации применяют ту или иную форму критики. Если человек совершает ошибки систематично, используют наказывающую критику; в том случае, когда ошибки носят единичный характер, применяют щадящую критику [Вишнякова, 2002: 46].

В конфликтологии также представлена обширная классификация, предложенная Ю. Краковским. Данная классификация также основана на форме выражения критики. Согласно исследователю, существует двадцать видов критики: критика-подбадривающая, критика-удивление, безразличная похвала, критика-похвала, критика-смягчение, критика-надежда, критика-озабоченность, критика-сопереживание, критика-сожаление, критика-аналогия, критика-намёк, критика-ирония, критика-опасение, критика-предупреждение, критика-замечание, критика-укоризна, критика-упрёк, критика-требование, критика-вызов, конструктивная критика [Вишнякова, 2002: 47-48].

Деловая коммуникация неразрывно связана с критикой, с субъектом и объектом критики, со способами её осуществления и т.д. Исследователи делят критику на позитивную, конструктивную и разрушительную. Предметом первого вида критики выступает не личность человека, а его действия и поступки. Целью позитивной критики является решение возникших проблем. Второй вид критики предполагает равноправие критикующего и критикуемого, в диалоге которых происходит обнаружение недостатков, а также их коррекция. Основываясь на вышеописанной типологии, представляется возможным объединить первый и второй вид критики, поскольку здесь обнаруживается явное сходство в цели позитивной и конструктивной критики.

В отличие от конструктивной критики, деструктивная критика заключается в выражении пренебрежительных или оскорбительных замечаний, а также в агрессивном осуждении, унижении или осмеянии действий, поступков, утверждений [Исенко, 2014: 4]. Данный тип критики зачастую представляет собой монологическое высказывание, автор которого полностью уверен в своей правоте и не склонен принять другую точку зрения [Скаженик, 2006: 83-84]. Как отмечает С. П. Исенко, деструктивная критика не только негативно сказывается на самооценке критикуемого, но и снижает

его способность эффективно справляться с задачами, отвлекая его внимание и силы на преодоление эмоционального дискомфорта [Исенко, 2014: 4].

В зависимости от оценки, которую высказывает объект, исследователи предлагают следующую типологию: огульная, справедливая и несправедливая критика. Огульная или обобщённая критика отражает скорее эмоциональное состояние объекта, нежели реальную ситуацию. К такому типу критики относятся оскорбления, фразы, содержащие лексемы сниженного регистра. Справедливая критика опирается на факты и указывает на явные недостатки. К несправедливой критике, в свою очередь, исследователи относят высказывания, не отражающие реальную ситуацию [Медведева, 2011: 147-148].

Представляется возможным выделить отдельный вид критики, когда субъект и объект оценки совпадают, – самокритику. Согласно толковому словарю Н. Д. Ушакова, самокритика – это критика собственных ошибок; выявление недостатков в своей работе или в своём поведении [Ушаков, 1948: 36]. В словаре русского языка С. И. Ожегова предложено следующее толкование слова «самокритика» – это «критика недостатков собственной работы, вскрытие своих ошибок» [Ожегов, 1970: 686].

Поскольку понятия критики и самокритики связаны между собой, различаясь в субъекте оценки, допустимо выстроить аналогичную классификацию для самокритики.

Критика Самокритика	
объект ≠ субъект	объект = субъект
Критика / Самокритика по цели	
конструктивная	деструктивная
Критика / Самокритика по оценке субъекта	
справедливая	огульная / несправедливая

Таблица 1. Классификация критики и самокритики

Основываясь на представленной типологии, самокритика может быть классифицирована в зависимости от цели, формы, а также от выражаемой оценки. Стоит отметить, что для данного исследования наиболее релевантной является типологизация самокритики исходя из её цели: конструктивная и деструктивная.

1.3. Внутриличный конфликт и самокритика

Внутриличный конфликт и самокритика представляют собой сложные взаимосвязанные явления, оказывающие значительное воздействие на индивида, его эмоциональное состояние и коммуникацию (интерперсональную и интраперсональную). Данные понятия являются объектом активного изучения не только философии, психологии, но и лингвистики.

Учёные, анализирующие конфликт и его проявления в психологии, понимают конфликт как «столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов и даже столкновения самих оппонентов» [Большой психологический словарь, 2007: 179]. Различия в мировоззрении, ценностных

ориентациях и убеждениях могут порождать конфликты, особенно в ситуациях, связанных с выражением мнений и принятием решений.

Американский исследователь К. Боулдинг разграничивает конфликты с опорой на количество их участников: конфликты между отдельными людьми, между группами, между организациями; конфликт между человеком и группой, между человеком и организацией, между группой и организацией [Boulding, 1962]. Ещё более подробную классификацию предлагает С. Чейз. Он выделяет 18 видов конфликтов, начиная от межличностных ссор, заканчивая конфликтом между Западом и Востоком [Chase, 1951]. Несмотря на то что классификация С. Чейза охватывает довольно большое количество областей, сам исследователь не считает её исчерпывающей, количество видов конфликтов остаётся неопределённым.

Для данного диссертационного исследования релевантным и существенным является разграничение конфликтов на внутриличностные и межличностные. Категория внутриличностных конфликтов включает психологические конфликты, возникающие при столкновении мотивов, целей, интересов и т. д., представленные в сознании индивида соответствующими переживаниями. В психологии для описания подобных конфликтов используется не только термин «внутриличностный конфликт», но и такие термины, как личностный, интрасубъектный, интраперсональный, психологический конфликт [Гришина, 2008: 95].

Внутриличностный конфликт чаще всего возникает при несовпадении ожиданий индивида и реальности. Внешние обстоятельства зачастую препятствуют удовлетворению глубоких и активных мотивов, либо создают риск для их удовлетворения [Мерлин, 1970: 130]. Однако возникновение психологического конфликта зависит от того, вызывают ли внешние обстоятельства определённые внутренние условия, представляющие столкновение между различными мотивами и внутренними отношениями личности или между её возможностями и стремлениями [Гришина, 2008: 97]. Согласно психологу В. С. Мерлину, ещё одним неотъемлемым условием

психологического конфликта является субъективное ощущение неразрешимости ситуации.

В зависимости от условий, в которых оказывается индивид, К. Левин выделяет три вида конфликтов. Первый сценарий конфликта подразумевает выбор между двумя весьма привлекательными, но взаимоисключающими альтернативами. Для того чтобы конфликт возник, важно, чтобы мотивы, стоящие за этими действиями, одновременно активировались и имели схожую силу [Гришина, 2008: 99]. Примером такого конфликта служит ситуация, известная как «случай Буриданова осла», в которой осёл умер от голода, не сумев выбрать между двумя равными кормушками с сеном. В жизни человека аналогичная ситуация не произошла бы, однако такой тип конфликта может привести к напряжённой ситуации, если перед человеком стоит выбор между двумя в равной степени необходимыми вещами.

Во втором сценарии конфликта человек сталкивается с ситуацией «выбора из двух зол», однако, подобно первому типу конфликта, избежать принятия решения невозможно. В связи с этим человек все-таки вынужден выбрать одну из непривлекательных опций.

Третий сценарий конфликта характеризуется тем, что один и тот же выбор одновременно обладает как преимуществами, так и недостатками. В такой ситуации человек должен проанализировать все вводные данные, прежде чем принять решение. В основе вышеперечисленных видов конфликта лежит противоречие, которое может быть как субъективным, так и объективным, влияющее на то, какой вариант окажется более привлекательными.

В конце прошлого столетия отечественные психологи А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов предложили классификацию, в которой выделили шесть видов внутриличностного конфликта: мотивационный конфликт, нравственный конфликт, конфликт нереализованного желания, ролевой конфликт, адаптационный конфликт, конфликт неадекватной самооценки [Анцупов и Шипилов, 2000: 297]. В основе данного подхода лежит противопоставление «я

хочу» – «я должен» – «я есть». Например, адаптационный конфликт связан с разрывом равновесия между индивидуумом и окружающей средой. Он включает в себя противоречия между требованиями действительности и возможностями человека, такими как профессиональные, физические и психологические. Кроме того, существует невротический конфликт, который представляет собой результат продолжительного внутриличностного конфликта [Анцупов и Шипилов, 2000: 297].

Внутриличностный конфликт – это состояние, при котором различные аспекты личности сталкиваются и вступают в противоречие друг с другом. Признаками внутриличностного конфликта могут быть психоэмоциональное напряжение (беспокойство, страх, раздражение, депрессия), эмоциональные перепады, снижение самооценки, снижение производительности и качества жизни, трудности принятия решений, а также некоторые физические симптомы (головные боли, бессонница и др.). Перечисленные признаки могут варьировать в зависимости от характера и интенсивности конфликта, а также от индивидуальных особенностей личности. Они указывают на то, что внутриличностный конфликт может оказать серьёзное воздействие на психическое и физическое состояние человека.

В зависимости от характера, интенсивности и способа разрешения, личности индивида, переживающего конфликт, внутренний конфликт может иметь деструктивные или конструктивные аспекты. Внутриличностный конфликт может служить своеобразным «толчком» к саморефлексии и совершенствованию. Конструктивно преодолеваемый внутриличностный конфликт является одним из способов формирования адекватной самооценки, характера индивида. В. С. Мерлин отмечает, что психологический конфликт может иметь значительное воздействие на формирование новых черт личности, а также приводить к её глубоким изменениям [Анцупов и Шипилов, 2000: 305]. Однако деструктивный внутренний конфликт тормозит развитие личности и, как утверждают исследователи, приводит к психическим расстройствам и суицидальному поведению [Анцупов и Шипилов, 2000: 311].

Таким образом, внутриличностный конфликт можно описать как психоэмоциональное состояние, возникающее из-за продолжительной борьбы между различными аспектами внутреннего мира личности. Правильное управление конфликтом и его конструктивное разрешение могут привести к положительным результатам и личностному росту.

1.4. Самокритика в интерперсональной коммуникации: лингвопрагматический подход

1.4.1. Определение понятия интерперсональной коммуникации

Коммуникация ещё с давних времён привлекала внимание философов. Одну из первых моделей коммуникации описал Аристотель в своей работе «Риторика». В данном труде философ сформулировал концепцию коммуникации как процесса, состоящего из трёх основных составляющих: оратора (говорящего), предмета обсуждения и аудитории (слушателей) [Аристотель, 2009: 7]. Данная модель универсальна, поскольку применима как к устной, так и к письменной формам общения. В рамках модели коммуникации, сформулированной Аристотелем, можно выделить три главных элемента: оратор (говорящий), речь (содержание общения) и слушатель (аудитория). В более поздних теориях и моделях коммуникации эти элементы остаются в центре внимания, однако к ним добавляются другие.

Один из основоположников современной политологии Г. Лассуэл добавил к модели Аристотеля ещё один элемент – влияние. В 1968 г. исследователь трансформировал формулу коммуникации, включив следующие элементы: намерение, ситуацию, ресурсы, стратегию, влияние. Модель Г. Лассуэла предполагает анализ коммуникации при помощи семи вопросов: “Who?”, “With what intentions?”, “In what situations?”, “With what assets?”, “Using what strategies?”, “Reaches what audiences, with what result?” [Sapienza, Iyer, Veenstra, 2015: 607]. Однако такой вариант был впоследствии преобразован в следующий: “Who - says what - in what channel - to whom - with

what effect?” [Sapienza, Iyer, Veenstra, 2015: 607]. Несмотря на добавление канала передачи и влияния, Г. Лассуэл представляет коммуникацию линейной, поскольку учёный не включает в свою модель обратную связь.

Американские исследователи Ч. Осгуд и У. Шрамм предложили циклическую модель коммуникации, в которой они рассматривают коммуникацию не как линейный процесс, но как циклический [Osgood et al., 1957]. Делая акцент на обратной связи, исследователи понимают коммуникацию как двусторонний процесс, в котором участвуют отправитель и получатель сообщения, взаимодействуя друг с другом.

Представленные выше модели отражают процесс коммуникации в целом, не фокусируясь на деталях: на типе адресанта / адресата, их количестве, функциях коммуникации и т.д. Коммуникация может принимать различные формы: кроме массовой коммуникации, человек также вступает в межличностное взаимодействие, которое играет важную роль в отношениях и обмене информацией. Межличностная коммуникация, в отличие от массовой, фокусируется на взаимодействии между конкретными индивидами, где каждый из них выступает и как отправитель, и как получатель сообщений. Это взаимодействие может происходить в разных контекстах, будь то разговор с другом, переговоры на работе или беседы в семье.

В настоящее время межличностное общение является предметом изучения не только философии, но и психологии, лингвистики, педагогики, социологии, теории культуры и др. Несмотря на значительный объём работ, посвящённых изучению межличностной коммуникации, универсального определения понятия интерперсональной коммуникации как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях до сих пор не сложилось.

П. Хартли отмечает, что интерперсональная коммуникация занимает центральную позицию в деятельности людей [Hartley, 1999]. Действительно, межличностное общение играет ключевую роль в социальной жизни человека, способствуя формированию социальных связей с окружающими.

Согласно А. Б. Фишеру и К. Л. Адамсу, интерперсональная коммуникация представляет собой “the process of creating social relationships between at least two people by acting in concert with one another” (процесс создания социальных отношений по крайней мере между двумя людьми, действующими согласованно друг с другом) (перевод наш – Н.Н.) [Fisher & Adams, 1994: 18]. Межличностное общение – это особый вид общения, отличающийся от межгруппового и массового общения количеством коммуникантов; в нём участвует небольшое количество людей. Характерными особенностями межличностного общения являются непосредственное взаимодействие между участниками, а также личностная направленность.

Главной характеристикой межличностного общения является диалогичность, поскольку интерперсональная коммуникация по своей природе ориентирована на взаимодействие между индивидами. Согласно М. М. Бахтину, жизнь человека представляет собой диалог: «Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, соглашаться и т.п.» [Бахтин, 1986: 337]. Следовательно, диалогичность считается фундаментальным аспектом интерперсональной интеракции, подчёркивает значимость взаимодействия и активного участия обоих коммуникантов в обмене информацией и формировании смысла.

Таким образом, в настоящем исследовании межличностное общение (или интерперсональная коммуникация) понимается как циклический процесс, происходящий между двумя или тремя коммуникантами, основной целью которого является осуществление взаимодействия и воздействия.

1.4.2. Теория речевых актов: основные понятия, типологии, классификации

Язык – это мощный инструмент, который формирует наше мышление, поведение, восприятие окружающего мира. Он также влияет на социальные взаимодействия и восприятие нас самих в этом мире. Когда человек вступает в коммуникацию, он не просто обменивается словами, напротив, язык

предполагает последовательность преднамеренных действий. Язык – средство, с помощью которого человек реализует свои намерения, выполняет действия: отдаёт приказы, выражает неодобрение и приносит извинения [Holtgraves, 2002: 9].

Удивительно, однако точка зрения о том, что язык представляет собой совокупность действий, появилась в лингвистических исследованиях относительно недавно. Исследование лингвистических феноменов, например, таких как самокритика, с точки зрения лингво-прагматического подхода раскрывает сложные лингво-психологические связи, лежащие в основе речевого общения.

Анализ самокритических высказываний с точки зрения лингво-прагматического подхода требует, прежде всего, определения мотива (мотивов) и целей, а также их разграничения. Впервые разграничение мотивов и целей в области прагматики было проведено в рамках теории речевых актов (“Speech Act Theory”). Теория речевых актов, основоположником которой был британский философ Дж. Остин, возникла благодаря наблюдениям исследователя о том, что невозможно определить истинность или ложность многих высказываний. Например, истинность высказывания – *“I hope, I’ll manage to finish the report tomorrow”* – не может быть определена, поскольку условия истинности не могут быть установлены. Это побудило Дж. Остина разграничить высказывания на перформативы и констативы [Austin, 1962].

Констативы – это высказывания, которые могут быть подвергнуты оценке с точки зрения их истинности. Перформативы используются для того, чтобы совершить какое-то действие, и, следовательно, они не поддаются анализу с учётом условий истинности или ложности. Стоит отметить, что несмотря на невозможность определения истинности перформативов, существуют случаи, в которых такие высказывания могут оказаться нецелесообразными, «неудачными» (“infelicitous”) [Austin, 1962: 18-19]. Например, если студент скажет своей группе: *“I declare a holiday today”*, то ему (ей) не удастся изменить текущую ситуацию, поскольку у студента нет

полномочий объявить выходной для целой группы или всего университета. Как видно из примера, успешность перформативов напрямую зависит от социальных условий: статуса и полномочий говорящего.

Глагол, обозначающий критику в английском языке – *“criticise”* (*“to analyze and judge as a critic; to find fault with or censure; to make judgments”* [Roget’s Thesaurus, 2014: 121]), согласно Дж. Остину, относится к перформативным глаголам [Austin, 1962: 79]. Адресант критического высказывания может использовать данный глагол в своём высказывании: *“I criticise her for poor management”*, однако в основном глагол *“criticise”* встречается в ответных репликах, указывая на критику в предыдущем высказывании, что в свою очередь свидетельствует о том, что данный глагол не может считаться перформативным:

“I don’t mean it like that, of course, I mean . . . you know it’s good that you’re not just going to sit around here. You don’t want to come back to this place. It’ll suck the life out of you.”

It isn’t like Gershwin to criticise his home town like this” [Gayle, 2013: 51].

Дж. Остин приходит к выводу о том, что практически все утверждения (“assertions”) обладают перформативной особенностью, вследствие чего, решает отказаться от строгого разграничения между перформативами и констативами. Согласно данной теории, каждое высказывание включает одновременное выполнение нескольких различных актов: локутивный, иллюкутивный и перлокутивный, присутствующих в одном высказывании.

Иллюкутивный акт выражает коммуникативную цель высказывания, в то время как перлокутивный акт относится к воздействию, которое высказывание оказывает на слушателя. Поскольку перлокутивный эффект всецело зависит от слушателя, он не обязательно преднамерен [Austin, 1962: 109]. Однако, некоторые лингвисты не разделяют мнение Дж. Остина. Например, К. Бах и Р. М. Харниш (Bach, Harnish) хотя и согласны с исследователем в том, что перлокутивные действия могут приводить к любому количеству связанных или несвязанных эффектов на адресата, но, в отличие от Дж. Остина, они

исключают непреднамеренные перлокутивные эффекты из своей системы речевых актов [Vach, Harnish, 1979: 81]. Согласно К. Баху и Р. Харнишу, перлокутивные акты целенаправлены и приводят только к определённым результатам, а именно к “psychological states or intentional actions” (психологическим состояниям или преднамеренным действиям) [Vach, Harnish, 1979: 81].

Позднее Дж. Остин выделил пять классов речевых актов в зависимости от типов перформативных глаголов и иллокутивной силы: вердиктивы, экзерситивы, бехабитивы, комиссивы, экспозитивы [Austin, 1962: 150]. Если рассматривать самокритику как речевой акт, то, согласно классификации Дж. Остина, её следует отнести к классу бехабитивов. Данный класс включает “the notion of reaction to other people's behaviour and fortunes and of attitudes and expressions of attitudes to someone else's past conduct or imminent conduct” (понятие реакции на поведение и судьбу других людей, а также отношения и выражения отношения к чьему-либо прошлому поведению или предстоящему поведению в будущем) (перевод наш – Н.Н.) [Austin, 1962: 159]. Самокритика представляет собой выражение отрицательной оценки по отношению к себе, своим действиям, ошибкам и проступкам. Она напрямую связана с реакцией объекта на действия и поведение субъекта, а также отображает чувства и эмоции по отношению к субъекту.

Исследования Дж. Остина поставили перед исследователями новые вопросы и проблемы. Дальнейшее развитие теории речевых актов прочно связано с именем американского учёного Дж. Сёрля, который дополнил классификацию Дж. Остина и подробно описал различные типы речевых актов [Searle, 1979]. В рамках концепции Дж. Сёрля самокритика относится к экспрессивам, поскольку иллокутивная цель данного класса заключается в выражении “the psychological state specified in the sincerity condition about a state of affairs specified in the propositional content” (психологическое состояние, указанное в условии искренности относительно положения дел, указанного в пропозициональном содержании) (перевод наш – Н.Н.) [Searle, 1979: 15], то

есть экспрессивы выражают отношение объекта по отношению к субъекту и его реакцию на происходящее.

Проведя детальное исследование, Дж. Сёрль не смог избежать проблемы нечёткого разграничения иллокутивных высказываний, о чём свидетельствует использование перформативных глаголов в описании его классификации.

С одной стороны, высказывания, содержащие самокритику, можно отнести к классу экспрессивов (а), выражающих психологическое состояние коммуникантов, поскольку речевые акты самокритики конфликтны по своей природе и реализуются в атмосфере психологического напряжения. С другой стороны, самокритика может принимать форму директивного акта, когда говорящий даёт себе советы или инструкции, и тогда она будет относиться к директивам (б); если же самокритика реализуется в форме утверждения, выражающего негативную оценку и приписывающего ответственность за совершённое или несовершённое действие, то, следовательно, она будет относиться к ассертивам (в).

а) *"I'm so disappointed in myself."*

б) *"I need to work harder and be more disciplined."*

в) *"I made a huge mistake, and I shouldn't have done this."*

Сложность отнесения самокритики к определённому типу речевых актов обуславливается и наличием многочисленных высказываний, косвенно выражающих самокритику, как в следующем примере.

"Be likable, Cassandra. Be non-grating. Remember that social hierarchy exists and stop telling people senior to you that their ideas are total shit. Just in time, I remember to force my face into a dimpled smile, even though it feels like pulling toffee with my hands" [Smale, 2023: 63].

В данном примере без учёта ситуации общения цепочка высказываний: *"Be likable, Cassandra. Be non-grating. Remember that social hierarchy exists and stop telling people senior to you that their ideas are total shit."* – воспринимаются как приказы, адресатом которых является Кассандра. Без учёта контекста не понятно, кто является адресантом: сама девушка или какой-то другой человек.

Однако, учитывая контекст, становится очевидно, что Кассандра признает, что ранее она вела себя некорректно по отношению к своему руководителю и заказчикам проекта. Эта внутренняя борьба и усилия изменить своё поведение отражают форму имплицитной самокритики.

Главными целями самокритики, как уже было отмечено ранее, являются выражение эмотивно-оценочного отношения (недовольства, порицания, презрения, осуждения, гнева и др.), а также побуждение скорректировать своё поведение, исправить сложившуюся ситуацию. Однако самокритика может также быть использована в других целях. Её роль напрямую зависит от коммуникативной ситуации, коммуникантов и их психоэмоционального состояния.

Самокритика может быть использована для предотвращения критики со стороны партнёра по коммуникации. Несмотря на то что человеческий мозг воспринимает критику и самокритику одинаково, отрицательное оценивание себя более предпочтительно, чем критика от другого человека:

“‘Wow,’ Will says, handing my color chart back. ‘That’s...’

‘Weird.’ I breathe out. ‘I know. But paint colors help ground me, give me something solid to reference, and that makes me happy. It works the other way round too. All I have to do is look at a color and I feel a really powerful emotion. Like, all the way through my body, even though I can’t quite tell what it is. I get so much joy from these chips of paints. It’s like...an encyclopedia of feelings.’” [Smale, 2023: 76]

Из широкого контекста известно, что Кассандра рассказала о своей особенности (интерпретация эмоций окружающих людей при помощи цветов) своему новому молодому человеку. Предвидя его возможную реакцию на своеобразную привычку, она заканчивает фразу Уилла, используя отрицательно оценочную лексему “*weird*” (“*weird – very strange and unusual, unexpected, or not natural*” [Cambridge Dictionary Online]). Поступая таким образом, она пытается минимизировать потенциальную критику и осуждение со стороны мужчины, признавая, что её привычка не является нормой.

Самокритика также может реализовываться в сочетании с извинением. Говорящий приносит извинения и одновременно критикует себя в имплицитной или эксплицитной форме. Таким образом, он предотвращает критику своего партнёра.

“Shit. I totally forgot about that. I was just stressed, waiting for my next assignment to come through. Work’s been a bit thin on the ground recently. I’m so sorry, Cass. I can be such a grumpy asshole.”

‘Don’t apologize.’ I beam, squeezing his hand. ‘I’m sure it was my fault too, whatever it was. I’m sorry. It’s forgotten. Never to be mentioned again.’” [Smale, 2023: 22].

В примере один из главных героев, Уилл, говоря: *“I can be such a grumpy asshole”*, отрицательно оценивает своё поведение в эксплицитной форме (*“grumpy – **inf.** easily annoyed and complaining; asshole – **offensive**, an unpleasant or stupid person”* [Cambridge Dictionary Online: URL]). Самокритика в форме самообвинения выполняет функцию своего рода наказания за содеянное.

В ответе девушки, *“I’m sure it was my fault too ...”*, содержится зеркальная самокритика. Кассандра берет часть вины на себя по нескольким возможным причинам:

а) чувство причастности (некоторые люди склонны брать на себя ответственность за ситуации или конфликты, даже если они, возможно, ни в чем не виноваты);

б) сопереживание и извинение (человек хочет продемонстрировать понимание и сострадание к партнёру, разделив вину, даже если это неоправданно);

в) избегание конфликта (человек пытается избежать спора или дальнейшего обсуждения проблемы).

В данной ситуации третий вариант представляется наиболее вероятным. Принимая на себя долю ответственности, Кассандра надеется закончить разговор и оставить ситуацию в прошлом, не закливаясь на ней. Ещё одна

цель, почему человек прибегает к самокритике, заключается в поиске поддержки, совета.

“‘You might as well know this given it’s not going to happen but I don’t know . . . I had this big plan to look her up again and . . . you know . . .’ I laugh. ‘It’s ridiculous, look at me, I’m not even divorced yet and already I’m looking for another happy ever after. Is that stupid?’

‘Of course not,’ says Gershwin, ‘You two have a lot of history. But it’s probably for the best she’s not single. You know how complicated stuff got whenever you guys got together.’

‘Do you think I should go and see her and wish her well and all that? I mean, we are still friends.’ Gershwin looks disapproving” [Gayle, 2013: 172].

В приведённом диалоге мужчина критикует себя, подвергая сомнению своё собственное поведение и намерения: *“Is that stupid?”*. Самокритика используется не с целью саморефлексии, но с целью запроса совета. Главный герой, Мэтт, стремится получить поддержку и подтверждение о правильности своих намерений у собеседника, Гершвина. Критикуя себя, он косвенно запрашивает мнение друга и ищет убедительные аргументы в пользу своих решений. Однако Гершвин реагирует не сразу, поэтому Мэтт запрашивает совет в эксплицитной форме: *“‘Do you think I should go and see her and wish her well and all that? I mean, we are still friends.’ Gershwin looks disapproving.”*

Самокритика может также вызывать чувство вины у адресата сообщения. Критикующий себя человек может косвенно перекладывать вину на своего партнёра по коммуникации:

“‘Who was that?’

‘My mum most likely.’

‘Is she OK?’

‘I couldn’t bring myself to answer it. I already feel guilty enough that I haven’t seen much of my folks these past few weeks. She’s probably fed up that I’ve been spending all my time here and is trying to coax me home with the promise of a meal. She’s called about half a dozen times and not left a message.’

Rosa frowns. 'I feel bad. Maybe you should see her then.'

'What? And spend a night away from you? No thanks. I'll drop in sometime on Sunday. They'll be fine.'" [Gayle, 2013: 53].

Главный герой, Мэтт, долгое время не отвечал на звонки своей матери; отклонив очередной звонок, он испытывает чувство вины за то, что долго не виделся с родителями: *"I already feel guilty enough that I haven't seen much of my folks these past few weeks."* Мужчина не обвиняет эксплицитно девушку в том, что она причастна к этому. Однако реакция девушки на самообвинение Мэтта указывает на то, что она перенимает часть вины на себя: *"I feel bad."*

Чувство причастности может быть вызвано репликой *"She's probably fed up that I've been spending all my time here ..."*, в котором используется лексема *"here"*. Дейксис места может относиться к квартире, в которой находится пара в момент разговора, или также ассоциироваться с женщиной, поскольку квартира принадлежит ей. В таком случае самокритика может служить тонким намёком на то, что их совместное времяпрепровождение препятствует общению Мэтта со своей семьёй, и, таким образом, косвенно перелagать часть ответственности на Роузи.

Однако важно отметить, что такая интерпретация могла бы быть верной без учёта ответной реплики мужчины: *"What? And spend a night away from you? No thanks. I'll drop in sometime on Sunday. They'll be fine."* Принимая во внимание более широкий контекст, а также межличностные отношения между Мэттом и Роузи, становится понятно, что мужчина не хотел обвинить девушку в причастности к ухудшению отношений с родителями.

Таким образом, речевой акт самокритики может рассматриваться как полиинтенциональный речевой акт. В каждом из приведённых примеров самокритика не является самоцелью, она переплетается с другими намерениями, такими как поиск совета, подтверждение правильности намерений, извинение, саморефлексия и эмоциональная разрядка. Такая многогранность отражает полиинтенциональную природу человеческого общения, когда одно высказывание может передавать множество уровней

смысла и намерений. Самокритика не ограничивается краткими оценочными высказываниями, она может принимать форму самоупрёка, самообвинения, самобичевания, самонасмешки и т.д., а также выразиться сочетанием этих форм.

Одним из недостатков теории речевых актов является её узкая применимость, в том числе при анализе самокритических высказываний. Т. А. ван Дейк утверждает, что изучение коммуникации в рамках прагматики не должно ограничиваться одиночными, изолированными предложениями. Исследователь предлагает анализировать связанные речевые акты, а также комплексы речевых актов, образующие глобальный речевой акт (макроречевой акт). Участники коммуникации декодируют информацию при помощи макроправил. Т. А. ван Дейк подчёркивает важность определения связи между высказываниями при планировании и ведении разговора [ван Дейк, 2000: 35-36].

Согласно Ф. Хундснуршеру, речевые акты рассматриваются как средства достижения поставленных целей. Исследователь отмечает, что говорящие стараются ориентироваться на ситуацию разговора, поскольку для корректной интерпретации высказываний необходимо учитывать цель высказывания, а также ситуационные условия [Hundsnurscher, 1989: 142-144]. Однако вопрос о том, каким образом контекст может быть учтён в рамках теории речевых актов, остаётся открытым. Вследствие этого, введение понятий коммуникативной стратегии и тактики позволяет провести более комплексное исследование самокритики, учитывая многообразие её форм, а также принимая во внимание контекстуальные параметры.

1.4.3. Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие самокритику: основные понятия, типологии, классификации

Человек склонен планировать не только свою деятельность, но и своё речевое поведение. Для успешного воздействия на коммуниканта необходимо стратегическое планирование речи. Исходя из поставленной цели, адресант

выбирает соответствующую стратегию. В зависимости от ситуации коммуникант может изменять свои действия, однако при этом он придерживается единой сверхзадачи [Иссерс, 2008: 52]. В данной ситуации понятие сверхзадачи соотносится с понятием стратегии.

В любом высказывании говорящий реализует различные цели, при этом он соотносит поставленную коммуникативную цель с языковым выражением. Согласно американскому исследователю Д. Леви, стратегия представляет собой когнитивный процесс, в котором адресант выбирает языковые средства, соответствующие коммуникативной цели [Levy, 1979: 197].

Исследователи различают глобальную цель, согласующуюся с конечной целью, а также более частные локальные цели, направленные на реализацию главной задачи. Принимая во внимание иерархические отношения вышеперечисленных целей, учёные склоняются к тому, что под глобальной целью можно понимать стратегию, в то время как локальные цели представляют собой тактики, позволяющие достичь поставленной цели в определённой ситуации.

В. С. Третьякова определяет стратегию как «принятое говорящим решение о последовательности речевых действий, определяющих его речевое поведение в плане выбора оптимальных средств и способов для достижения коммуникативных целей» [Третьякова, 2003: 16].

Под стратегией О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина понимают осознание ситуации в целом и нахождение оптимального решения коммуникативной задачи. Речевые тактики способствуют реализации стратегии и детерминируются исследователями как речевые приёмы, направленные на достижение глобальной цели [Гойхман, Надеина, 2008: 200].

Достаточно полным определением речевой стратегии является трактовка, принадлежащая отечественному филологу О. С. Иссерс. Исследователь утверждает, что стратегия «представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс, 2008: 54].

Проанализировав различные подходы исследователей к определению стратегии, было выявлено, что общим во всех дефинициях является глобальность задачи, стоящей перед говорящим.

В зависимости от сложившейся ситуации общения говорящий использует необходимую ему стратегию, реализация которой осуществляется различными способами. Согласно О. С. Иссерс, каждый из таких способов или их совокупность представляет собой тактику [Иссерс, 2008: 110]. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев придерживаются аналогичной точки зрения и понимают под тактикой способ реализации стратегии. Отечественные учёные полагают, что коммуникативные тактики «формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки, мнения, досаду, радость и т. п.)» [Граудина, Ширяев, 1999: 72].

Исследователи подчёркивают динамический характер тактики, что позволяет корректировать ход общения и, таким образом, обеспечивает гибкость коммуникативной стратегии. М. Л. Макаров в своём исследовании утверждает, что стратегия характеризуется динамичностью и гибкостью, поскольку, находясь в постоянной взаимосвязи с предшествующими и последующими речевыми действиями коммуниканта, стратегия постоянно претерпевает определённые изменения. Разделяя эту точку зрения, И. Н. Борисова считает, что важнейшей чертой тактики является её динамический характер. Исследователь детерминирует тактику как «динамическое» использование речевых умений в ходе коммуникации [Борисова, 1996: 42]. Придерживаясь аналогичной позиции, В. С. Третьякова утверждает, что для реализации глобальной цели недостаточно одной тактики, для осуществления стратегической задачи необходим целый набор тактик, выбор которых зависит от хода диалога [Третьякова, 2003:17].

Коммуникативная тактика, в свою очередь, реализуется благодаря более мелким методам и приёмам – коммуникативным ходам. По мнению О. С. Иссерс, «характеристика коммуникативного хода определяется исходя

из его функциональной нагрузки в решении тактических и стратегических задач» [Иссерс, 2008: 125].

Исходя из вышесказанного, под коммуникативной стратегией в настоящей работе понимается план вербального и невербального поведения, ориентированный на достижение какой-либо цели. В свою очередь способы, благодаря которым будет решена поставленная задача, рассматриваются как коммуникативные тактики.

На сегодняшний день ещё не создано общепринятой типологии стратегий общения. Т. ван Дейк разграничивает стратегии на основе создаваемых с их помощью дискурсов: схематические, текстовые, речевые, когнитивные, контекстуальные, семантические, синтаксические, и др. Нидерландский учёный считает, что именно речевые стратегии детерминируют единый стиль взаимодействия коммуникантов, то есть каким образом и с помощью каких средств может быть достигнута цель коммуникации [ван Дейк, 2000: 277].

В связи с разнообразием коммуникативных ситуаций создание единой классификации стратегий представляется довольно проблематичным. Отечественный филолог О. С. Иссерс, исходя из функциональных признаков, выделяет основные и вспомогательные стратегии. Согласно исследователю, в основных стратегиях отражается иерархия мотивов и целей, а их первостепенной целью является влияние на адресата. В качестве примера, О. С. Иссерс приводит стратегии подчинения, уговора, дискредитации и т.д. Вспомогательные стратегии «способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Иссерс, 2008: 106]. К таким стратегиям автор относит конверсационные, осуществляющие контроль за организацией диалога, прагматические, ориентированные на компоненты коммуникативной ситуации, и риторические, координирующие использование различных приёмов риторики, а также разнообразных техник эффективного воздействия на коммуниканта [Иссерс, 2008: 106-107]. Как отмечает О. С. Иссерс, несмотря

на детальный анализ и проработку предложенной классификации стратегий, она имеет свои недостатки, поскольку наблюдается общность некоторых функций. Так, например, к риторическим и диалогическим стратегиям относится установка на конфликтное поведение.

Принимая во внимание тот факт, что понятие «стратегия» вошло в прагматику из военного искусства, в основе стратегии заложен принцип не сотрудничества, а победы. Вследствие чего, при исследовании стратегий необходимо учитывать не только «принцип Кооперации», но и «Некооперации», в основе которого лежит установка против адресата, а также приоритет целей и интересов адресанта. Исходя из ориентированности вектора на кооперацию, Н. И. Формановская выделяет кооперативные и конфронтационные речевые стратегии [Формановская, 2007: 341]. К конфронтационным стратегиям относятся стратегии дискредитации, манипулирования, ссоры, речевой агрессии и другие. Ко второму типу – стратегии контактирования, ослабления прагматического воздействия, одобрения, утешения и другие.

Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет кандидатская диссертация А. В. Медведевой [Медведева, 2015], в которой был предложен авторский подход к изучению критики (и самокритики). А. В. Медведева, считает, что критика (и самокритика) «выражается при помощи критического суждения» [Медведева, 2015: 7], для передачи которого используются конфронтационная, нейтральная и кооперативная стратегии [Медведева, 2015: 8]. Хотя предложенная концепция имеет свои достоинства, она вызывает некоторые вопросы, связанные, в первую очередь, с приравнением самокритики к критике. Как отмечает сама автор, «в предпринятом исследовании разграничение таких понятий, как «критика» и «самокритика», не является принципиальным» [Медведева, 2015: 82]. Разграничение критики и самокритики при выделении коммуникативных стратегий важно прежде всего для понимания различий в целях и направлениях воздействия. Критика нацелена на оценку действий, идей или

поведения другого человека, что требует учёта межличностных отношений, статуса собеседников, ситуации общения. Самокритика же предполагает саморефлексию и часто направлена на демонстрацию готовности к самосовершенствованию или на усиление доверия в коммуникации, что исключает какую-либо конфронтацию.

Анализ эмпирического материала позволяет утверждать, что в интерперсональной коммуникации адресант прибегает к применению, как правило, кооперативных стратегий при выражении самокритики. Они реализуются посредством следующих тактик: тактика самоупрёка (тактика признания вины), тактика самооскорбления, тактика Я (-), а другой (+), тактика самонасмешки.

“She turns her back and starts tidying away our mugs even though they’re still half full. Dad throws me a look that says: ‘You made the mess, now clean it up,’ and so I follow my mum to the sink. ‘I shouldn’t have spoken to you like that, I’m sorry. It won’t happen again’” [Gayle, 2013: 42].

В примере представлена митигативная стратегия извинения [Fraser, 1980], [Langner, 1994], используемая для снижения напряжения, а также предотвращения конфликта. Главный герой Мэтт понимает, что несправедливо обидел свою мать и признаёт свою ошибку: *“I shouldn’t have spoken to you like that”*. Герой использует тактику самоупрёка, чтобы показать, что он сожалеет о том, как обошёлся с матерью, и признает, что она не заслуживает такого отношения. Тактика самоупрёка сопровождается извинением (*“I’m sorry”*), использующимся для выражения раскаяния.

“‘Listen,’ he says, ‘I’m sorry about Ginny. I know she meant a lot to you. I shouldn’t have . . . well, you know . . . I should’ve been a bit more sensitive about it.’

‘Nah, it’s fine, mate, honest. I’m just glad that I knew before I made a bigger fool of myself than I already have. I mean, it’s not like we’re seventeen any more, is it?’” [Gayle, 2013: 54].

В вышеприведённом фрагменте герой также использует митигативную стратегию извинения, которая реализуется при помощи сочетания тактик извинения (“*I’m sorry*”), недосказанности (“*I shouldn’t have ... well, you know ...*”) и самоупрёка (“*I should’ve been a bit more sensitive about it*”). В ответной же реплике представлена тактика самооскорбления: “*I’m just glad that I knew before I made a bigger fool of myself than I already have.*” (*fool – a person who behaves in a silly way without thinking* [Cambridge Dictionary Online: URL]). Говорящий признает, что совершил глупые поступки, но он благодарен за то, что избежал более серьёзной ошибки в данной ситуации. Указывая на собственные несовершенства, мужчина, возможно, пытается ослабить напряжение в разговоре.

“What a day,” sighs Ginny, putting her arms round me. ‘I would have been lost without you.’

‘I didn’t do anything. You were really strong all the way through and you stayed true to yourself and did the right thing.’ Ginny doesn’t seem too sure.

*‘He’s my dad,’ she says. ‘**The only close relative I’ve got left and I’ve just walked away from the only opportunity I might ever have to make things right between us.**’*

‘And why are you the one who has to make things right? He left you, not the other way round. Being a dad isn’t about having money, it isn’t even about getting things right all the time; it’s simply about being there for your kids when they need you. That’s all.’ Ginny hugs me tighter” [Gayle, 2013: 220].

Из широкого контекста известно, что героиня упрекает себя за то, что не подошла к отцу, с которым не общалась с раннего детства, и не поговорила с ним. Подчёркивая чувство упущенной возможности, она косвенно ищет поддержки и понимания у своего друга. В данном примере самокритика используется как способ получения эмоциональной поддержки и одобрения.

“‘Why am I showing a stranger with clearly amazing fashion sense the rubbish clothes I just bought?’ He grimaces. ‘Sorry again. It’s been a long week.’

'I want to see them.' I'm weirdly touched by the casual domesticity of this gesture: the incredible intimacy of it, as if somehow we are already a couple and he genuinely cares what I think. 'Show me.'" [Smale, 2023: 74-75].

Самокритичные высказывания могут быть также использованы для сближения с другим человеком. Молодой человек прибегает к самокритике для того, чтобы сблизиться с девушкой. В приведённом фрагменте Уилл выражает недоумение, зачем он показывает незнакомому человеку свои покупки. Он критикует свой выбор, используя отрицательно-оценочное прилагательное *"rubbish"* (тактика Я (-)), однако в то же время он делает комплимент девушке, подчёркивая её превосходное чувство стиля: *"with clearly amazing fashion sense"* (тактика Ты (+)). Выражение самокритики посредством риторического вопроса смягчает негативную оценку, однако не влияет на эффект создания позитивного впечатления.

*"'Alone.' Will pauses, scratches his nose, laughs loudly. 'I was about to describe myself as a lone wolf, and then realized that's not true at all. I love being surrounded by people. It just sounds a little bit sexier **than me walking around in my boxers, drinking out of bowls and using a fork to make my coffee.**'"*

"'Strange that it's always carnivores that are allowed to be alone without being judged, isn't it?' I think about it. 'Do you think that's a masculinity thing? Eagles. Wolves. So unfair. Like, solitary gerbil doesn't really have the same ring to it.'

'Very true. I'm just an isolated hamster.'

'A singular rabbit.'

'An unaccompanied goat,' Will laughs, scratching the top of his left ear. 'You make an excellent point. Basically, I broke up with my ex nearly a year ago, and when she moved out I just got too busy to find a new place to live.' He shakes his head. *'I'm doing it again. I didn't get too busy – I got too lazy.'*" [Smale, 2023: 106-107].

В данном примере содержится несколько реплик, содержащих самокритичные высказывания, в которых реализуется тактика самонасмешки.

На основании определения понятия насмешки Е. Г. Ножевниковой, в настоящей работе под насмешкой понимается выражение отрицательной оценки, выставление объекта оценки в невыгодно-комичном свете, результатом которой является улыбка или смех субъекта оценки [Ножевникова, 2013: 23-37]. В отличие от иронии, основной целью насмешки является не только представить себя в неблагоприятном виде, но и в то же время спровоцировать ответную реакцию – смех. В вышеприведённом примере маркером самонасмешки является лексема “*laugh*”.

Тактика насмешки позволяет говорящему выразить самооценку, а также создаёт атмосферу взаимопонимания, поскольку она позволяет собеседникам общаться более открыто, не скрывая собственные недостатки и несовершенства. Таким образом, **в интерперсональной коммуникации** самокритика, в отличие от критики, способствует бесконфликтному общению. Самокритика выступает своеобразным демпфером, снимающим напряжение между коммуникатами, способствующим успешной коммуникации.

1.5. Самокритика как структурно-жанровый тип интериоризованного дискурса

Интраперсональное и интерперсональное общение тесно связаны между собой, поскольку они формируют единый процесс коммуникации. Во внутриличностном и межличностном общении можно выделить схожие закономерности, которые поддаются описанию через одинаковые лингвистические категории: «направленность коммуникативного акта, цель высказывания, структура коммуникативного акта, психологический фон коммуникативного акта» [Блох, Сергеева, 2011: 6]. Основным отличием является то, что интраперсональное общение происходит без адресации сообщения реальному собеседнику. Внутриличностная коммуникация рассматривается как ключевой источник понимания самого себя, а также окружающих. Она принимает различные формы, такие как разговор с самим

собой, внутренняя речь, воображаемое взаимодействие, фантазирование (“daydreaming”) и т.д. [Honeycutt et. al., 2019: 323].

Данное исследование ориентировано на анализ внутриличностных отношений, в котором самокритика рассматривается как “a self-to-self relationship” (отношения с самим собой – пер. наш Н.Н.) [Cwin, 2018: 42], в которых человек одновременно является критиком и критикуемым. В процессе самокритики индивид вступает во внутренний диалог со своим внутренним «Я».

Изучение внутренней речи (ВР) началось ещё в начале XX века и носило преимущественно теоретический характер. Советский психолог Л. С. Выготский внёс значительный вклад в исследования, посвящённые внутренней речи, в области психологии. В своей работе «Мышление и речь» Л. С. Выготский пишет, что внутренняя речь формируется на основе эгоцентрической речи [Выготский, 1999: 65]. Исследователь принимает за основу работу Ж. Пиаже, в которой швейцарский психолог утверждает, что эгоцентрическая речь не выполняет никакой функции и исчезает у детей школьного возраста. Проведя эксперимент, Л. С. Выготский не соглашается с Ж. Пиаже, он считает, что эгоцентрическая речь не только «сопровождает детскую активность, она становится средством мышления» [Выготский, 1999: 55-56]. Кроме того, исследователь утверждает, что эгоцентрическая речь не исчезает бесследно, как считал Ж. Пиаже, напротив она переходит в другую форму – внутреннюю речь. Основными функциями внутренней речи являются: формулировка мыслей, осознание и преодоление трудностей, а также речь для себя [Выготский, 1999: 368-369].

В зарубежной психологии существует множество дефиниций внутренней речи. Ряд исследователей придерживается мнения о том, что ВР определяется как “the subjective experience of language in the absence of overt and audible articulation” (субъективное восприятие языка при отсутствии явной и слышимой артикуляции – пер. наш Н.Н.) [Alderson-Day & Fernyhough, 2015: 931], то есть основное отличие внешней от внутренней речи состоит в том, что

последняя беззвучно воспроизводится в голове. Однако следует отметить, что Л. С. Выготский полагает, что внутренняя речь не схожа по своей структуре с внешней речью, поскольку она фрагментарна, предикативна, а также смысл слов преобладает над их значением [Выготский, 1999: 368-369].

Внутренняя речь является средством внутриличностной коммуникации, с помощью ВР осуществляется мыслительный процесс индивидуума, а также регулируются психические процессы. Внутренняя речь выступает объектом исследования не только в работах в области психологии, но и в области лингвистики. Внутренней речи, её форме и функциям в художественной литературе посвящены работы М. Я. Блоха, Ю. М. Сергеевой, И. В. Артющкова, С. Г. Лариной, Ю. В. Погребняк и др. Как в психологии, так и в лингвистике исследователи не могут прийти к единому определению данного понятия. М. Я. Блох и Ю. М. Сергеева считают, что ВР может проявляться через произносимую вслух речь, речь в форме шёпота и произносимую речь [Блох, Сергеева, 2011: 6]. Напротив, Т. В. Кириллова в своём диссертационном исследовании подчёркивает, что внутренняя речь – произносимая, немая речь [Кириллова, 2011: 7]. Учёные сходятся в том, что понятие ВР объединяет различные речевые процессы и её ключевой особенностью является отсутствие адресации сообщения реальному собеседнику, адресат объективируется в сознании говорящего.

Исследователи выделяют три формы интраперсонального общения – «простое внутреннее реплицирование, внутренний монолог и внутренний диалог» [Сергеева, 2009: 3]. Различия между формами проявляются в их структурных и семантических особенностях [Сергеева, 2009: 11].

ВР в художественных произведениях вербализируется и переходит в иную форму – изображённую внутреннюю речь. В текстах естественная ВР претерпевает изменения и редко сохраняет свои характерные особенности, однако она может рассматриваться как аналог естественной ВР, поскольку писатели изображают речь героев максимально приближено к реальности.

В лингвистике ВР, как и речь автора, изучается в качестве композиционного способа организации текста. ВР может принимать различные формы: прямая речь, косвенная речь, авторское повествование и несобственно-прямая речь [Блох, Сергеева, 2011: 7]. Прямая речь представляет собой буквальное воспроизведение слов и фраз, произнесённых персонажем. Прямая речь обычно заключается в кавычки и сопровождается указанием того, кто произносит ту или иную реплику. Косвенная речь – это пересказ произнесённых персонажем реплик, с использованием слов автора. Под авторским повествованием понимается такой стиль рассказа, при котором автор описывает события, мысли персонажей и действия. Главной целью авторского повествования является передачи авторской позиции. Несобственно-прямая речь сочетает элементы прямой речи и авторского повествования. В этой форме передачи мысли автор может воспроизвести слова персонажа частично, оставляя часть речи в кавычках, а часть интегрируя в текст авторского повествования. Выбор между вышперечисленными способами зависит от жанра произведения, тематики, структуры и стиля произведения, а также от того, как автор хочет передать мысли и чувства персонажей в тексте.

В литературоведении изображённая ВР рассматривается как стилистический приём, который используется для раскрытия характера главного героя, а также как средство отражения волевой сферы личности и динамики его чувств. Использование такого стилистического приёма в художественных текстах позволяет читателям проникнуть во внутренний мир героя и точнее понять его эмоционально-психологическое состояние. Функции изображённой внутренней речи разнообразны. М. Я. Блох и Ю. М. Сергеева объединяют функции изображаемой ВР в три группы: сюжетно-композиционные функции, психологические функции, речехарактеризующие функции [Блох, Сергеева, 2011: 152].

Ю. В. Погребняк предлагает рассматривать языковую модель ВР как интериоризованный дискурс, характерной чертой которого является

направленность высказывания персонажа на самого себя [Погребняк, 2012: 11]. Посредством интериоризованного дискурса автор отражает внутренний мир персонажа: мысли, переживания и чувства, не предназначенные для внешнего мира. В связи с этим в литературных произведениях интериоризованный дискурс служит средством моделирования внутренней речи персонажей, и, как отмечает Ю. В. Погребняк, автор передаёт «непроизнесенные мысли и переживания персонажа от лица самого персонажа» [Погребняк, 2012: 3]. Исследователь утверждает, что интериоризованный дискурс получает статус дискурса, поскольку, выполняя коммуникативную функцию, он может быть описан как лингвистическое явление, а не психологическое [Погребняк, 2012: 12].

Изучением дискурса, строящегося вокруг центрального референта «Я», занимается также Е. В. Солодкова [Солодкова, 2011]. Е. В. Солодкова совместно с С. Н. Плотниковой ввели понятие «*автореферентный дискурс*», в основе которого лежит автореферентная ситуация [Солодкова, 2012: 3]. Под автореферентным дискурсом понимается дискурс, центральным референтом которого выступает сам говорящий (пишущий) [Солодкова, 2012: 5]. В таком типе дискурса говорящий ведёт повествование от первого лица, выступая субъектом и объектом дискурса. Стоит отметить, что Е. В. Солодкова разграничивает повествование от первого лица (перволичностный нарратив) и автореферентный дискурс. Исследователь утверждает, что, хотя в повествовании от первого лица «Я» является одновременно референтом и метареферентом, структура и содержание автореферентного дискурса более комплексны и не ограничиваются только объектом рефлексии [Солодкова, 2012: 5].

Автореферентный дискурс может встречаться в различных текстах и жанрах, включая автобиографии, дневники, мемуары, блоги, обыденные разговоры, в которых индивид от первого лица делится своими личными историями или мнением. Однако такой дискурс не является структурно самостоятельным, поскольку он наслаивается на другие типы дискурса [Солодкова, 2012].

Основным отличием автореферентного дискурса от интериоризованного дискурса является то, что в автореферентном дискурсе происходит фокусировка на субъекте, который одновременно выступает и референтом, и метареферентом; в то время как интериоризованный дискурс направлен на передачу внутреннего мира персонажа, который выражается автором художественного произведения. В связи с тем, что материалом исследования служат текстовые фрагменты из произведений художественной литературы, в работе используется термин *«интериоризованный дискурс»*.

Представляется необходимым более подробно рассмотреть понятие интериоризованного дискурса и его отличительные особенности. Ю. В. Погребняк выделяет характерные признаки интериоризованного дискурса: «эгоцентричность», «максимум искренности, минимум нормированности, отсутствие игры и театральности, а также отсутствие социальных ролей и социальных дистанций» [Погребняк, 2012: 11-12]. Основываясь на теории концепта (В. И. Карасик), исследователь разграничивает три «структурно-жанровых типа интериоризованного дискурса» с преобладанием: «1) понятийной стороны плана содержания; 2) эмоционально-оценочной стороны; 3) образной стороны» [Погребняк, 2012: 200], которые в свою очередь также подразделяются на несколько подтипов. Для каждого типа интериоризованного дискурса характерно превалирование тех или иных функций. Например, для интериоризованного дискурса с преобладанием понятийной стороны свойственны «самоидентифицирующая, саморегулирующая и самоконтролирующая функции» [Погребняк, 2012: 220], поскольку для него первостепенен логический анализ, размышления, направленные на понимание себя и своего отношения к окружающему миру. Для интериоризованного дискурса с преобладанием эмоционально-оценочной составляющей характерна «функция выражения эмоций и оценки» [Погребняк, 2012: 220], поскольку на передний план выходит эмоциональное самовыражение, передача внутренних переживаний и оценка происходящего.

В связи с тем, что интериоризованный дискурс связан с потребностью индивида осмыслить свои действия, мысли, устремления, данному типу дискурса присущи следующие психологические функции:

- 1) «функции самоидентификации (подфункции самонаблюдения, самовосприятия, самоосознания);
- 2) функции саморегулирования (самоконтроля) (подфункции самопланирования, самооценки, самовнушения, самоощущения, самозащиты, самоподдержки, самоутешения, самооправдания, самоиронии, самообвинения, самоответа, самоупрёка, самокритики, самокоррекции);
- 3) функции самопонимания (подфункции саморефлексии и самопознания)» [Погребняк, 2012: 187].

Перечисленные подфункции являются различными проявлениями когнитивного процесса саморефлексии, однако варьируются по степени выражения негативной оценки. Не вызывает сомнений тот факт, что границы выделенных функций и подфункций пересекаются (например, самооценка, самообвинение, самоупрёк, самокритика, самоирония), что объясняется их взаимосвязанной природой. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что самокритика может быть рассмотрена как генерализующее понятие, охватывающее такие формы внутренней рефлексии и самооценки, как самоупрёк, самообвинение, самоиронию и другие.

Принимая во внимание психологические функции интериоризованного дискурса и их подфункции, а также типологии интериоризованного дискурса, в настоящем диссертационном исследовании предлагается рассматривать самокритику как структурно-жанровый тип интериоризованного дискурса с преобладанием понятийной и эмоционально-оценочной составляющей [Новикова, 2024: 89]. **Интериоризованный критический дискурс** основывается на процессах саморефлексии и самооценивания, однако в нём превалируют элементы критического самоанализа [Новикова, 2024: 89]. Главное отличие интериоризованного критического дискурса от других типов

интериоризованного дискурса заключается в его фокусе на выявлении и анализе собственных недостатков, ошибок, неправильного поведения и т.д. Данный тип дискурса служит инструментом глубинного самоанализа, помогая субъекту осознать свои ошибки и принять меры для их исправления или, напротив, ведущий к усилению внутреннего конфликта.

Интериоризованный дискурс принимает форму не только «прямой речи (внутренний монолог, внутренний диалог или реплицирование), несобственно-прямой речи» [Погребняк, 2012: 8], но и «условно интериоризованной речи» [Там же]. В рамках данного исследования анализу подвергается интериоризованный критический дискурс в художественных произведениях, написанных от первого лица, поскольку повествование от первого лица позволяет исследовать такие когнитивные процессы, как самоанализ, саморефлексия, самооценка, а также выявить, какое влияние самокритика (конструктивная и деструктивная) оказывает на самооценку и поведение героев. Рассмотрим следующий пример.

“I spent a few hours preparing for this moment, hunting through secondhand shops for a new vintage outfit, getting uncomfortably changed in a toilet cubicle and then furtively applying tester makeup in Boots, but now I’m starting to worry I’ve ruined everything already. What if I’ve knocked everything off course? What if the amazing blue tulle dress I’m now wearing is the thing that changes the universe? What if my black jumpsuit is actually the most attractive thing about me? More importantly, what if, by applying for reasons of hygiene only the makeup colors that haven’t been tested yet, I’ve made myself look like a drunk butterfly?” [Smale, 2023: 67].

Приведённый фрагмент представляет собой типичный пример интериоризованного критического дискурса. Героиня, Кассандра, выражает сомнения и озабоченность по поводу своего внешнего вида: “... *I’m starting to worry I’ve ruined everything already*”. Задавая себе ряд риторических вопросов, девушка косвенно критикует себя за то, что в очередной раз может испортить встречу с потенциальным парнем. При помощи анафорических повторов в

сочетании с параллельными конструкциями автор иллюстрирует переживания девушки. Кассандра задаётся вопросом, не были ли её усилия напрасными и не допустила ли она ошибок в выборе одежды и макияжа. Использование образного сравнения, *“like a drunk butterfly”*, подчёркивает самокритичность и неуверенность героини.

Автор передаёт мысли главной героини, выраженные в виде внутренней речи. Центральным референтом данного дискурса выступает сам адресант, вокруг которой группируются другие референты, связанные с ней. Следует также отметить, что интериоризованный критический дискурс возникает в ситуациях, связанных с внутриличностным конфликтом, при этом персонаж находится перед сложным выбором, признаётся себе в том, что неверно поступил, или сомневается в своих действиях, как, например, в вышеприведённом примере. Такой тип дискурса иллюстрирует эмоциональные переживания героев, внутренние размышления и их внутреннюю борьбу.

В интериоризованном дискурсе чётко прослеживаются две ступени объективации субъекта, о которых писал М. М. Бахтин [Бахтин, 1986: 305]. На первой ступени персонаж рассматривает себя как объект, а также размышляет о своём собственном восприятии себя. Вторая ступень объективации подразумевает, что персонаж активно рефлексировал и выражает свои собственные чувства, мысли и отношения к собственному «Я». С другой стороны, в интериоризованном дискурсе возможен «обратный процесс субъективации себя», проявляющийся в использовании чужих высказываний в отношении себя [Погребняк, 2015: 98].

“Things were going so well. Which means that there’s a point where things broke between us again, and I just need to work out exactly what and when it was so I can go back and fix it.

Unless...

(“Cassandra tends to overthink everything.”)

Unless I’m just reading things wrong again.

(“Cassandra can be neurotic and obsessive.”)

Unless I’m taking all the clues and piecing them together incorrectly, like a jigsaw rammed together by an impatient child: a nose where an eye should be, a tail on a forehead, a table in the sky. It doesn’t make sense because it’s not supposed to. I’m forcing a connection where there shouldn’t be one; building a picture that isn’t on the front of the box, and then wondering why it doesn’t look right.

Not everyone is like me: that much is painfully clear.

Not everyone places this much emphasis on a four-month relationship, or has no idea how to make a relationship go further than that. Not everyone hits thirty-one years old and has zero serious romantic experience. Not everyone finds love confusing and surreal: mythical and unreachable, like a story told a long time ago about other people.

Not everyone obsesses, analyzes, struggles to let go and move on.

Not everyone holds on to every single social interaction with their fingertips in terror, as if dangling off a cliff edge” [Smale, 2023: 199].

В данном примере представлен интериоризованный критический дискурс, поскольку, прежде всего, сознание субъекта направлено на самого себя, а также выражается негативное отношение к себе. Повествование ведётся от первого лица, при этом наблюдается смешение внутреннего монолога и диалога. Следует отметить использование реплик, принадлежащих другим персонажам: *“Cassandra tends to overthink everything”*, *“Cassandra can be neurotic and obsessive”*, которые используются для построения своеобразного диалога в сознании главной героини. Внедрение автором чужих высказываний иллюстрирует обратный процесс субъективации себя. Данные суждения находят определённый отклик у героини, поскольку в ходе размышления она частично соглашается с ними: Кассандра признает свою склонность к чрезмерному обдумыванию, эмоциональной нестабильности, переживаниям и навязчивости. Использование цитирования не только помогает читателям создать представление о самовосприятии главной героини и её

взаимоотношениях с другими героями, но и вносит свой вклад в создание максимально откровенного повествования.

Основными функциями интериоризованного критического дискурса являются психологические функции: эмоциональное самовыражение, саморефлексия и саморегулирование. Вслед за Ю. В. Погребняк, представляется важным выделить также художественно-композиционную функцию, направленную на придание более интимного и индивидуального характера повествованию, на психологическое развитие персонажей, а также способствующую детализации и созданию целостности образа персонажей [Погребняк, 2012: 50].

Подводя итог вышесказанному, интериоризованный критический дискурс представляет собой цепочку высказываний, в которых герой анализирует, оценивает и критикует свои действия, мысли, решения и поведение. Данный тип дискурса отличается тем, что он направлен на саморефлексию и самоанализ, и зачастую не предполагает наличия реальной аудитории. Интериоризованный критический дискурс может включать размышления о своих ошибках, сомнениях, недостатках и способах улучшения и является инструментом для личностного роста и самосовершенствования персонажа, а также позволяет читателям заглянуть в глубины внутреннего мира персонажа, понять его внутренние конфликты, страхи и эмоциональное состояние, что в свою очередь усиливает воздействие на читателя.

ВЫВОДЫ

1. Самокритика представляет собой процесс анализа и отрицательной оценки собственных поступков, мыслей и чувств. Самокритика возникает, когда индивид вступает в конфликт с внутренним «Я», возникающий из-за продолжительного противоречия между желаниями и ценностями, убеждениями и потребностями.

2. В психологии самокритика рассматривается как полифункциональное явление, которое может быть направлено как на самоулучшение, так и на саморазрушение. При помощи самокритики человек может выявить свои сильные и слабые стороны, искать пути для личностного роста и улучшения. Однако самокритика может иметь и негативные аспекты: падение самооценки, порождение негативных эмоций, стресса и депрессии. В зависимости от цели самокритика может быть разделена на конструктивную (целью которой является исправление совершённых ошибок) и деструктивную (с целью выражения неодобрения).

4. Интерперсональную коммуникацию следует рассматривать как циклический процесс обмена информацией, в котором каждое сообщение или реакция порождает ответ, что в свою очередь подразумевает постоянную взаимосвязь между участниками коммуникации. В интерперсональной коммуникации адресант использует кооперационные стратегии при выражении самокритики, которые реализуются при помощи тактики самоупрёка (тактика признания вины), тактики самооскорбления, тактики Я (-), а другой (+), тактики самонасмешки.

6. Под интраперсональной коммуникацией понимается процесс общения человека с самим собой, в ходе которого он (она) анализирует, оценивает свои мысли, чувства, действия, а также регулирует своё поведение. Внутренняя речь, выступающая средством реализации интраперсонального общения, может передаваться различными способами и находит своё отражение в интериоризованном дискурсе. Основопологающей характеристикой интериоризованного дискурса является эгоцентричность, то

есть направленность высказываний на самого адресанта, выражающего свои мысли и переживания. Принимая во внимание ключевую характеристику интериоризованного дискурса, а также его психологические функции и их подфункции, представляется возможным выделить отдельный тип интериоризованного дискурса – интериоризованный критический дискурс, в котором преобладают понятийная и эмоционально-оценочная составляющие. В интериоризованном критическом дискурсе, акцентируется внимание на самоанализе и саморефлексии, стремлении понять и оценить свои действия, мысли и поступки.

ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ КОНСТРУКТИВНУЮ И ДЕСТРУКТИВНУЮ САМОКРИТИКУ

Особое внимание к феномену самокритики в интериоризованном дискурсе обусловлено тем, что в данном типе дискурса раскрываются тонкие механизмы, с помощью которых индивиды оценивают себя, свои действия, мысли и эмоции. Интериоризованный дискурс представляет собой уникальное явление, поскольку роль автора произведения нивелируется, и герой ведёт повествование через призму собственных мыслей, эмоций и переживаний, создавая тем самым богатый и неповторимый внутренний мир персонажа. Таким образом, данный тип дискурса совмещает в себе две модели коммуникации: «Я (герой) – Я (герой)» и «Герой – Читатель».

Основной целью аутокоммуникации является не передача информации, не её запоминание, а понимание своего собственного внутреннего состояния. Как отмечает Ю. М. Лотман, в процессе аутокоммуникации происходит изменение самой личности, она подвергается трансформации через самопознание и аутопсихотерапию [Лотман, 1996: 36].

Аутокоммуникация помогает личности осознавать свои потребности и ценности, рассматривать свои действия и решения, а также формировать собственное мировоззрение. Это важное средство самовыражения и самопознания.

Самокритика в свою очередь представляет собой интернализированный процесс, в ходе которого люди негативно оценивают свою внешность, собственные действия, решения, черты характера и т.д. Как уже отмечалось, основными видами самокритики являются деструктивная и конструктивная самокритика. Деструктивная самокритика проявляется, когда человек характеризует себя при помощи чрезмерно строгих и критических суждений, оценивает себя негативно и преувеличивает собственные недостатки, минимизируя при этом свои достоинства. Ключевой характеристикой деструктивной самокритики является её непродуктивность и

разрушительность, поскольку чрезмерная концентрация на недостатках не способствует личностному росту или поиску решений, но может вызвать серьёзные психологические проблемы. Напротив, конструктивная самокритика служит механизмом саморегуляции, который необходим для личностного роста и развития. Для неё характерен подход, ориентированный на поиск решения, при котором человек не только признает недостатки или ошибки, но и активно ищет способы решения и преодоления этих проблем.

Основной причиной самокритики является несоответствие нормам, сложившимся в том или ином обществе, и (или) собственным ожиданиям. Другая причина – детские травмы или чрезмерно критикующие родители. Исследования показывают, что дети, чьи родители часто высказывали отрицательную оценку по отношению к их внешности, поведению, более склонны к деструктивной самокритике. Также деструктивная самокритика может возникать из-за переломных событий в жизни или недостатка поддержки. Например, Мэтт Бекфорд, главный герой книги “Turning Forty”, переживает сложный период в жизни: расставание с женой, отсутствие друзей и работы. С одной стороны, он признает, что его жизнь складывается не так, как он бы хотел; с другой стороны, мужчина также демонстрирует определённый уровень смирения, поскольку он отказался от попыток улучшить своё положение.

“As I lie squinting back the daylight from underneath my duvet it occurs to me that Mum might have a point given the time (nearly midday), the state of the room (think church jumble sale) and the smell (think men’s changing room). Nothing has seemed right since my night out with Gerry over a week ago. It’s as if having had a glimpse of how cool my life might have been I’ve faced up to the fact that I have no mates, no job, no wife and therefore no reason to get out of bed. I turn over and look at the ceiling and in so doing get a whiff of my armpits. How long has it been since I showered?” [Gayle, 2013: 129].

Мэтт упоминает, что провёл ночь с Джерри, которая на некоторый период времени дала вновь понять, что жизнь может быть другой: “*Nothing has*

seemed right since my night out with Gerry over a week ago. It's as if having had a glimpse of how cool my life might have been ...". Однако, испытывая недостаток мотивации, он не способен совершить шаг навстречу другой жизни, наполненной красками и эмоциями. Более того, в приведённом отрывке подчёркивается пренебрежение Мэтта к личной гигиене ("*How long has it been since I showered?*"), что является характерным признаком апатии и депрессивного состояния.

Стоит также отметить взаимосвязь самокритики и эмоций, являющихся неотъемлемой частью человеческого опыта, поскольку они помогают людям понимать себя и окружающих, общаться и адаптироваться. Как положительные, так и негативные эмоции имеют свои функции, однако они всегда должны быть сбалансированы: за отрицательной эмоцией следует положительная, за положительной – отрицательная. Когда человек длительное время испытывает чувство вины, печали или гнева и не происходит смены эмоции, то образуется «узел из отрицательных эмоций» (перевод наш – Н. Н.) [Petric, 2022: 2]. Примером, иллюстрирующим подобную ситуацию, служит отрывок из книги "Seeing Other People":

*"In the course of the past year alone I'd applied for at least a dozen senior positions on various newspapers and magazines and while I'd come close to getting them a few times **luck never seemed to be on my side. Getting rejected by my own paper in favour of Hannah Bainbridge of all people, however, felt like a real slap in the face. Where could I go from here?**"* [Gayle, 2014: 28].

Мысль о том, что удача покинула главного героя ("*luck never seemed to be on my side*"), а также использование риторического вопроса ("*Where could I go from here?*") указывают на то, что Джо сомневается в собственных способностях и квалификации. Опасения, связанные с финансовой стабильностью, и его неспособность облегчить финансовое бремя, возложенное частично на жену, усугубляют ситуацию, образуя запутанный узел финансовых и личных тревог: "*that rendered us virtual strangers to each other*".

*“Without me bringing in more money Penny couldn’t give up work and **we’d be forced to carry on at this manic pace that rendered us virtual strangers to each other.** And while I knew it wouldn’t always be so tough it was hard to imagine that day. Penny and I were stuck in the middle years in more ways than one. We were halfway through our lives, halfway through bringing up the kids and as far away from the beginning as we were from the end. It was like hitting the wall in the middle of a marathon and knowing that the only way out was to give up on everything or somehow find the strength to carry on.*

*That afternoon, **still feeling beaten down by the disappointment** of not getting the promotion, I reluctantly took Bella the intern to Allegro’s, a cheap and cheerful Italian café favoured by journalists from my own paper and others round about”* [Gayle, 2014: 28].

Неоднократные неудачи на работе, финансовые трудности, эмоциональное дистанцирование, экзистенциальный кризис неизбежно вызывают негативные эмоции, что, с одной стороны, представляет собой нормальную реакцию на трудную ситуацию: *“still feeling beaten down by the disappointment”*. Однако, если человек продолжает пребывать в состоянии грусти, винит себя и смотрит на жизнь с пессимистической точки зрения, он помещает себя в лабиринт самобичевания, из которого трудно выбраться. Это состояние может привести к ухудшению психологического состояния, повышенному уровню стресса и возникновению депрессии.

Внутренний критик постоянно навязывает негативные мысли и убеждения, что усиливает деструктивную самокритику. Человек, страдающий от деструктивной самокритики, может слышать внутренний голос, который постоянно обвиняет его, говоря, что он неудачник, не достоин счастья или любви. Исходя из вышесказанного, следует констатировать, что при выражении деструктивной самокритики используется **стратегия самонаказания**.

Напротив, конструктивная самокритика играет ключевую роль в личностном и профессиональном развитии. Благодаря конструктивной

самокритике человек может определить области, в которых необходимо улучшить свои навыки или приобрести новые умения. В профессиональной сфере конструктивная самокритика может способствовать профессиональному росту, повышению производительности, а также улучшению навыков решения проблем.

“Yes, I’d done wrong, and yes, we were still a long way from being right with each other, but with me home now we were on the road to recovery. At least we could come up with a plan to work things out” [Gayle, 2014: 99].

Представленный фрагмент служит ярким примером конструктивной самокритики. Главный герой признает свои прошлые ошибки (*“Yes, I’d done wrong”*) и отмечает текущие трудности (*“and yes, we were still a long way from being right with each other”*), однако герой не отчаивается, он видит, что ситуацию можно изменить (*“but with me home now we were on the road to recovery. At least we could come up with a plan to work things out”*). В психологии подобное утверждение отражает концепцию «когнитивной переоценки» (*“cognitive reappraisal”*) [Gross, 1998], которая подразумевает признание ошибок и переосмысление ситуации с целью уменьшения её негативного воздействия, а также для облегчения преодоления трудностей и самосовершенствования.

Сосредоточенность индивида на планировании и проработке вопросов указывает на конструктивный подход к восстановлению отношений, но не на деструктивное заикливание на прошлых ошибках. Исходя из этого можно сделать вывод, что конструктивная самокритика реализуется посредством **стратегии самокоррекции.**

Анализ фактического материала показал, что коммуникативная стратегия самонаказания реализуется посредством таких коммуникативных тактик, как самоупрёк, самооскорбление, самобичевание, сравнение, противопоставление, самоанализ, контрфактуальный анализ, интернализованная критика. К коммуникативным тактикам, применяемым для выражения коммуникативной стратегии самокоррекции, относятся все

вышеперечисленные тактики, исключением является коммуникативная тактика самобичевания (см. Рис. 2).



Рисунок 2. Коммуникативные стратегии и тактики, направленные на реализацию самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе

В результате анализа эмпирического материала было выявлено, что при выражении самокритики могут также использоваться комбинации различных тактик, приведённых на схеме. Набор тактик меняется в зависимости от разновидности самокритики и её интенсивности.

2.1. Коммуникативная тактика самоупрёка

Для корректного понимания границ упрёка необходимо провести анализ значения данной лексемы. В толковом словаре Д. Н. Ушакова упрёк понимается как «высказанное кому-нибудь или обращённое к кому / чему-нибудь неудовольствие, неодобрение, обвинение, укоризна» [Ушаков, 2013: 709]. Схожее определение представлено в Большом толковом словаре С. А. Кузнецова: «укоризна, обвинение, высказанные кому-либо или по отношению к кому-либо» [Кузнецов, 2000: 1394]. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, упрёк – это «1. Процесс действия по гл. упрекать 2.

Результат такого действия; высказанное кому-либо или обращённое к кому-либо неодобрение, неудовольствие, обвинение» [Ефремова, 2000: URL]. Представленные определения указывают на то, что важным элементом упрёка является идея выражения неодобрения и обвинения, направленные на кого-либо или что-либо.

Сущность данного термина в контексте английского языка можно более подробно определить, рассмотрев дефиницию лексем “*reproach*”, “*to reproach*”:

1. “**reproach, n.** – blame, censure, or reproof expressed towards or directed against a person; **reproach, tr. v.** – to subject (a person) to reproach or censure; to upbraid, reprove, or rebuke; to revile, abuse (obsolete)” [Oxford English Dictionary: URL];
2. “**reproach, v.** – (formal) to tell sb that you blame them or are disappointed in them because you think they have done sth wrong; to feel guilty about sth that you think you should have done differently” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 682];
3. “**reproach, tr. v.** – 1. to say or show that you are disappointed, upset, or angry because they have done something wrong; 2. think with regret about something you have done wrong” [Collins English Dictionary: URL];
4. “**reproach, n.** – 1. an expression of rebuke or disapproval; 2. the act or action of reproaching or disapproving; 3. a) a cause or occasion of blame, discredit, or disgrace; b) discredit, disgrace; 4. obsolete: one subjected to censure or scorn; **reproach, tr. v.** – 1. to express disappointment in or displeasure with (a person) for conduct that is blameworthy or in need of amendment; 2. to make (something) a matter of reproach; 3. to bring into discredit”; [Merriam-Webster Dictionary: URL]
5. “**reproach uncount. n.** – criticism, blame, or disapproval; **reproach count. n.** – a remark that expresses criticism, blame, or disapproval; **reproach tr. v.** – (formal) to blame or criticize someone in a way that shows you are disappointed at what they have done; **reproach yourself** –

to feel guilty about something that you think you are responsible for”
[Longman Dictionary of Contemporary English: URL].

Анализ различных лексикографических источников показывает, что как в русском, так и в английском языках при толковании слов «упрёк», «упрекать» используется лексема «обвинение», что свидетельствует о пересечении значений. Однако существуют некоторые различия, связанные с эмоциональным компонентом упрёка. В англоязычных дефинициях подчёркивается его эмоциональный аспект: “feel guilty, disappointed, upset, or angry”. Стоит также отметить, что в англоязычных определениях содержится указание на то, что упрёк может быть направлен на себя: “to feel guilty about something that you think you are responsible for”, а также на временную отнесенность. Фразы “because you think they have done sth wrong”, “to feel guilty about sth that you think you should have done differently” “shows you are disappointed at what they have done”, предполагают, что упрёк выражает отрицательную оценку по отношению к действиям в прошлом.

В связи с тем, что представленные словари используют лексему “blame” при описании семантики “reproach”, представляется необходимым рассмотреть определения “to blame”, “a blame”, а также их синонимические ряды в английском языке:

1. “**blame**, **tr. v.** – to say or think that sb / sth is responsible for sth bad”
[Oxford Learner’s Thesaurus, a dictionary of synonyms, 2008: 62];
2. “**blame**, **tr. v.** – to find fault with, to hold responsible, to place responsibility for; **blame**, **n.** – an expression of disapproval or reproach, a state of being blameworthy” [Merriam-Webster Dictionary: URL];
3. “**blame**, **v.** – to lay the blame on, reproach; to fix the responsibility upon; to make answerable; **blame**, **n.** – the action of censuring; expression of disapprobation; imputation of demerit on account of a fault or blemish; reproof; censure; reprehension” [Oxford English Dictionary: URL];
4. “**blame**, **v.** – to say or think that someone or something did something wrong or is responsible for something bad happening; **blame**, **n.** – the

situation in which people say or think that someone or something did something wrong or is responsible for something bad happening” [Cambridge Dictionary Online: URL].

Сравнение определений “reproach” и “to blame” также подтверждает тот факт, что данные понятия имеют общие черты, связанные с выражением неодобрения, предполагающие возложение ответственности или вины на человека. В некоторых дефинициях упрёк (“reproach”) используется в дефинициях обвинения (“blame”) (№ 2, 3). Оба термина подразумевают негативное суждение и выражение неудовлетворённости посредством словесного выражения или действия, что затрудняет дифференциацию данных понятий. Н. А. Трофимова также отмечает трудность отделения упрёка от обвинения и утверждает, что в «ситуации речевого неодобрения» они неотделимы друг от друга [Трофимова, 2008: 255]. Однако дальнейший анализ дефиниций позволяет утверждать, что упрёк охватывает более широкий спектр негативных эмоций: “disappointed”, “upset”, “guilty”, “angry”, в то время как обвинение выражает исключительно признание ответственности за совершённую ошибку, проступок, некорректное поведение и т.д. Схожей точки зрения придерживается Р. И. Шмурак. В своём диссертационном исследовании учёный отмечает, что именно эмоциональная составляющая отличает упрёк от обвинения. Р. И. Шмурак выделяет два компонента в структуре упрёка. Первый компонент связывается с понятием «речевой агрессии» [Воронцова, 2006], и в этом контексте глагол «обвинять» наиболее точно описывает его. Второй компонент несёт идею «эмоциональной уязвлённости субъекта высказывания» [Шмурак, 2021: 21]. Анализ фактического материала выявил единичные случаи реализации коммуникативных стратегий самонаказания и самокоррекции посредством тактики самообвинения.

*“The relief they felt now I was there was as palpable as **the guilt** I felt that they’d had to deal with this problem without me for a single moment. **I was their***

dad, I was supposed to stop bad things happening in their lives. If I couldn't do that then what use was I?" [Gayle, 2014: 189].

В примере деструктивная самокритика реализуется при помощи сочетания тактик самообвинения и самоупрёка. С одной стороны, самокритические суждения (*"I was their dad, I was supposed to stop bad things happening in their lives. If I couldn't do that then what use was I?"*) содержательно близки, поскольку адресант обвиняет себя в невыполнении отцовского долга. Однако фраза: *"I was their dad, I was supposed to stop bad things happening in their lives."* указывает на то, что Джо чувствует себя ответственным за случившееся и обвиняет себя за то, что его не было рядом. Самоупрёк выражается во втором высказывании: *"If I couldn't do that then what use was I?"*, которое характеризуется более категоричной отрицательной оценкой и подвергает сомнению ценность Джо как отца.

В следующем примере реализуется коммуникативная стратегия самонаказания при помощи коммуникативной тактики самоупрёка. Из широкого контекста известно, что главная героиня, Харриет, будучи не в силах справиться с трудностями и находиться рядом с вовлечёнными в ситуацию людьми, решает сбежать. Впервые оказавшись на незнакомых шумных улицах Токио, девушка не успевает перейти дорогу и застывает в растерянности посреди проезжей части.

"My heart is hammering, my eyes are starting to fill up. I've managed to take a bad situation and make it a hundred times worse, all on my own. Well, me and the Tokyo road planners" [Smale, 2013b: 223].

Харриет осознаёт, что её импульсивный поступок усугубил сложившуюся ситуацию. Используемые лексемы *"bad"*, *"worse"*, негативная оценка которых интенсифицирована при помощи гипербоолы *"hundred times"* *"all on my own"*, явно указывают на самообвинение. Однако общее эмоциональное состояние говорящей (*"my heart is hammering, my eyes are starting to fill up"*) позволяет утверждать, что девушка упрекает себя за принятое решение. Стоит также отметить, что Харриет пытается справиться

со стрессом при помощи юмора (*“Well, me and the Tokyo road planners”*), перекладывая часть ответственности на проектировщиков дорог. Такой тип самоуничижительного юмора помогает ей справиться со стрессом, снимая эмоциональное напряжение.

Таким образом, применительно к исследованию интраперсональной коммуникации не представляется возможным придерживаться подхода Р. И. Шмурак, поскольку как самоупрёк, так и самообвинение могут порождать негативные эмоциональные реакции, что свидетельствуют об «эмоциональной уязвлённости». Рассмотрим более подробно, как реализуются коммуникативная стратегия самонаказания и самокоррекции посредством коммуникативной тактики самоупрёка.

“I’ve just hurt an old friend for no reason other than ego. By the time I emerge with a carrier bag full of food designed to appear between two slices of bread, I have beaten myself up to such an extent that all I want to do is go home and go to bed so when I see Ginny coming back into the store I’m half tempted to keep walking” [Gayle, 2013: 74-75].

В приведённом фрагменте осознание героем того, что его действия причинили вред девушке исключительно из-за его собственного эго, подталкивает мужчину к самокритике. Метафора *“I have beaten myself up to such an extent that ...”* передаёт интенсивность упрёка и предполагает интенсивную самокритику, свидетельствующую о реализации деструктивной самокритики. Череду негативных эмоций побуждает героя дистанцироваться от ситуации, что проявляется в желании вернуться домой и лечь спать: *“all I want to do is go home and go to bed”*. Внутренний конфликт между желанием уйти домой и осознанием необходимости столкнуться с последствиями своих действий отражает сложное эмоциональное состояние, вызванное признанием вины за причинённый девушке вред.

Следующий пример также иллюстрирует реализацию коммуникативной стратегии самонаказания при помощи тактики самоупрёка: *“I should have*

realised. I'll probably never see Nick again ...". Девушка приходит к осознанию того, что ей следовало быть более проницательной.

"A swoop of disappointment hits my stomach and I bite my bottom lip in case it reaches my face. I should have realised. I'll probably never see Nick again, unless it's on the pages of a magazine in a doctor's surgery and half his face will probably be missing from where somebody's ripped out a coupon from the other side.

I can feel my cheeks tingling" [Smale, 2013: 140].

Невербальные знаки – *"a swoop of disappointment hits my stomach and I bite my bottom lip"* – указывают на сожаление и разочарование, которое испытывает Харриет. Покалывание в щеках – *"chicks tingling"* – является естественной физиологической реакцией, связанной с такими эмоциями, как смущение, стыд или застенчивость.

В следующем отрывке Харриет критикует себя за то, что нарушила намеченные планы (*"Plan for Today: Wake up at 7am, and press the snooze button precisely three times. Don't think about Nat."*) ещё до того, как вышла из дома, из-за чего ей становится стыдно (*"I start to feel ever so slightly ashamed of myself."*). Девушка переживает из-за того, что она украла мечту лучшей подруги «по совершенно неправильным причинам» (*"for all the wrong reasons"*).

"Once I'm lying flat on my bed, though, I start to feel ever so slightly ashamed of myself. The thing is I broke the plans myself before I'd even got down the stairs. I've been thinking about Nat all morning. It was the first thing I thought about when I woke up, and that's what I was doing for fifteen snoozes. Picturing Nat's face when I tell her where I've been today. Imagining Nat's expression when she realises I've stolen her dream, for all the wrong reasons. Not because I love fashion, but because it's my short cut out of this.

And I can't get it out of my head.

So, yes, I'm pretty irritated with my parents for going on about insects, and I'm also a bit frustrated that the inherent style I was hoping I might have is either

not there or is so inherent that it's never going to come out. Like the last bit of toothpaste. But mostly I'm just angry at myself" [Smale, 2013: 78].

Более того, Харриет прекрасно понимает, что у неё отсутствует врождённый стиль и она не соответствует требованиям, предъявляемым к моделям. Девушка прибегает к коммуникативной тактике сравнения, о чём свидетельствует проведение аналогии между невозможностью появления у неё чувства стиля и использования остатков зубной пасты: "*<...> it's never going to come out. Like the last bit of toothpaste.*"

Харриет переживает целый спектр эмоций, от первоначального чувства стыда до разочарования, от раздражения до гнева. Такие эмоциональные всплески свидетельствуют о реализации деструктивной самокритики, углубляющей внутренний конфликт.

"This is not OK. I can't just steal my best friend's modelling dream and then sit in a cupboard, whining about it. A soulmate's job is to make somebody's day better, not worse" [Smale, 2013b: 161].

В вышеприведённом фрагменте интериоризованного критического дискурса тактика самоупрёка направлена на реализацию стратегии самокоррекции. О наличии самокритического суждения свидетельствуют отрицания: "*not OK*", "*can't just steal and seat*". Героиня осознаёт, что совершаемые действия противоречат её принципам и ценностям. Однако Харриет не только признаёт ошибку, но и обдумывает, как ей следует поступить, что в свою очередь указывает на конструктивную самокритику.

Следующий фрагмент также служит примером использования тактики самоупрёка для реализации стратегии самокоррекции. Прежде всего обращает на себя внимание указание героини на то, как смотрит на неё сестра: "*Tabitha looks at me with pure sadness*". Данный невербальный знак имеет значительное эмоциональное воздействие на Харриет, поскольку побуждает девушку задуматься о том, что она нарушила своё обещание. Физическая реакция героини: "*my stomach spins over with shame*" – указывает на испытываемое чувство вины и самоосуждение. Коммуникативная тактика упрёка реализуется

при помощи высказывания, характеризующегося отрицательной оценкой, “*break the promise*” – “*not do what you said that you would do*” [Cambridge Dictionary Online: URL].

“Tabitha looks at me with pure sadness, and my stomach spins over with shame. I made a promise to my little sister, and I broke it. It’s a good thing memories don’t start until children are three years old or I think I’d have a lot of relationship fixing to do.

“I’m so sorry,” I whisper, bobbing her up and down gently. “I’m here. I’m not going anywhere without you again, I promise.”” [Smale, 2016a: 133].

Осознание Харриет своей ошибки, извинение, а также попытка утешить сестру и окружить её заботой свидетельствуют о конструктивной самокритике. Стоит отметить, что искренние извинения являются индикатором конструктивной самокритики, поскольку направлены на примирение.

“This was too much. Being told I was in the right when I was so clearly in the wrong was just too high a price to pay. I wasn’t made of stone. I had a conscience and, when it came to Penny, I had a heart too. I couldn’t bear to hear her say another word. It was as though something cracked within me and the guilt came flooding out.

‘You were right,’ I said, avoiding her gaze” [Gayle, 2014: 60].

В приведённом выше примере коммуникативная тактика самоупрёка выражена при помощи отрицательно-оценочной фразеологической единицы “*in the wrong*” (“*responsible for smth bad*” [Cambridge Dictionary Online: URL]); для усиления эффекта используются лексемы “*so*” и “*clearly*”, служащие интенсификаторами самокритики. Метафорические высказывания “*I wasn’t made of stone.*” и “*something cracked within me and the guilt came flooding out*” иллюстрируют неспособность героя скрывать это. Невербальный знак “*avoiding her gaze*” свидетельствует о стыде и нежелании столкнуться лицом к лицу с реакцией супруги. Физический акт отвода взгляда отражает психологическое желание избежать тяжести переполняющего чувства вины.

Таким образом, вербальное выражение самокритического суждения находит подкрепление в невербальном знаке (окулесике).

В следующем фрагменте самокритика возникает в первую очередь из-за страха и неуверенности в своём будущем и своих отношениях. Герой опасается, что слишком раннее сожителство может негативно отразиться на отношениях. На реализацию тактики упрёка указывают отрицательно-оценочные лексемы “*betrayal*” (“*the act of not being loyal when other people believe you are loyal*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), “*mistake*” (“*an action, decision, or judgment that produces an unwanted or unintentional result*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), фразеологические обороты “*to make a mess of ...*” (“*to do something badly or spoil something*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), “*up in the air*” (“*uncertain and with an unknown result*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), метафора “*all over the place*” (“*in a lot of different places or in all parts of a place*” [Cambridge Dictionary Online: URL]). Самокритика усиливается при помощи интенсификатора “*so*”, а также вводной конструкции “*I’m bound*”.

“*Given what I’d told her last night **it feels like a real betrayal** but I have no choice because if I’ve learned anything during my thirty-nine years on earth it’s this: **moving in with Rosa will be a mistake**. Living together so soon when things are going so well is asking for trouble. **My life has been so up in the air and my head is so all over the place that I’m bound to make a mess of things**. No, I need to get some cash, and fast <...>*” [Gayle, 2013: 184].

Мэтт также критикует себя за то, что у него нет стабильности в жизни и ему с трудом удаётся сконцентрироваться на важных вещах, вследствие чего мужчина убеждён, что он «всё испортит» (“*I’m bound to make a mess of things*”), если не возьмёт ситуацию под контроль. О реализации конструктивной самокритики свидетельствует тот факт, что герой осознаёт необходимость финансовой независимости и предпринимает активные действия по поиску работы.

Анализ эмпирической базы исследования выявил следующие маркеры реализации коммуникативной тактики самоупрёка: отрицательно-оценочные лексемы, отрицательно-оценочные фразеологические единицы, отрицания, риторические вопросы, сравнения, метафоры.

Коммуникативная тактика самоупрёка

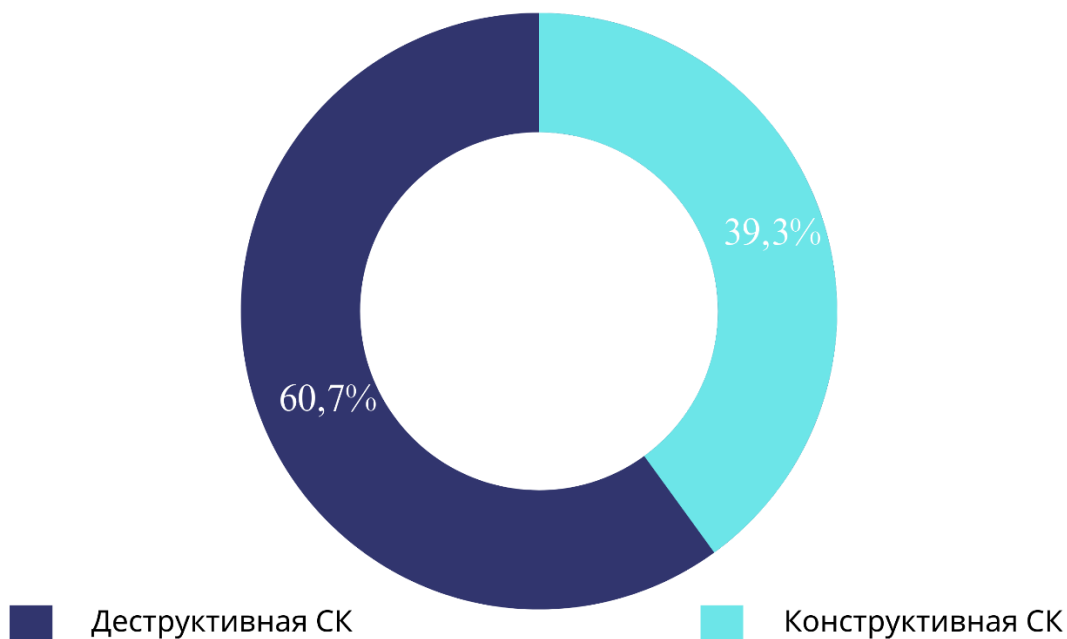


Рисунок 3. Коммуникативная тактика самоупрёка

Подводя итог вышесказанному, коммуникативная тактика самоупрёка может быть использована для реализации как коммуникативной стратегии самонаказания, основной целью которой является нанесение себе психологического вреда; так и коммуникативной стратегии самокоррекции, ключевой задачей которой является изменение ситуации в лучшую сторону. Анализ фактического материала показал, что коммуникативная тактика самоупрёка применяется чаще для выражения деструктивной самокритики (60,7%), чем конструктивной (39,3%) (см. Рис. 3).

2.2. Коммуникативная тактика самооскорбления

В психологии оскорбление относится к одной из форм вербальной агрессии, выражающей негативные чувства «как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание вербальных реакций» [Большой

психологический словарь, 2007: 24]. В некоторых исследованиях в области лингвистики инвективы (от лат. *investivus* – бранный, ругательный [Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, 2000: 391]) рассматриваются как эквивалент вербальной агрессии [Жельвис, 2001]. Российский психолингвист В. И. Жельвис считает, что в узком понимании инвективы можно охарактеризовать как «способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под) группе как резкий или табуированный» [Жельвис, 2001: 13]. Безусловно, как оскорбление, так и самооскорбление относятся к деструктивному поведению, которое наносит вред объекту нападения. Однако в данном исследовании самооскорбление понимается в более узком значении: как частный способ проявления аутоагрессии, характерной чертой которой является использование некодифицированных средств.

В английском языке для обозначения описания действий, связанных с оскорблением, наиболее часто используются следующие лексические единицы:

- **to insult, tr. v.** – “to make sb feel upset because of sth that you say or do that is rude or embarrassing” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 518];
- **to offend, tr. v.** – “to say or do sth that is rude to sb and offends them” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 518];
- **to abuse, tr. v.** – “to make rude or offensive remarks to or about sb” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 519];
- **to swear, intr. v.** – “to use rude or offensive language, usually because you are angry” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 163];
- **to curse, intr./ tr. v.** – “to use rude or offensive language; to say rude things to sb or think rude things about sb/sth” [Oxford Learner’s Thesaurus, a Dictionary of Synonyms, 2008: 163].

Анализ приведённых дефиниций показывает, что в отличие от (само)упрёка, (само)обвинения, которые также как и (само)оскорбление предполагают выражение отрицательной оценки, (само)оскорбление предполагает более интенсивную степень критики, а также самоуничижение. Стоит также отметить, что оскорбление, направленное на самого адресанта, заставляет его чувствовать себя расстроенным, униженным или раздражённым.

Основным маркером реализации данной тактики является наличие в высказывании экспрессивной и оценочной лексики с отрицательной коннотацией, инвективной лексики, обценной лексики (табуированной). Предметом самооскорбления наиболее частотными выступают внешность, черты характера, умственные способности, поведение и поступки. О. С. Иссерс также отмечает, что оскорбления направлены на «умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента» [Иссерс, 2008: 167]. Так, в представленном ниже примере самооскорблению подвергается поведение главного героя. Джо всеми способами пытается избежать встречи с его знакомой, Беллой. Он понимает, что это недостойный поступок для мужчины его возраста и положения.

*“Like **the coward** I was, I did everything humanly possible to avoid Bella that day. <...> It was **childish stuff**, I’ll admit, and not at all becoming to a man of my age and station <...>”* [Gayle, 2014: 41].

О реализации тактики самооскорбления свидетельствует использование пейоративной лексики: “*coward*” (“***disapproving**, a person who is not brave and is too eager to avoid danger, difficulty, or pain*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), “*childish*” (“***disapproving**, if an adult is childish, they behave badly in a way that would be expected of a child* [Cambridge Dictionary Online: URL]). В данном примере также содержится инверсия, которая служит для того, чтобы подчеркнуть самокритичную оценку говорящего. Самокритика героя приводит к деструктивному поведению, препятствующему разрешению проблемы, что указывает на реализацию стратегии самонаказания.

*“I have been so **incredibly, unbelievably stupid**”* [Smale, 2013b: 103].

В данном примере коммуникативная тактика самооскорбления характеризуется инвективой *“stupid”* (*“often **disapproving**, showing a lack of thought, good sense or judgement”* [Oxford Learner’s Thesaurus, a dictionary of synonyms, 2008: 154]). Отрицательная оценка интенсифицируется при помощи наречия *“so”*, а также негативно-окрашенных синонимов заменителей *“incredibly”, “unbelievably”*. Стоит также отметить простоту структуры предложения, усиливающую эффект самокритичного высказывания.

Коммуникативная стратегия самонаказания, реализующая деструктивную самокритику, может быть выражена при помощи сочетания тактик самоупрёка и самооскорбления.

“But it’s too late.

*My seven seconds are up. The first impression has been made, and with every attempt to undo it **I just look even more pathetic**. It doesn’t matter what I do or what I say any more.*

*I am the school **weirdo**.*

***Again**”* [Smale, 2015a: 56].

Самокритика героини возникает из-за осознания того, что её попытки изменить первое впечатление о себе потерпели неудачу, и несмотря на все усилия, она чувствует, что не может ничего изменить, поскольку образ «чудачки» уже укоренился в сознании одноклассников. В приведённом фрагменте коммуникативная тактика самоупрёка реализуется за счёт лексемы *“late”* (*“(happening or arriving) after the planned, expected, usual, or necessary time”* [Cambridge Dictionary Online: URL]) в сочетании с наречием *“too”*, интенсифицирующим критическое суждение. На коммуникативную тактику самооскорбления указывают лексемы *“pathetic”* (*“**disapproving**, unsuccessful or showing no ability, effort, or bravery, so that people feel no respect”*) и *“weirdo”* (*“informal/ disapproving/ slang, a person who behaves strangely”*) [Cambridge Dictionary Online: URL]. Отрицательная оценка усиливается при помощи интенсификаторов *“even more”* и *“again”* и парцелляции: *“I am the school*

weirdo. Again.”, что подчёркивает повторяющуюся модель социального отчуждения. Совмещение тактик самоупрёка и самооскорбления усиливает чувство безнадежности. Вера в то, что улучшение или позитивные изменения невозможны, свидетельствует о деструктивной самокритике.

*“All I recall thinking was ‘I’ll think of something’ every seventh step, whereupon I would instantly forget that I had settled on this as my strategy and panic all over again on the eighth. Worse still was **my anger, my rage, at having allowed such an oversight. I was furious. How could I have forgotten that she was coming in the morning?** Beyond all question, this was **the most shameful and disorderly fuck up in my entire career**”* [Docx, 2003: 48].

В приведённом фрагменте интериоризованного критического дискурса маркерами коммуникативной тактики самооскорбления является лексема *“fuck up”* (*“offensive, a serious problem”* [Cambridge Dictionary Online: URL]), отрицательная оценка которой интенсифицирована негативно-окрашенными прилагательными в превосходной степени. Кроме того, в данном примере коммуникативная стратегия самонаказания реализуется при помощи коммуникативной тактики самоупрёка, на что указывают эмоции гнева (*“anger”, “rage”, “fury”*), переживаемые героем.

*“**Back-stabber. Betrayer. Fink. Apostate. Miscreant. Quisling. Snake.** It’s a good thing I brought my thesaurus with me because Nat refuses to speak to me for the rest of the day so **I have an awful lot of time to ponder my wrong doings.***

Quisling. I quite like that word. It sounds like a baby quail” [Smale, 2013a: 45].

Представляет интерес ещё один пример, содержащий деструктивную самокритику, на реализацию которой направлена коммуникативная тактика самооскорбления. На это указывают следующие пейоративы: *“back-stabber”* (*“someone who says harmful things about you when you are not there to defend yourself”*), *“betrayer”* (*“a person who is not loyal to their country or to another person, often doing something harmful such as giving information to an enemy”*), *“fink”* (*“informal, old-fashioned, someone who tells secret and damaging*

information about someone else, or an unpleasant person”), “apostate” (“**formal**, someone who has given up their religion or left a political party”), “miscreant” (“**formal**, someone who behaves badly or does not obey rules”), “quisling” (“a person who helps an enemy that has taken control of his or her country”) [Cambridge Dictionary Online: URL], “snake” (“a worthless or treacherous fellow”) [Merriam-Webster Dictionary Online: URL]. Стоит отметить, что в данном примере оскорбление выражено в косвенной форме, поскольку девушка не называет прямо себя предательницей, она лишь перечисляет оскорбления. Фраза “*so I have an awful lot of time to ponder my wrong doings*” указывает на то, что девушка осознаёт свою вину и сожалеет о произошедшем.

Комментарий главной героини о том, что ей нравится слово “*quisling*”, поскольку оно созвучно с детёнышем перепёлки (“*quailing*”), добавляет нотку юмора в повествование, а также способствует снятию накопившегося эмоционального напряжения.

В следующем примере герой использует коммуникативную тактику самоупрёка и самооскорбления для выражения деструктивной самокритики.

*“I suddenly felt sheepish. <...> What was I doing showing her my old work like that? She must have thought me **an idiot**.”* [Gayle, 2014: 172]

Джо упрекает себя за решение подарить Белле первую главу своей книги: “*What was I doing showing her my old work like that?*“. Самокритика возникает из-за внезапного чувства неуверенности в своей работе. Фраза – “*She must have thought me an idiot.*” – отражает беспокойство мужчины по поводу того, как отреагирует девушка на его подарок и творчество в целом. Коммуникативная тактика самооскорбления реализуется при помощи лексемы “*idiot*” (“**informal**, a rude way to refer to somebody who you think is very stupid”) [Oxford Learner’s Dictionary Online: URL]). Однако, стоит отметить, что в данном примере оскорбление выражено косвенно, поскольку герой оскорбляет себя от лица Беллы. Мужчина критикует себя задолго до того, как увидит или услышит реакцию девушки. Такая превентивная самокритика часто связана с низкой самооценкой и, как следствие, с беспокойством о том,

как другие воспринимают наши действия, решения или результаты нашей деятельности.

Особенностью коммуникативной тактики самооскорбления, используемой для реализации стратегии самокоррекции, является то, что она редко функционирует изолированно. Приведённые ниже примеры иллюстрируют данное положение.

“Then I rub my mouth as a horrible guilty sensation sinks in.

Sugar cookies.

This is my fault, though, isn't it?

I let Cal show me the stars and hold my hand. I allowed him to catch me when I fainted. I came to a fairy-tale ball on his arm and then ran with him to a candle-lit corner.

What kind of horrible, selfish idiot am I?” [Smale, 2014: 231].

В представленном отрывке героиня чувствует, что она своим поведением непреднамеренно ввела знакомого в заблуждение. Девушка испытывает чувство вины, подвергает сомнению свои поступки. Критическое суждение вводится окказиональным междометием *“Sugar cookies”*, содержащим лексему *“sugar”* в значении *“polite word for shit, used when something annoying happens”* [Cambridge Dictionary Online: URL]. Используемое междометие подчёркивает эмоциональное напряжение героини. О критическом отношении к собственным поступкам свидетельствуют следующие негативно-окрашенные лексемы, в том числе с интенсифицированной отрицательной оценкой: *“fault”* – *“a mistake, especially something for which you are to blame”* [Cambridge Dictionary Online: URL]; *“idiot”* (*“**informal**, a rude way to refer to somebody who you think is very stupid”* [Oxford Learner’s Dictionary Online]), *“selfish”* – *“**disapproving**, someone who is selfish only thinks of their own advantage”* [Cambridge Dictionary Online: URL], *“horrible”* – *“very unpleasant or bad”* [Cambridge Dictionary Online: URL].

Коммуникативная стратегия самокоррекции реализуется при помощи тактики самоанализа *“This is my fault, though, isn't it?”*, выраженной при

помощи разделительного вопроса, а также самооскорбления “*What kind of horrible, selfish idiot am I?*”, маркером которой служит неформальная лексема “*idiot*”. Самокритика носит конструктивный характер, поскольку осознание ситуации и попытка разъяснить обстоятельства предполагают желание ликвидировать недопонимание, а также предотвращение дальнейших недоразумений.

В следующей коммуникативной ситуации герой, выражая конструктивную самокритику, прибегает к ряду тактик: самооскорбление, самоупрёк, сравнения и самоанализ. Из широкого контекста известно, что Джо критикует себя за то, что рассказал жене о том, что с ним, как ему кажется, произошло. Молчание супруги заставляет его усомниться в собственном здравомыслии.

*“I’d been so convinced of my own argument but now my words were out there all they served to do was **make it clear just how bonkers an idea this was.** The longer the silence went on, the more I doubted what I’d said. **This was horrible. Truly horrible.** If I continued to insist that the world wasn’t real, when it clearly was, Penny would have no choice but to get me hospitalised, maybe even sectioned, and who knew where that would end? Like Bruce Willis in *12 Monkeys*, babbling on about being from the future and locked up in a mental institution? Did Rob/Dad have a panic button hidden somewhere behind a box of tissues which he’d reach for at the next opportunity? I needed to think fast.*

*They always say that the most straightforward answers are most likely to be true. **How likely was it that my dead ex-girlfriend had attacked me to save me from cheating on my wife? Wasn’t it infinitely more plausible that I’d actually done it and was so overwhelmed with guilt that I’d blocked it out and the episodes with Fiona were my way of dealing with it?** Surely this was a case of extreme stress and nothing more: the mind doing odd things to keep itself from short-circuiting. It didn’t mean that I was mad or in danger of losing my mind. It simply meant that I had to get out of here, grab a good night’s sleep and get back to being my old self. I needed to rest.*

I sat forward in my chair, the tension palpable, then I laughed and held my hands up in surrender. 'Anyone would think you'd never heard a joke before.'” [Gayle, 2014: 111-112]

В самом начале Джо использует тактику самооскорбления, о чём свидетельствует лексема “*bonkers*” – “*informal, silly or stupid*” [Cambridge Dictionary Online: URL]. Далее герой прибегает к тактике самоупрёка (“*This was horrible. Truly horrible.*”), актуализирующей при помощи повтора отрицательно-оценочной лексемы “*horrible*” – “*very unpleasant or bad*” [Cambridge Dictionary Online: URL]. На смену тактике самоупрёка приходит тактика самоанализа (“*If I continued to insist that the world wasn't real, when it clearly was, Penny would have no choice but to get me hospitalised, maybe even sectioned, and who knew where that would end?*”), маркером которой является сослагательное наклонение, и тактика сравнения (“*Like Bruce Willis in 12 Monkeys, babbling on about being from the future and locked up in a mental institution?*”). По ходу развёртывания интериоризованного критического дискурса можно наблюдать заметный сдвиг в сторону рационализации. Герой снова подвергает сомнению правдоподобность собственных аргументов при помощи тактики самоанализа, маркером которой является череда риторических вопросов, и приходит к мысли о том, что виной всему является сильный стресс. Переосмысление ситуации, а также использование юмора, направленного на отвлечение внимания и снятие накопившегося эмоционального напряжения, свидетельствуют о реализации конструктивной самокритики.

Следующий фрагмент интериоризованного критического дискурса также служит доказательством того, что при реализации стратегии самокоррекции коммуникативная тактика самооскорбления сопровождается другими тактиками. Из широкого контекста известно, что героиня критикует себя за то, что не узнала заранее, сколько ей заплатят за съёмки.

“You have got to be kidding me.

I did all of that – the shoot, the crying, the criminal fraud, the lying and stealing (then temporarily losing) of a precious infant – for free?

Oh my God: of the many things I have researched over the last few days, why was How much am I being paid the only thing not on the list?

I am such an idiot.

“So, ah, what’s this new one?” I ask, crossing my fingers hopefully and trying to swiftly push away the swoop of disappointment. Focus on the positive, Harriet. “Is it ... uh. Lucrative?” [Smale, 2016a: 205]

Девушка находится в состоянии недоумения и шока, о чём свидетельствует высказывание *“You have got to be kidding me”*. Для вербализации самокритики Харриет выбирает тактику самоупрёка: *“I did all of that – the shoot, the crying, the criminal fraud, the lying and stealing (then temporarily losing) of a precious infant – for free?”*. Усиливают самокритику парантеза *“the shoot, the crying, the criminal fraud, the lying and stealing (then temporarily losing) of a precious infant”*, акцентирующая внимание на объёме проделанной работы и затраченных усилиях. Далее девушка обращается к тактике самоупрёка, о чём свидетельствует риторический вопрос в сочетании с междометием *“Oh my God”*, что отражает эмоциональное переживание. Помимо тактики самоанализа и самоупрёка, героиня использует тактику самооскорбления, указывающую на глубокое разочарование. Однако Харриет пытается переключить внимание с негативного опыта на поиск новых возможностей, демонстрируя устойчивость и адаптивность в контексте профессиональной карьеры и личностного роста.

Таким образом, коммуникативная тактика самооскорбления, реализующая коммуникативную стратегию самонаказания, направлена на выражение эмотивной оценки, целью тактики самооскорбления в таком случае является намерение унижить и причинить себе эмоциональный вред. Напротив, при реализации стратегии самокоррекции коммуникативная тактика самооскорбления служит своеобразным сигналом разворачивающегося внутреннего конфликта, а также выступает в качестве механизма преодоления,

благодаря которому индивид пытается разрядить напряжение. Как показывает анализ фактического материала, коммуникативная тактика самооскорбления используется чаще для выражения деструктивной самокритики – 87,4% (см. Рис. 4).

Коммуникативная тактика самооскорбления

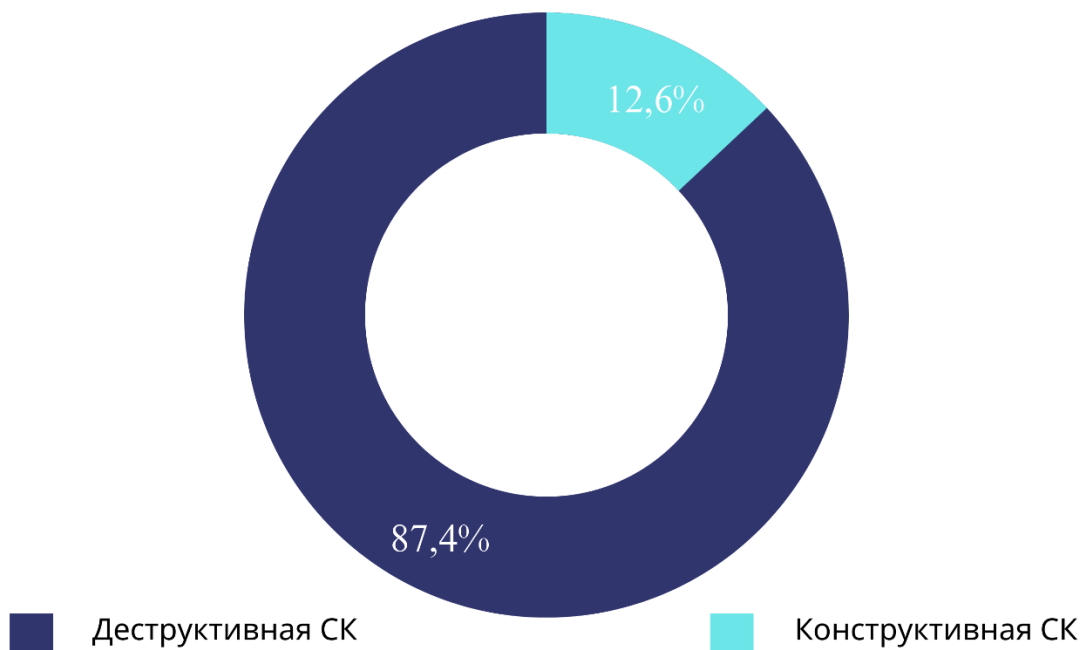


Рисунок 4. Коммуникативная тактика самооскорбления

2.3. Коммуникативная тактика самобичевания

Термин «самобичевание», вошедший в английский язык как самонаказание, уходит своими корнями в религиозные практики. Самобичевание практиковалось в различных культурах и религиях на протяжении длительного времени. Один из наиболее известных примеров применения самобичевания встречается в христианских традициях средневекового периода. Некоторые набожные христиане занимались самобичеванием с целью искупления своих грехов и духовного очищения.

Профессор психологии Яан Вальсинер (Jaan Valsiner) подчёркивает, что, хотя социальные практики бичевания больше не применяются в современных обществах, исторически они были широко распространены и играли решающую роль в конструировании смысла. Бичевание рассматривается не

просто как акт насилия, а как осмысленный способ отношения к телу (“a meaningful act of relating to a body”), будь то собственное тело или тело других людей [Valsiner, 2016: 2]. Исследователь предполагает, что акт самобичевания прошёл процесс трансформации и преобразовался из социальной практики, направленной на других (например, публичные казни или ритуалы наказания), в личную практику, ориентированную на самого себя. Акт физического наказания самого себя, изначально направленный на другого человека, превратился в “a cultural tool to handle the dialogicality of the Self by personal action that is given a new direction of meaning” («культурный инструмент для управления диалогичностью «Я» посредством личных действий, которые обретают новое значение» (перевод наш – Н. Н.)) [Valsiner, 2016: 2].

Анализ лексикографических источников иллюстрирует полисемантическую лексему «самобичевание» в русском языке на две составляющие:

1. «1. Нанесение самому себе ударов плетью, бичом (обычно в религиозном экстазе). 2. Причинение себе нравственных страданий, раскаяние и обвинение самого себя.» [Кузнецов, 2000: 1142]
2. «1. Причинение себе физических страданий из религиозного изуверства. 2. Причинение себе нравственных страданий вследствие раскаяния в ошибке, сознания своей вины.» [Ушаков, 1940: 30]
3. «Причинение себе нравственных страданий, обвинение себя с раскаянием за совершённые ошибки.» [Ожегов, 1970: 685]

Лексема “self-flagellation” является ближайшей по значению русскому слову «самобичевание»:

1. “1. The practice of whipping yourself (= hitting yourself with a long thin piece of leather), especially as a religious practice. 2. The act of severely criticizing yourself.” [Cambridge Dictionary Online: URL]
2. “The action or practice of whipping oneself, esp. as a form of religious discipline; an instance of this.” [Oxford English Dictionary]
3. “An extreme criticism of oneself.” [Merriam-Webster Online Dictionary]

Таким образом, в то время как буквальное значение самобичевания включает акт физического избияния себя, в современных контекстах самобичевание представляет собой психологический и эмоциональный феномен.

Коммуникативная тактика самобичевания относится к крайней форме выражения самокритики и напрямую связана с чувством вины, вследствие чего она характеризуется суровой самокритикой, обличающей совершённые ошибки, неудачи, слабости, а также осознанием последствий своих проступков.

Заслуживает внимания следующий пример деструктивной самокритики, выраженной коммуникативной тактикой самобичевания. Героиня критикует себя за то, что убежала из дома на вечеринку моделей, а также решилась довериться своей новой знакомой, в результате чего потеряла парня и, возможно, лучшую подругу.

*“<...> I stare at them, **then curl myself into a tight ball.***

If there was any kind of table out here, I would be hiding underneath it within four seconds.

The etymology of the word friend comes from the Proto-Germanic word frijand, which means to love. Love and friendship: friendship and love. They come from the same place.

I’ve just been too blinkered to see it.

Oh God.

Oh God oh God oh God.

Of all the messes I’ve ever got myself into, this is by far the worst. It’s elephantine. Whopping. Colossal. Gargantuan.

Whatever word you want to pick that means:

Really, really horribly huge.

And then – as if by magic – the night manages to get just that tiny bit worse”

[Smale, 2014: 240].

Харриет критически оценивает своё поведение в контексте взаимоотношений, признавая собственные недостатки: *“I’ve just been too blinkered to see it”*. Невербальные знаки – *“curl myself into a ball”*, *“would be hiding underneath ...”* – отражают желание девушки отстраниться и спрятаться от ситуации. Стремление к эскапизму указывает на нежелание персонажа противостоять ситуации, символизируя её сожаление и желание избежать последствий своих действий. Многократное повторение междометий *“Oh God”* также передаёт паническое состояние девушки.

О реализации коммуникативной тактики самобичевания свидетельствуют отрицательно-оценочные лексемы *“messes”*, *“the worst”*, гиперболы *“whopping”* – *“informal, extremely large”*, *“colossal”* – *“extremely large”*, *“gargantuan”* – *“very large”* [Cambridge Dictionary Online: URL], подчёркивающие серьёзность ситуации, а также иллюстрирующие в яркой форме эмоциональное потрясение героини. Использование повторов лексемы *“really”* в сочетании с отрицательно-оценочным наречием *“horribly”* направлено на усиление воздействия самокритики. Такая форма обвинения выходит за рамки простого сожаления или чувства вины, воплощая более глубокую и суровую форму самокритики, которая согласуется с концепцией самобичевания.

Однако необходимо отметить, что героиня пытается снизить напряжённость ситуации при помощи ироничного высказывания: *“And then – as if by magic – the night manages to get just that tiny bit worse.”* Фраза *“as if by magic”* привносит долю иронии. Обычно понятие магии, волшебства предполагает что-то чудесное или экстраординарное в позитивном ключе, но здесь оно используется для описания ухудшающейся ситуации, создавая иронический поворот. Кроме того, использование преуменьшения, контрастирующего с реальной ситуацией, в выражении *“to get just that tiny bit worse”* добавляет повествованию ироничности.

В приведённом ниже примере героиня критикует себя за то, что солгала маме и друзьям, критический тон высказывания подчёркивают невербальные знаки: “*nausea rises up*”, “*I stare totally frozen*”.

“Nausea rises up my trachea and I stare at my phone, totally frozen.

I’m the devil. I’m actually the devil. Any minute now the horn that matches Bob is going to sprout and my hair is going to catch fire. I’ve been prancing around in the snow like a shoeless idiot, while Nat runs around fighting for me and buying me soup, and Annabel worries about my dental hygiene. And all I can think about is holding a boy’s hand.

I touch the painful spot on my forehead and tap my feet on the floor of the car. They’re starting to sound a little bit like – oh, I don’t know – cloven hooves.

I quickly type out a reply.

<...> I stare at it for a few seconds then press send.

That’s another lie. Two in fact. The balls inside the box in my head are going crazy, so I mentally sit on the lid so they don’t all come bursting out at the same time” [Smale, 2013a: 143].

Для выражения деструктивной самокритики девушка прибегает к коммуникативной тактике самобичевания, на что указывает использование развёрнутой метафоры в конвергенции с параллельными конструкциями и лексическими повторами “*I’m the devil. I’m actually the devil.*”. Сравнение с дьяволом свидетельствует об интенсифицированной самокритике, таким образом героиня выражает крайнее недовольство собой и своими поступками, которые она считает эгоистичными. Центральный образ дьявола, с которым отождествляет себя героиня, а также дополнительные элементы (“*the horn that matches Bob is going to sprout*”, “*my hair is going to catch fire*”, “*like cloven hooves*”) усиливают внутренний конфликт, позволяя читателю глубже понять переживания и эмоциональное состояние Харриет. Создаваемый образ символизируют борьбу девушки с собственной совестью и чувством вины.

В следующем высказывании Харриет применяет коммуникативную тактику самооскорбления (“*I’ve been prancing around in the snow like a shoeless*

idiot”) в сочетании с тактикой противопоставления (“*while Nat runs around fighting for me and buying me soup, and Annabel worries about my dental hygiene*”). Обращает на себя внимание выбор видовременных глагольных форм, создающих контраст между продолжающимися, кажущимися на первый взгляд бессмысленными действиями героини (“*I’ve been prancing around*”) и регулярными действиями её подруги и мамы (“*Nat runs around fighting for me and buying me soup, and Annabel worries about my dental hygiene*”), направленными на заботу о девушке. Хотя, в некоторых случаях ложь может рассматриваться как коупинг-стратегия, направленная на сохранение психоэмоционального состояния, самокритика в данной коммуникативной ситуации в значительной степени деструктивна из-за акцента на преувеличенном самоосуждении, сопровождаемом чувством вины, а также из-за явного нежелания столкнуться лицом к лицу с последствиями принятых решений.

“It’s over. My entire career. Everything I’ve worked for since I was twelve years old. All gone. Everything ruined. In twenty-four hours” [Kinsella, 2006: 109].

В приведённом фрагменте интериоризованного критического дискурса гиперболизированные выражения “*it’s over*”, “*all gone*”, “*everything ruined*”, “*in twenty-four hours*” в конвергенции с эллипсисом и парцелляцией создают эффект полной безысходности. Сосредоточение исключительно на негативных аспектах и восприятие проблем как непреодолимых свидетельствуют о реализации стратегии самонаказания.

Анализ фактического материала показал, что маркерами, свидетельствующими о реализации коммуникативной тактики самобичевания, являются отрицательно-оценочные лексемы, лексические и синтаксические повторы, отрицание, псевдovoпросительные конструкции, анафоры, параллельные конструкции, парцелляция, градация, сравнения, метафоры. Необходимо отметить, что самобичевание является крайней формой выражения деструктивной самокритики, передающей пик внутреннего конфликта героя. Согласно результатам сравнительно-

сопоставительного анализа, коммуникативная тактика самобичевания задействуется исключительно для реализации стратегии самонаказания.

2.4. Коммуникативная тактика сравнения

По своей природе коммуникативная тактика сравнения предполагает выявление сходств, проведение параллелей между двумя или более объектами. Сравнение часто используется для установления связей между предметами, людьми или ситуациями, и подчёркивает их общие черты.

Коммуникативная тактика сравнения, направленная на выражение деструктивной самокритики, служит своеобразным инструментом самооценивания, усугубляющим негативное самовосприятие и усиливающим чувство неуверенности. Основными маркерами, свидетельствующими о реализации коммуникативной тактики сравнения, являются сравнения (*“look like ...”*; *“smell like ...”*; *“feel like ...”*; *“as if ...”*), метафоры, а также аллюзии в сочетании с отрицательно-оценочными лексемами.

В приведённом примере главная героиня, Саманта, использует тактику сравнения, направленную на реализацию деструктивной самокритики, о чём свидетельствует чрезмерная заикливость героини на том, что она не способна ответить на поставленный вопрос.

“My mind is blank. I can't think of anything else. I mean, it's gravy. What else can you say about gravy? <...> My face is growing hot as I struggle for words. I feel like the dumb kid at the back of the class who can't do the two-times table” [Kinsella, 2006: 173].

Использование логического сравнения иллюстрирует разочарование в своих способностях. Невербальное средство (*“my face is growing hot”*) отражает физиологическую реакцию, возникшую в ответ на чувство стыда или неловкости.

В следующем примере коммуникативная тактика сравнения также направлена на реализацию стратегии самонаказания. Из широкого контекста известно, что главная героиня переехала со своей семьёй в Америку, в связи с

чем она осталась без знакомых и друзей. Самокритика в данном случае вызвана страхом одиночества, неспособностью обрести понимание среди окружающих. Авторское образное сравнение отражает внутреннее убеждение в том, что причина отсутствия друзей кроется в ней самой, в неспособности эффективно взаимодействовать с другими людьми.

*“There’s a humpback whale in the ocean that sings at fifty-two hertz: too low for any other whale to hear. Scientists aren’t sure if it’s a genetic anomaly, or a sole survivor of an extinct species, or just a whale who accidentally learnt the wrong song. They just know that **it’s probably the loneliest mammal on earth.***

I know exactly how it feels.

As if I’m swimming desperately round and round in repeating circles, singing as hard as I can, but nobody can hear me.

*For the first time since I left America, I put my pillow over my head. **And burst straight into tears**” [Smale, 2015a: 83].*

Об эмоциональном напряжении и отчаянии свидетельствует невербальный знак *“burst into tears”* (*“to suddenly start to cry”*; *“cry – to produce tears as the result of a strong emotion, such as unhappiness or pain”* [Cambridge Dictionary Online: URL]). Дж. А. Котлер считает, что плач необходимо интерпретировать на двух уровнях: на поверхностном и глубинном [Kottler, 1996: 113]. В данной коммуникативной ситуации на поверхностном уровне плач Харриет сообщает адресату, что происходит эмоциональная активация (*“some emotional activation is taking place”* [Kottler, 1996: 113]); на глубинном уровне он указывает на грусть, разочарование и отчаяние. Подобный невербальный знак прежде всего сигнализирует о стрессовом состоянии героини, при этом плач становится естественным выходом для негативных эмоций, обеспечивая временное облегчение, о чём свидетельствует градация плача: *“burst into tears”, “I cry until my face hurts and my pillow’s wet”, “I cry until my chest aches and there are no tears any more: just an exhausted ng ng ng soundcry silently”, “Finally, I stop crying. I wipe my nose on my duvet and sit up”* [Smale, 2015a: 84]. Изначальный эмоциональный всплеск переходит в более

интенсивную форму плача, что отражает изменение эмоционального состояния Харриет.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что наиболее типичными объектами отрицательной оценки, которые подвергаются сравнению, выступают внешность, поведение и отсутствие каких-либо навыков у адресанта. В следующем примере причиной самокритики послужило отсутствие у героини опыта ходьбы на высоких каблуках.

“He bends down and I take one wobbly step and hang on to his shoulder like a tipsy baby koala hanging on to a eucalyptus tree. Then Dad spins me round so I’m facing away from the door.

“What are you doing?” I snap crossly. I’m currently failing to be a girl, let alone a model.

“The exit’s that way.”” [Smale, 2013a: 130-131]

В приведённом фрагменте самокритика реализуется при помощи таких коммуникативных тактик, как сравнение и самоупрёк. Маркером тактики сравнения является образное сравнение с детёнышем панды *“like a tipsy baby koala hanging on to a eucalyptus tree”*, подчёркивающее неопытность, неустойчивость и неловкость. Использование прилагательного *“tipsy” – “inf., slightly drunk”* [Cambridge Dictionary Online: URL], относящегося к неформальной лексике, усиливает комичность и беззаботность сложившейся ситуации.

Девушка теряет контроль над ситуацией, её реакция: *“What are you doing?” I snap crossly. I’m currently failing to be a girl, let alone a model.*” – иллюстрирует негодование и злость. Коммуникативная тактика самоупрёка в данном высказывании характеризуется отрицательно-оценочной лексемой *“to fail” – “to not succeed in what you are trying to achieve or are expected to do”* [Cambridge Dictionary Online: URL], а также гиперболой *“failing to be a girl”*. Во фразе *“I’m currently failing to be a girl, let alone a model.”* отражается осознание несоответствия главной героини принятым стандартам, касающимся женственности и внешнего вида.

Анализ эмпирической базы показывает демонстрирует наличие примеров, в которых коммуникативная тактика сравнения направлена на реализацию стратегии самокоррекции. В следующем фрагменте самокритика вызвана комментарием детей о том, что дом отца похож на жилище ведьмы: *“It looks like the kind of place a witch would live”* [Gayle, 2014: 127]. Самокритика усиливается осознанием ответственности за благополучие и комфорт своих детей, особенно в условиях расставания родителей.

“Their home – by which I mean the home I used to live in – was the complete opposite of this house in every way and despite my efforts at modernisation and refurbishment it still looked like the dated, rundown home of a housebound octogenarian with an interest in spell casting. <...>

I tried my best to salvage the situation.

‘Maybe you could bring round a few of your things next time. You could leave them here so that you don’t have to keep dragging stuff back and forth.’

‘Yeah, cool,’ said Rosie but it didn’t take a genius to see that her heart wasn’t in it.

<...> It looked like a squat” [Gayle, 2014: 127-128].

В приведённом примере главный герой прибегает к нескольким коммуникативным тактикам: контраста (*“Their home – by which I mean the home I used to live in – was the complete opposite of this house in every way”*) и сравнения (*“it still looked like the dated, rundown home of a housebound octogenarian with an interest in spell casting”, “looked like a squat”*). Компонентный анализ лексем *“dated”* – *“old-fashioned”* [Cambridge Dictionary Online: URL]; *“rundown”* – *“being in poor repair”* [Merriam-Webster Dictionary Online: URL], *“squat”* – *“chiefly Br. an empty house or building that is occupied by squatters”* [Merriam-Webster Dictionary Online: URL] а также использование словосочетания *“was the complete opposite”*, отрицательный эффект которого усилен интенсификатором *“in every way”*, указывают на то, что в отрывке содержится отрицательная оценка. Самокритика, выраженная в отрывке, в значительной степени конструктивна, поскольку Джо не только признаёт

недостатки домашней обстановки, но и пытается спасти ситуацию, попросив детей принести свои игрушки. Позднее мужчина просит своих друзей помочь ему с ремонтом дома, что также свидетельствует о реализации стратегии самокоррекции.

В данной коммуникативной ситуации прослеживаются элементы самоуничижительного юмора за счёт использования иронии. Сравнение иронично противопоставляет интенцию главного героя улучшить жилищные условия фактическому результату – *“the dated, rundown home of a housebound octogenarian with an interest in spell casting”*, тем самым подчёркивается несоответствие между его намерениями и ожиданиями, и фактическим положением дел.

Заслуживает внимания ещё один пример реализации стратегии самокоррекции при помощи тактик самоанализа, самоупрёка и сравнения. Харриет пыталась эмоционально погрузиться в воспоминания, чтобы отыскать нужные эмоции для фотосессии, тем самым она непреднамеренно вызывала поток подавленных воспоминаний, которые спровоцировали эмоциональный срыв. Самокритика героини проистекает из осознания её личной ответственности, о чём свидетельствует эмоциональная реакция девушки: *“feel acutely embarrassed”*.

“Now I’m calming down, I’m actually starting to feel acutely embarrassed.

This is all my own doing, isn’t it?

I let myself get carried away, and I promised myself months ago that I wouldn’t.

“Right.” I give myself a firm shake. I just need to refind my focus, and maybe a bit more oxygen. “Guys, I’m OK, really. So what’s next? I’m ready.”

“No, you’re not,” Aiden says. “You look like you’ve just been steamrolled by a Boots make-up counter.”

He holds up the camera so I can see my reflection in the lens. I’m red, white and black stripes and it looks as if I’m made of hot wax and all my features have slipped four inches down my face.

I'm basically The Scream by Edvard Munch.

<...>

"I've got this," I say, wiping my eyes. "Just follow me." [Smale, 2016a: 201]

Коммуникативная тактика самоанализа осуществляется при помощи вопроса: *"This is all my own doing, isn't it?"*, побуждающего героиню признать, что она сама довела себя до нервного срыва: *"I let myself get carried away, and I promised myself months ago that I wouldn't"*. Саморефлексия указывает на понимание того, что девушка не соответствует собственным ожиданиям. Героиня пытается собраться с силами и продолжить съёмки. Невербальный знак – *"I give myself a firm shake"* – также иллюстрирует стремление девушки эмоционально перезагрузиться и вернуть самообладание. Однако несмотря на её решимость вернуться к работе, модель, увидев в камере своё отражение, приходит к осознанию, что её внешний вид не позволяет ей продолжить фотосессию. Коммуникативная тактика сравнения может служить механизмом преодоления стресса, позволяя сталкиваться с последствиями не напрямую, но опосредованно через образы.

Коммуникативная тактика сравнения

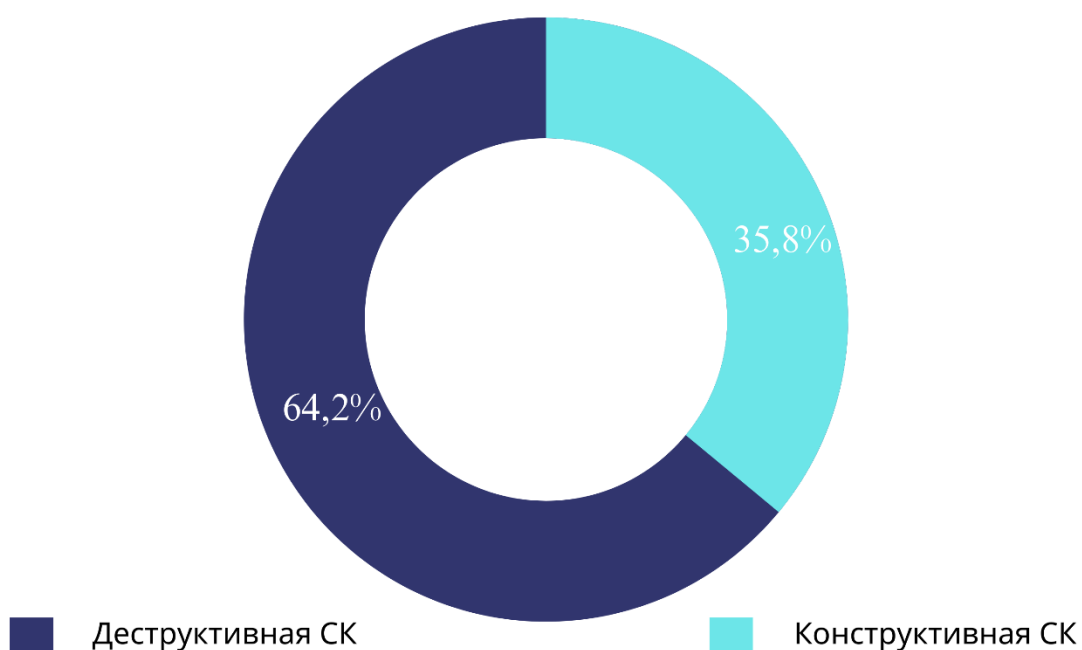


Рисунок 5. Коммуникативная тактика сравнения

Таким образом, коммуникативная тактика сравнения, применяемая для выражения самокритики, используется по различным причинам (неадекватная самооценка, неуверенность, уклонение от ответственности и перемен, негодование, социальные или культурные нормы), часто коренящимся в негативных психологических паттернах или эмоциональных состояниях. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная тактика сравнения значительно чаще применяется как средство реализации стратегии самонаказания (64,2%), чем стратегии самкоррекции (35,8%) (см. Рис. 5). С одной стороны, использование коммуникативной тактики сравнения может быть более безопасным способом выразить негативные чувства по отношению к себе, поскольку сравнение с какими-либо предметами, вещами или животными позволяет высказать самокритическое суждение в завуалированной форме. С другой стороны, деструктивная самокритика, выражаемая при помощи тактики сравнения, может усиливать негативные представления индивида о себе, поскольку она позволяет визуализировать описываемый образ и оставляет более глубокий отпечаток в сознании адресанта.

2.5. Коммуникативная тактика противопоставления (контраста)

В основе коммуникативной тактики противопоставления лежит сравнение, сопоставление с кем-либо или чем-либо, однако основной акцент при этом делается не на поиске сходств, но, напротив, на поиске противоположных черт сравниваемых объектов. Именно поэтому в рамках настоящего исследования было принято решение разграничить тактику сравнения и тактику противопоставления (контраста).

Противопоставление – это один из способов познания мира: ещё в раннем детстве, до овладения речью, дети учатся искать сходства и различия в объектах вокруг них, развивая когнитивные функции мозга. Человеческий мозг запрограммирован замечать и запоминать изменения в окружающей среде, поскольку они могут сигнализировать о важных событиях или

опасностях. Психолог Л. Фестингер в середине прошлого века предложил теорию социального сравнения (“theory of social comparison process”), согласно которой в людях заложено стремление к оцениванию и сравнению себя с другими [Festinger, 1954]. Одним из основных способов формирования мнения о себе, собственных возможностях и поступках исследователь считает социальное сравнение или, другими словами, анализ себя по отношению к другим. Психологи полагают, что индивид прибегает к сравнению себя с другими для установления некоего ориентира, который бы помогал ему / ей корректно оценивать себя и ориентироваться в социуме.

Л. Фестингер выделяет два вида сравнения – восходящее социальное сравнение и нисходящее социальное сравнение (“upward and downward social comparisons”) [Guyer, Vaughan-Johnston, 2018: 2]. Первый вид сравнения можно наблюдать, когда индивид сравнивает себя с кем-то, кто лучше его / её. Напротив, второй вид сравнения осуществляется, когда индивид сравнивает себя с людьми, находящимися в худшем положении, чем он / она. В данном исследовании анализируется восходящее социальное сравнение, поскольку именно оно связано с самокритикой.

Исследуя противопоставление как коммуникативную тактику, направленную на реализацию самокритики, следует учитывать тот факт, что данная тактика может служить способом выражения глубоко укоренившейся неуверенности. Постоянное сравнение себя с другими свидетельствует о неадекватной самооценке, а также служит сигналом внутреннего противоречия.

Анализ эмпирической базы исследования показал, что маркерами реализации коммуникативной тактики противопоставления являются антитезы в сочетании с отрицательно-оценочными лексемами, сравнениями и метафорами.

В приведённом примере коммуникативная тактика контраста направлена на выражение деструктивной самокритики. Из широкого

контекста известно, что мужчина переживает сложный период в своей жизни: расставание с женой, переезд к родителям, отсутствие престижной работы.

*“It’s a bright but fairly cold day and her clothing – a black quilted jacket, jeans and boots – reflects that she is **a grown up, a fully fledged member of society, and I feel in comparison like a student at best and a dosser at worst**”* [Gayle, 2013: 205].

Сравнивая внешний вид девушки со своим, Мэтт приходит к выводу о том, что Джинни выглядит взрослым полноправным членом общества: *“a grown up, a fully fledged member of society”*. Напротив, Мэтт сравнивает себя со студентом и с бездомным, в обоих сравнениях заложен образ несостоявшейся личности. Сопоставление со студентом воспринимается мужчиной более оптимистично, поскольку этот образ подразумевает развитие и самореализацию, а также шанс на достижение целей. В сравнении с бездомным (*“dosser” – “British, informal, slang, someone who has no home and no money; a very lazy person”* [Cambridge Dictionary Online]) актуализируется образ неудачника, бездельника, человека, лишённого амбиций. Контраст между зрелостью подруги и представлением мужчины о себе как о менее состоявшемся человеке указывает на неуверенность и критическую саморефлексию.

Следующий отрывок также содержит мужскую деструктивную самокритику, однако в данном примере противопоставляется внешность мужчин. Фраза *“much to my disappointment”* свидетельствует о разочаровании и зависти Мэтта, а также указывает на то, что герой высказывает субъективные наблюдения, на которые повлияли негативные эмоции.

*“I greet the men one after the other, paying particular attention to the newcomers. **Much to my disappointment** Aaron, who had been the school’s star rugby player, **looks like he’s carved in flesh-covered granite** and Nick (who was always lean like a middleweight boxer) **could have easily passed for a man ten years younger** were it not for his completely grey hair. As it is **he looks stupidly refined,***

as if he's just walked out of an advert for men's antiperspirant. I look and feel like an off-duty tramp compared to these guys” [Gayle, 2013: 120].

Герой обращает внимание на впечатляющее физическое состояние своих знакомых, использует метафору, создающую в воображении образ сильного, мускулистого мужчины: *“he's carved in flesh-covered granite”*, а также сравнение: *“as if he's just walked out of an advert for men's antiperspirant”*. Напротив, сравнение с бродягой, индуцирующее неухоженность, отсутствие утонченности, благородства, резко контрастирует с образами знакомых. Данное сопоставление указывает на недовольство мужчины своей внешностью и физическим состоянием, что, в свою очередь, усиливает внутренний конфликт.

Стоит также отметить, что Мэтт использует внешний вид Джинни, Аарона и Ника в качестве ориентира для формирования оценки, приводящей к самокритике и ощущению чувства неполноценности. Данное явление было изучено Т. Муссвейлером [Mussweiler, 2001a, 2001b; Corcoran, Crusius & Mussweiler, 2011]. Учёный приходит к выводу о том, что в том случае, когда индивид сравнивает себя с людьми, которых он / она воспринимает как существенно отличающихся от себя, повышается вероятность создания эффекта контраста, что, в свою очередь, приводит к акценту на различиях, а не на сходствах, усиливает воспринимаемый разрыв между собой и другими. Теория Т. Муссвейлера также предполагает, что выбор фокуса для социального сравнения (фокус – я → другой или другой → я) может определять, приведёт ли результат социального сравнения к сравнению или контрасту [Mussweiler, 2001b: 45]. В приведённых выше примерах в фокусе сравнения знакомые Мэтта, таким образом, непосредственное восприятие мужчиной различий приводит к эффекту контраста, при котором различия подчёркиваются, и самооценка становится более негативной. Т. Муссвейлер утверждает, что подобные сравнения-контрасты обычно приводят к снижению самооценки [Mussweiler, 2001b: 38], что также подтверждается фактическим материалом настоящего исследования.

В следующей коммуникативной ситуации деструктивная самокритика порождается чувством зависти и разочарования. Герой наблюдает за молодой семьёй, которая создаёт впечатление счастливой семейной пары: “*a happy couple*”. Прямое утверждение – “*I feel envious*” – служит признанием в чувстве зависти по отношению к паре. Данный случай является классическим примером восходящего социального сравнения, поскольку Мэтт сравнивает себя с парой, которая создаёт идеализированный образ успеха и семейного благополучия:

“I watch surreptitiously as they open their front door and manoeuvre the pram inside. I feel envious. A happy couple, a young baby, and a family home: all the boxes of adult life ticked off one after the other. Compared to them I’m a walking cautionary tale” [Gayle, 2013: 13].

Мужчина оценивает свою жизнь в контексте общественных норм и ожиданий (счастливый брак, ребёнок, дом), которым, по его мнению, он не соответствует. Описание пары резко контрастирует с самописанием героя, которое следует далее. Использование метафоры “*all the boxes of adult life ticked off one after the other*”, а также метафорического квазитождества “*compared to them I’m a walking cautionary tale*” свидетельствует в первую очередь о том, что жизнь Мэтта существенно отличается от идеальной, а также о том, что он служит отрицательным примером. Стоит отметить, что в данном случае тактика контраста имеет негативное влияние на самооценку и эмоциональное состояние персонажа. Вместо того чтобы мотивировать его на какие-либо изменения в жизни, она усиливает ощущение неудачи или неуспешности. Данный пример показывает, что восходящее социальное сравнение может пагубно влиять на психоэмоциональное состояние индивида.

“Maybe I should just give up on the whole nightmare. Forget about it. Let it go. The chances are I’ll never be able to prove anything. Arnold has all the power; I have none. The chances are if I try to stir things up again all I’ll get is more humiliation and disgrace” [Kinsella, 2006: 311].

В данном фрагменте интериоризованного критического дискурса на вербализацию коммуникативной тактики противопоставления направлена антитеза (*“Arnold has all the power; I have none”*), подчёркивающая неравное положение героини и её коллеги в сложившейся ситуации.

*“As I frantically pack, I’m struck by the thought that **this is nothing like the goodbye to Mum’s house I’d imagined. The one I’d planned had been far more sedate and thoughtful. I’d pictured myself visiting each room in turn, reliving happy memories, and bidding the place a proper farewell. Instead, I feel like a criminal fleeing the scene of a crime, even more so as I planned out an escape route in my head**”* [Gayle, 2023: 258].

В вышеприведённом примере главная героиня корит себя за то, что в спешке покидает дом покойной матери, не попрощавшись должным образом. Коммуникативная тактика противопоставления реализуется при помощи сопоставления воображаемого и реального опыта девушки: *“this is nothing like the goodbye I’d imagined”, “the one I’d planned had been far more sedate and thoughtful”*. Используемое логическое сравнение – *“I feel like a criminal fleeing the scene of a crime”* – отражает не только негативное отношение Джесс к своим действиям, но и подчёркивает чувство вины и сожаления.

Анализ фактического материала показал, что коммуникативная тактика противопоставления крайне редко используется для выражения конструктивной самокритики. В следующем примере причиной самокритики является объективная реальность, вступающая в конфликт с идеализированными планами.

“I had a plan for my life – laminated and stuck to my bedroom wall – and this wasn’t it. I never intended to end up thirty-one years old, unloved, unemployed and alone, covered in fake blood and curled up in a tight ball on the pavement. At some point in my past something went wrong, so if there’s even a chance I can do it all over again – throw out this life like a first pancake and make another, better one – I have to at least try, don’t I?” [Smale, 2023: 55].

Резкий контраст между иллюзорной, недостижимой целью и текущим положением (*“I had a plan for my life – laminated and stuck to my bedroom wall – and this wasn’t it”*) вызывает у героини сильное чувство разочарования и сожаления. Использование фразы *“never intended”*, а также отрицательно-оценочных синонимов-уточнителей (*“unloved, unemployed and alone”*), интенсификация которых достигается повтором отрицательного префикса *“un-”*, иллюстрирует неспособность соответствовать самостоятельно установленным стандартам и ожиданиям. Далее героиня прибегает к тактике самообвинения: *“At some point in my past something went wrong”*, актуализирующей при помощи отрицательно-оценочного прилагательного *“wrong”*; а также к тактике самоанализа: *“so if there’s even a chance I can do it all over again – throw out this life like a first pancake and make another, better one – I have to at least try, don’t I”*, которая побуждает героиню попытаться что-то изменить в своей жизни. В данном фрагменте реализуется стратегия самокоррекции, поскольку героиня не только признаёт прошлые ошибки и текущую неудовлетворённость жизнью, но и, что более важно, выражает стремление к переменам, демонстрирует решимость не оставаться пассивной перед возникшими трудностями.

Коммуникативная тактика противопоставления



Рисунок 6. Коммуникативная тактика противопоставления

Анализ фактического материала выявил, что коммуникативная тактика противопоставления используется для реализации стратегии самокоррекции и самонаказания в соотношении 19% к 81% (см. Рис. 6), при этом устанавливается резкое противопоставление между восприятием индивидом самого себя и другими внешними ориентирами, будь то другие люди, социальные стандарты или личные ожидания. Подобная дихотомия подчёркивает различия, способствуя более глубокому пониманию внутреннего конфликта героя (героини) и его (её) эмоционального состояния.

2.6. Коммуникативная тактика самоанализа

Рефлексия и самоанализ являются предметами исследования в области психологии. Отечественные и зарубежные учёные сходятся во мнении о том, что рефлексия является важнейшим фактором личностного самосовершенствования и даёт возможность индивиду ориентироваться в собственном внутреннем мире (Н. Г. Алексеев, Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия и др.; J. A. Singer, M. Ardel, S. Grunwald, et al.). Саморефлексия обычно рассматривается как процесс самоанализа, самооценки, направленный на понимание собственных действий, способностей, поведения, чувств и т.д. Исследователи разграничивают два типа рефлексии: «рефлексия в действии» (“reflection in action”) и «рефлексия о действии» (“reflection on action”) [Ming Cheng et. al, 2015: 1]. Когда индивид размышляет над ситуацией, в которой находится непосредственно в момент анализа, то происходит рефлексия в действии. Рефлексия о действии предполагает размышление об уже произошедшей ситуации. Вне зависимости от типа рефлексии, у индивида формируется понимание себя, своих эмоций, а также соотнесения поступков, намерений с идеалами и социальными нормами, принятыми в том или ином обществе.

В приведённом примере самокритика героини коренится во внезапном осознании своей ошибки и невнимательности, сыгравшей в этом ключевую роль. Невербальный знак – “*My stomach abruptly folds in half.*” – передаёт

физическую реакцию шока на неожиданную новость. Девушка находится в недоумении, поскольку она, как правило, скрупулёзно относится к подписываемым документам.

“My stomach abruptly folds in half. Why do people keep trying to sue me?

“A contract?” I finally repeat in disbelief. Was I so blinded by the excitement of my own metamorphosis that I signed a contract without actually reading it first? Without making notes? Without looking at every single word of the small writing and then looking it up in a legal dictionary? I mean, of course Dad did. Dad would sell his soul for a pink marshmallow. But me?

Who have I been this week?” [Smale, 2013a: 199].

Для вербализации коммуникативной тактики самоанализа используется цепочка риторических вопросов, отражающих попытку героини разобраться в проблеме: она не может поверить, что подобная ситуация произошла с ней. Анафорические повторы в сочетании с параллельными конструкциями (“Without making ...”, “Without looking ... and then looking it up”) и градацией (“making notes” || “looking at every single word” || “and then looking it up in a legal dictionary”) свидетельствуют об усилении внутреннего конфликта.

Контраст между отцом и собой интенсифицирует самокритику, краткий риторический вопрос “But me?” также подчёркивает степень разочарованности героини в себе. Выражение “Dad would sell his soul for a pink marshmallow” гиперболично и добавляет повествованию оттенок сарказма. Задавая себе риторический вопрос “Who have I been this week?”, Харриет подвергает сомнению свои личностные качества и собственную идентичность, что приводит к фрустрации, и тем самым свидетельствует о реализации стратегии самонаказания.

Деструктивный самоанализ предполагает, что индивид подвергает сомнению собственные поступки, поведение, предположения и т.д. В связи с тем, что такой вид самоанализа проявляется в виде обдумываний и включает негативные размышления о своих недостатках, проблемах и неудачах, он

зачастую порождает негативные эмоции, такие как разочарование, печаль, стыд, безнадёжность и тревога.

Следующий отрывок содержит пример затяжного внутреннего конфликта. Метафора – “*and – without warning – the box in my head opens*” – иллюстрирует внезапное пробуждение всех тех негативных мыслей и эмоций, которые девушка пыталась в себе сдерживать. Критика со стороны знакомых: “*An imaginary boyfriend. That’s pathetic, even for you.*”, стала спусковым механизмом, который привёл к окончательному осознанию проблемы.

“And – without warning – the box in my head opens and the final item falls out with a crack.

An imaginary boyfriend. That’s pathetic, even for you.

Oh my God.

Is that what Nick is? Is that what I’ve been doing all this time? Did I want this perfect romance so badly I painted it the way I wanted and then tried to live inside it, like the little girl in The Witches? Was this relationship so important to me I forced myself into it, whether it was there or not?

Suddenly it’s as if all the lights have been switched on; I’ve been sitting in darkness for months and hadn’t even noticed. <...> [Smale, 2014: 194].

Использование междометия “*Oh my God*” в сочетании с цепочкой риторических вопросов передаёт отчаянное состояние героини. Анафорический повтор “*Is that what ...*” создаёт эффект нагнетания негативных мыслей, закручивающихся по спирали мыслительного процесса. Образное сравнение в последующих высказываниях (“*Suddenly it’s as if all the lights have been switched on; I’ve been sitting in darkness for months and hadn’t even noticed.*”) символизирует резкий переход от предшествующего состояния неведения к внезапному осознанию всей ситуации.

Подобная реакция на критику свидетельствует о неуверенности девушки в себе, а также о заниженной самооценке. Деструктивная критика и самокритика мешают Харриет рационально оценить ситуацию. Следует отметить, что индивид может настолько концентрироваться на размышлениях

о собственной неадекватности и недостатках, что не может выбраться из лабиринта руминации. Ниже приводится продолжение предыдущего отрывка, которое служит подтверждением данного утверждения.

“In biology last year we studied osmosis and learnt that when there’s a selectively permeable membrane, small molecules – like water – can pass through, but larger molecules like sugar only stay in one place.

Is that what’s been happening? Am I the little water molecule, racing towards Nick, while he stays unchanged and unaffected exactly where he is?

Has my entire romance been in my head?

Was Alexa right?

I stare at Kenderall blankly.

Most hideous of all: am I so forgettable that after months and months of knowing me I can’t even get my own boyfriend to fall in love with me?” [Smale, 2014: 194-195].

Харриет подвергает сомнению взаимность в отношениях с молодым человеком. Применяя знания в области физики, девушка сравнивает себя с молекулой воды, которая движется к Нику, в то время как он, молекула сахара, остаётся неподвижным. Используемое метафорическое квазиотждество – *“Am I the little water molecule, racing towards Nick”* – в образной форме описывает дисбаланс в их отношениях. Череда риторических вопросов свидетельствует о продолжении размышлений о неразделённой любви. Самокритичные размышления, приводящие к отчаянию и ещё большей неуверенности в себе, а также отсутствие конструктивного разрешения проблемы указывают на глубокий внутренний конфликт и деструктивную саморефлексию.

Негативные эмоциональные переживания могут активировать не только неадаптивные формы рефлексии, но и адаптивные [Watkins, 2004, 2008, 2013, 2016]. Адаптивный самоанализ позволяет человеку выявить собственные недостатки, ошибки и промахи, оценить последствия своих действий, что также побуждает разрешить возникшие проблемы и трудности. Примером адаптивного самоанализа служит следующий фрагмент, в котором герой

посредством саморефлексии приходит к осознанию ценности супруги и переосмысливает отношение к ней.

“How had I ever taken anything about this woman for granted? She was unique. A one-off. And though I didn’t deserve her I knew that from this moment onwards I would do everything I could to treasure her. Things would be different this time round. I would be a better husband, a better father, and I’d never hurt her again for as long as I lived” [Gayle, 2014: 153].

В данной коммуникативной ситуации представлена конструктивная самокритика, реализованная посредством коммуникативной тактики самоанализа: *“How had I ever taken anything about this woman for granted?”*, о чём свидетельствует использование риторического вопроса и фразы *“take for granted” – “to never think about something because you believe it will always be available or stay exactly the same”* [Cambridge Dictionary Online: URL]. Самокритика конструктивна, поскольку она мотивирует мужчину на улучшение личных и семейных отношений, тем самым способствует их более здоровой динамике.

*“As I emerged from Lewisham station an hour later and began my walk home I went over the events of the day in my head. **Had I been too blunt with Bella?** After all I was the one who was married, not her. But I’d had to make it clear that nothing was ever going to happen between us. She was undeniably beautiful but it was the attention she’d paid me I’d really been attracted to. When I’d felt invisible she alone had seen me, and that in turn had made me look at myself in a new light. But it was only ever going to end badly. Penny and the kids were my world, they were all I wanted, and thanks to everything I’d learned all I needed too. I’d never been so grateful to be me, never been so thankful to come home”* [Gayle, 2014: 260].

В вышеприведённом примере описываются размышления героя о его отношениях с девушкой, а также момент осознания того, что для него действительно важно в жизни – его жена и дети. Задаваясь вопросом, не был ли он слишком прямолинейным с Беллой, мужчина прибегает к тактике самоанализа, которая в данном случае способствует реализации

конструктивной самокритики. Способность рассказчика размышлять о своём поведении, расставлять приоритеты, а также благодарность за извлечённые уроки свидетельствуют о разрешении внутреннего и внешнего конфликтов.

В следующем фрагменте также представлена мужская самокритика:

“Like all calligraphers, I hate mistakes with a vehemence I can hardly describe. And my abhorrence leads me to dwell with a vagrant’s fixity on the reasons for my downfall – but my primary mistake was not, I think, that I misjudged Cécile. Because she was so incontestably at home in the ‘Nude Action Body’ department (which was, after all, where we had met), I think I could have relied upon her not to behave inartistically had she known what devastation her actions were going to cause. But, alas, she did not. No – my primary mistake was to let her stay another night. We didn’t discuss it out loud. But come five, I found myself stepping out to the shops and begging Roy, my excellent local supplier and a man who looks as close as is possible to an obese version of Hitler, to let me have one of his brother’s fresh salmon. It cost me more than any other human being in the history of mankind has ever paid for a single fish, but life is short and inconvenient and there is no sense protesting” [Docx, 2003: 44].

В данном примере маркерами реализации коммуникативной тактики самоанализа являются вводное выражение *“I think”*, инфинитивное словосочетание *“to dwell with a vagrant’s fixity on the reasons for my downfall”*, а также отрицательно-оценочные лексемы *“downfall”*, *“mistake”*. Используемая метафора *“to dwell with a vagrant’s fixity”* иллюстрирует процесс глубокого размышления героя над его неудачами. Слово-отрицание *“No”* в начале высказывания – *“No – my primary mistake was to let her stay another night.”* – указывает на переломный момент, демонстрирующий переход от размышлений к признанию ошибки, что свидетельствует о вербализации коммуникативной тактики самоупрёка.

Анализ эмпирической базы исследования выявил, что маркерами реализации коммуникативной тактики самоанализа служат риторические вопросы в конвергенции с отрицательно-оценочными лексемами и

фразеологическими единицами, сравнениями, метафорами, параллельными анафорическими конструкциями, а также вводные фразы и словосочетания, иллюстрирующие происходящий мыслительный процесс.

Коммуникативная тактика анализа

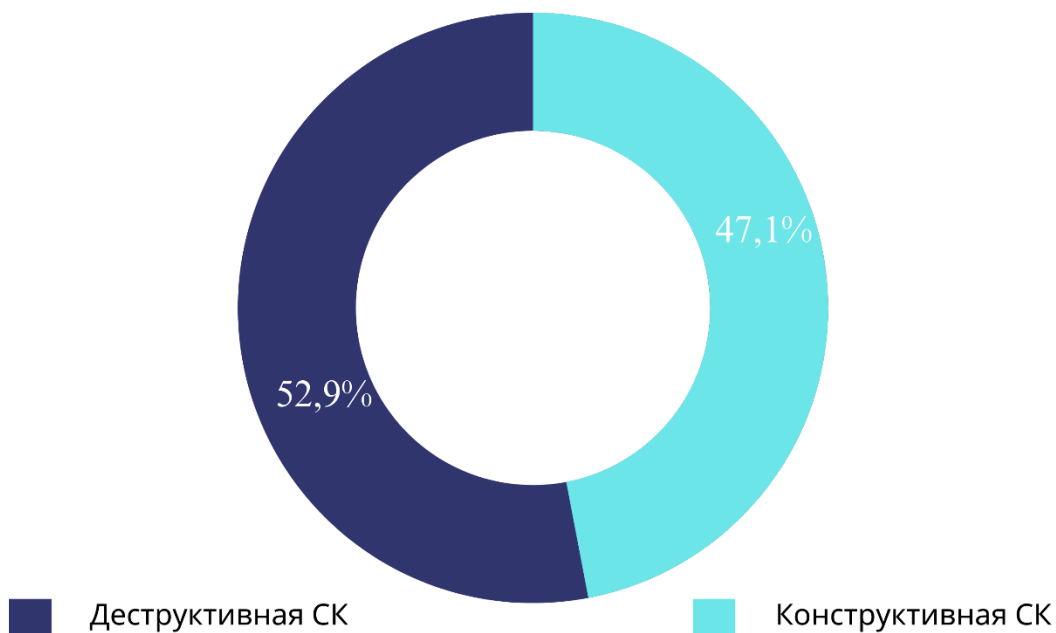


Рисунок 7. Коммуникативная тактика самоанализа

Таким образом, самоанализ является инструментом роста и самосовершенствования, однако навязчивая, негативная природа размышлений может трансформировать его в пагубный процесс. Деструктивный самоанализ может приводить к цикличной самокритике, что в свою очередь препятствует эмоциональному равновесию и потенциальному развитию. Анализ фактического материала показал, что коммуникативная тактика самоанализа используется чаще для реализации деструктивной самокритики – 52,9 % (см. Рис. 7).

2.7. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа

Термин «контрфактуальное мышление» обозначает ментальное моделирование альтернативных сценариев и исходов произошедших событий [Burne, & McEleneу 2000; Roese, 1997]. Контрфактуальные мысли могут быть выражены при помощи фразы «если бы (не) ..., то было бы ...», посредством

которой индивид сопоставляет воображаемое и фактическое положения дел. Результаты исследований в области когнитивной психологии, социальной психологии позволяют утверждать, что такой тип мышления проявляется ещё в раннем возрасте [Beck, Robinson, Carroll, & Apperly, 2006; German & Nichols, 2003; Perner, Sprung, & Steinkogler, 2004] и наблюдается у людей разных национальностей и культур [Au, 1983, 1992; Gilovich, Wang, Regan, & Nishina, 2003]. Следует отметить, что контрфактуальные суждения носят оценочный характер и могут описывать как возможный негативный исход событий, так и позитивный. Исследователи выделяют восходящий и нисходящий контрфактив (“upward counterfactuals, downward counterfactuals”) [Markman, Gavanski, Sherman, & McMullen, 1993; Roese, 1994]. Восходящий контрфактив представляет улучшенную версию произошедшей ситуации, в то время как нисходящий формирует версию событий, которая хуже фактической реальности [Erstude & Roese, 2008: 168]. В данном исследовании речь идёт о восходящих контрфактивах, поскольку именно они выражают сожаление, вину, грусть и весь спектр негативных эмоций, связанных с самокритикой. Рассмотрим, как тактика контрфактуального анализа используется для выражения самокритики.

“My brain is making ominous clicking sounds. <...>

*And suddenly I can hear our conversation again. The formality. The forced breeziness. The scripted speeches. **If I hadn't been so distracted, I'd have heard the panic in his voice too**” [Smale, 2016a: 83].*

В приведённом примере героиня критикует себя за невнимательность и отсутствие эмпатии. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа (“*If I hadn't been so distracted, I'd have heard the panic in his voice too*”) позволяет девушке осознать, что она была очень невнимательна. Девушка намерена приложить все усилия, чтобы исправить финансовую ситуацию партнёра, что свидетельствует о реализации конструктивной самокритики.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что контрфактуальные суждения играют важную роль в различных когнитивных

процессах, таких как саморегуляция, планирование, принятие решений, а также влияют на эмоциональное состояние и производительность. Подтверждением этого служат данные, полученные в результате нейроанатомических исследований, согласно которым можно наблюдать соответствие между контрфактуальным мышлением и активностью в орбитофронтальной коре [Epstude & Roese, 2008: 181], активизирующейся при принятии решений, планировании и самоконтроле [Miller & Cohen, 2001].

Одной из эмоций, сопровождающих контрфактуальное мышление, является сожаление. Представляет интерес исследование *“Regret and its Avoidance: a Neuroimaging Study of Choice Behavior”* (2005), в котором Дж. Коричелли и его коллеги изучили, как сожаление влияет на выбор и какие нейронные механизмы лежат в основе принятия решений. Учёные выявили, что наблюдается активность в области префронтальной коры, когда индивид сталкивается с выбором непосредственно после пережитого сожаления, чтобы избежать ошибок в будущем [Coricelli et al, 2005: 1260]. Таким образом, сожаление функционирует как механизм обратной связи, который побуждает людей пересматривать и корректировать свои решения на основе прошлых результатов.

“I look at the floor and nod. If I had listened to Nat in the first place, I’d now be two months into getting over Nick. I’d be much, much closer to being fine” [Smale, 2013b: 107].

В приведённом фрагменте главная героиня осознаёт, что её подруга была права. Девушка сожалеет о том, что не прислушалась к совету Нэт, на что указывает невербальный знак *“look at the floor”*. Опуская взгляд, Харриет признаёт свою ошибку и неосознанно пытается спрятаться из-за ощущения стыда. Другой невербальный знак – кивок – выражает согласие с мнением подруги. Тактика контрфактуального анализа передаётся при помощи сослагательного наклонения. Харриет мысленно моделирует альтернативный сценарий, в котором она действовала бы по-другому, что привело бы к более благоприятному эмоциональному состоянию. Девушка также осознаёт

личную ответственность за принятые решения и их последствия и демонстрирует открытость к изменениям, что указывает на конструктивный тип самокритики.

Следующий пример также иллюстрирует реализацию коммуникативной стратегии самокоррекции при помощи тактики контрфактуального анализа. Из широкого контекста известно, что главная героиня вынуждена тратить много времени на передвижения по городу.

“And, yes, if I’d known I was going to end up working in Chiswick, I wouldn’t have chosen to rent in Catford. But when I first came to London, it was to do an internship in east London. (They called it “Shoreditch” in the ad. It so wasn’t Shoreditch.) Catford was cheap and it wasn’t too far, and now I just can’t face west London prices, and the commute’s not that bad –” [Kinsella, 2017: 6].

В приведённом примере маркерами тактики контрфактуального анализа служат глаголы в форме сослагательного наклонения (*“if I’d known”, “I wouldn’t have chosen”*), выражающие сожаление и желание изменить прошлое. Несмотря на то, что Кэтти выражает недовольство выбором района для аренды жилья, самокритика носит конструктивный характер: девушка приводит рациональное обоснование своего решения (*“now I just can’t face west London prices”*), признавая финансовые затруднения.

С другой стороны, анализ современных теоретических источников показывает, что чрезмерная фокусировка на контрфактуалах, не способствующих размышлению о том, как можно улучшить ситуацию, может негативно сказываться на психоэмоциональном состоянии людей. Ряд исследований выявил, что контрфактуальное мышление может стать причиной избыточного самообвинения и повышенного риска депрессии [Lecci, Okun, & Karoly, 1994; Markman & Miller, 2006; Oettingen, Pak, & Schnetter, 2001; Sanna et al., 1999; 2001]. В представленном примере реализуется деструктивная самокритика, выраженная при помощи коммуникативной тактики контрфактуального анализа и самобичевания.

“<...> *It was heart-breaking. She was always so strong, so vital, so unwilling to let life get her down. Whatever the source of her argument with Scott, it was irrelevant. Penny would never have been in this state if it hadn't been for me. If I'd stayed away from Bella. If I'd never had an affair. If I'd just been satisfied with what I'd got instead of scrabbling around for something more. They say you get what you deserve but Penny didn't deserve any of this. I, on the other hand, deserved to be shot.*

I asked her what was wrong, what had happened. She couldn't seem to or perhaps didn't want to tell me and I couldn't blame her. It was me who'd made her so vulnerable. My affair had made her feel like a failure, as a wife and subsequently as a parent, and this thing with Scott – whatever it was – had reopened wounds that I had inflicted” [Gayle, 2014: 190].

В фрагменте представлены размышления главного героя о его романе и последствиях измены, а также о том, как это повлияло на его жену. Джо связывает её эмоциональное состояние исключительно с собственными действиями, перекладывая на себя полную ответственность за её страдания, о чём свидетельствуют следующие строки: “*Penny would never have been in this state if it hadn't been for me.*”, “*It was me who'd made her so vulnerable. My affair had made her feel like a failure...*”. Высказывания “*If I'd stayed away from Bella. If I'd never had an affair. If I'd just been satisfied with what I'd got instead of scrabbling around for something more*”, содержащие анафорические повторы и сослагательное наклонение, также подчёркивают глубокое сожаление героя и его неудовлетворённость собой. Утверждение “*I, on the other hand, deserved to be shot*” указывает на суровое самоосуждение, иллюстрирует его крайнюю степень.

Коммуникативная тактика контрфактуального анализа

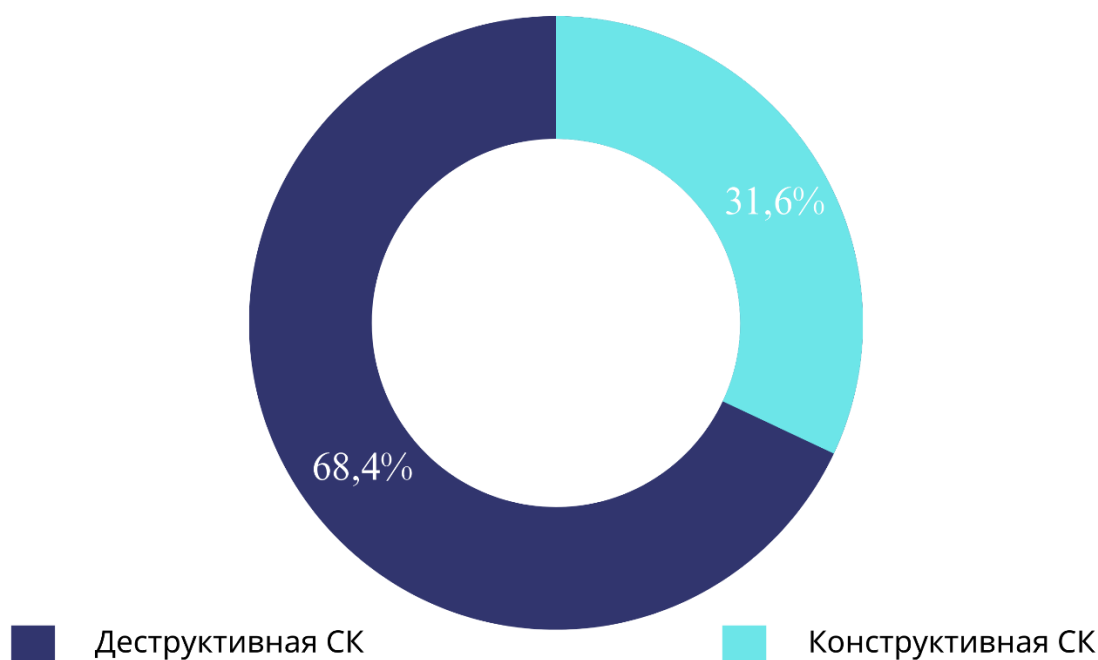


Рисунок 8. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа

Таким образом, коммуникативная тактика контрфактуального анализа в основном применяется для реализации стратегии самонаказания (68,4%) (см. Рис. 8). Сосредоточенность на негативных результатах и на том, что человек мог бы сделать по-другому, непосредственно приводит к самобичеванию, усугубляющему чувство вины, стыда и низкую самооценку. Однако встречаются случаи, когда контрфактуальное мышление помогает осознать возможный положительный исход событий (31,6%), тем самым мотивируя индивида к изменениям в поведении.

2.8. Коммуникативная тактика интернализованной критики (или согласия с критикой со стороны)

Интернализованную критику можно трактовать как процесс, в ходе которого индивид внутренне принимает и ассимилирует критику, направленную на него (неё) извне, интегрируя её в процесс саморегуляции, с целью коррекции своего поведения и развития. Она позволяет индивиду активно анализировать собственные действия и мысли, оценивать их адекватность и соответствие личным и социальным нормам.

В следующем примере стратегия самокоррекции реализуется посредством тактики согласия с критикой со стороны. Осознание девушкой того, что она подвела агента, несмотря на его неизменную поддержку, усиливает её самокритику.

“Because ... Peter Trout was right.

I fell into modelling by accident and I’ve been attempting to wing it ever since. Letting other people save me, over and over again.

Pretending to try, without actually trying.

I sit for a few more minutes, thinking hard.

Then I take my hands from my eyes, uncurl from the pavement and stand up straight. I might only be one girl, but I can do this. I know if I just redirect some of my attention and focus, I can get modelling jobs, make money and save Wilbur’s agency” [Smale, 2016a: 85].

Самокритика актуализируется при помощи метафоры *“I fell into modelling by accident*, подчёркивающей отсутствие инициативы и пассивность в профессиональной сфере. Высказывания *“attempting to wing it”* и *“letting other people save me”* указывают на зависимость девушки от других; использование повтора *“over and over again”* акцентирует внимание на негативной поведенческой модели. Харриет также признаёт отсутствие самоотдачи и упорства в работе: *“Pretending to try, without actually trying.”*. Однако девушка не отчаивается и, поразмыслив, решает изменить свой подход к сложившейся ситуации. Невербальные знаки (*“take my hands from my eyes, uncurl from the pavement, stand up straight”*) подтверждают намерения героини и свидетельствуют о её решимости осуществить задуманное.

В следующем примере героиня, признавая, что она справилась с поставленной задачей исключительно благодаря её партнёру по съёмкам, прибегает к тактике интернализированной критики.

“There’s nothing I can say: she’s absolutely right. Without Nick, I would have stood there and quietly drowned in my own panicky mucus.

“I’m so sorry,” I say quietly as my eyes start to go blurry.

<...> If I can just find the note – if I can show it to Yuka – maybe she'll believe me. She'll see that I do respect her, and that I love Japan. That I know I'm lucky to be here, and I'm trying as hard as I can.

That I'm not the person she thinks I am” [Smale, 2013b: 157].

Соглашаясь со словами дизайнера, Харриет критически оценивает свои способности при помощи сослагательного наклонения в сочетании с метафорой “*quietly drowned in my own panicky mucus*”, подчёркивающей глубину отчаяния и неспособность справляться с трудностями в стрессовой ситуации, что может быть признаком деструктивной самокритики. Однако, принимая во внимание контекст и реакцию героини, становится очевидно, что самокритика носит преимущественно конструктивный характер, поскольку извинение “*I'm so sorry*” и действия девушки направлены на разрешение проблем.

В следующем фрагменте также представлена конструктивная самокритика, реализующаяся посредством стратегии самокоррекции. Речь идёт о конструктивной самокритике, поскольку негативная оценка приводит к пересмотру героиней её поведения.

“<...> I look down: the varnish has been chewed off every single one of her nails.

Then I remember her on my doorstep yesterday.

I really need to talk to her.

Oh my God, why did I automatically assume it was about me? Ugh.

Maybe Jasper has a point after all” [Smale, 2015a: 72].

В данной коммуникативной ситуации механизм саморефлексии запускает внешний вид подруги главной героини. Описываемый момент символизирует переход от эгоцентризма к пониманию эмоционального состояния подруги и её поступков. О критическом отношении к своему поведению свидетельствует использование риторического вопроса: “*Why did I automatically assume it was about me?*”. Подкрепляют негативную оценку междометия “*Oh my God*” (“*inf.*, used to emphasize how surprised, angry,

shocked, etc. you are” [Cambridge Dictionary Online: URL]) и “*Ugh*” (“*used to express a strong feeling of disgust (= disapproval and dislike) at something very unpleasant*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), сигнализирующие об испытываемом недовольстве и раздражении. Высказывание “*Maybe Jasper has a point after all*” свидетельствует о том, что героиня переосмысливает негативную оценку со стороны, что служит маркером реализации тактики интернализованной критики: индивид размышляет над оценками собственных поступков со стороны окружающих людей, интегрируя их в процесс своей самооценки.

В приведённом ниже фрагменте конструктивная самокритика реализуется при помощи коммуникативных тактик согласия с критикой со стороны, самоанализа и самоупрёка. Обеспокоенная отношениями своих друзей, девушка была чрезмерно настойчива и не понимала, что невозможно повлиять на чувства других людей, а её действия напрасны.

“Ugh. Maybe Nat was right.

I’m really not making anyone happier here, am I?

They were getting on so well yesterday, but I’ve taken a natural, organic connection and put too much pressure on it, too soon and in public.

***I need to give them space*” [Smale, 2016a: 191].**

Самокритика персонажа возникает из-за осознания того, что невозможно принудить людей любить друг друга и её подруга была права: “*Ugh. Maybe Nat was right.*”. Девушка размышляет над своими действиями: “*I’m really not making anyone happier here, am I?*”; используемый риторический вопрос подчёркивает её неуверенность и смятение, а также является вербализированной частью самоанализа. Коммуникативная тактика самоупрёка выражена посредством таких фраз, как “*put pressure on*”, “*too soon*”, негативная оценка которых интенсифицирована при помощи наречий “*much*” и “*too*”, а также словосочетания “*in public*”, приобретающего отрицательный заряд в данном контексте. В результате героиня приходит к выводу, что ей необходимо предоставить личное пространство молодым

людям, что, в свою очередь, свидетельствует о реализации стратегии самокоррекции.

Однако интернализированная критика может также негативно сказываться на индивиде, снижая самооценку, порождая неуверенность в себе и тревожность. Так, в следующем фрагменте интериоризованного критического дискурса коммуникативная тактика интернализированной критики реализует стратегию самонаказания.

*“I was so sure of myself. But now ... His arguments keep playing out in my mind. They keep hitting true notes. **Maybe I am deluded. Maybe this is all a novelty. Maybe after a few years of a simpler life I won't be content, I'll be frustrated and bitter.** I have a sudden vision of myself mopping floors with a nylon scarf round my head, assailing people: 'I used to be a corporate lawyer, you know.'”* [Kinsella, 2006: 380].

Метафорические высказывания – *“His arguments keep playing out in my mind. They keep hitting true notes”* – демонстрируют, как внешняя критика становится катализатором внутренней самокритики, побуждая героиню усомниться в своих решениях и желаниях. Коммуникативная тактика интернализированной критики реализуется посредством отрицательно-оценочных лексем *“deluded”, “frustrated”, “bitter”* в сочетании с модальным словом *“maybe”*, выражающим неуверенность девушки в собственной правоте. Визуализация будущего в гипертрофированном образе (*“mopping floors with a nylon scarf round my head, assailing people”*) свидетельствует об усилении тревоги, что указывает на деструктивный характер самокритики.

“That was the truth. I was toxic. Potentially hazardous waste material that would contaminate the blissfully happy lives of any couple with whom I came into contact. It was official. I had reached rock bottom” [Gayle, 2014: 92].

Из широкого контекста известно, что главный герой, потратив значительное количество времени на поиск знакомых, которые могли бы быть в городе, получает следующее сообщение: *“Mate, right now you're so toxic the missus would sooner see me hanging out with Satan at a strip bar than you in a pub.*

Keep your head down and I'm sure it'll all blow over soon. Take it easy, S" [Gayle, 2014: 91-92]. Герой соглашается с критикой Саймона – негативная оценка становится своеобразной линзой, через которую мужчина смотрит на себя. Внешнее подтверждение негативного представления о себе усугубляет внутренний конфликт – мужчина прибегает к использованию коммуникативной тактики самобичевания, о чём свидетельствуют развёрнутая метафора, содержащая негативно окрашенные лексемы “*hazardous*”, “*waste material*”, “*contaminate*”, а также отрицательно-оценочная фразеологическая единица “*rock bottom*” – “*inf., the lowest or worst level of something*” [Cambridge Dictionary Online: URL]. Приведённый пример демонстрирует, что интернализованная критика может отрицательно влиять на человека, поскольку она усиливает негативные эмоции и не способствует личностному развитию или решению проблем.

Анализ фактического материала показал, что маркерами, свидетельствующими о реализации коммуникативной тактики согласия с критикой со стороны, являются фразы, выражающие согласие с критикой, в сочетании с отрицательно-оценочными лексемами, лексическими и синтаксическими повторами, анафорическими параллельными конструкциями, сравнениями и метафорами.

Коммуникативная тактика интернализованной критики

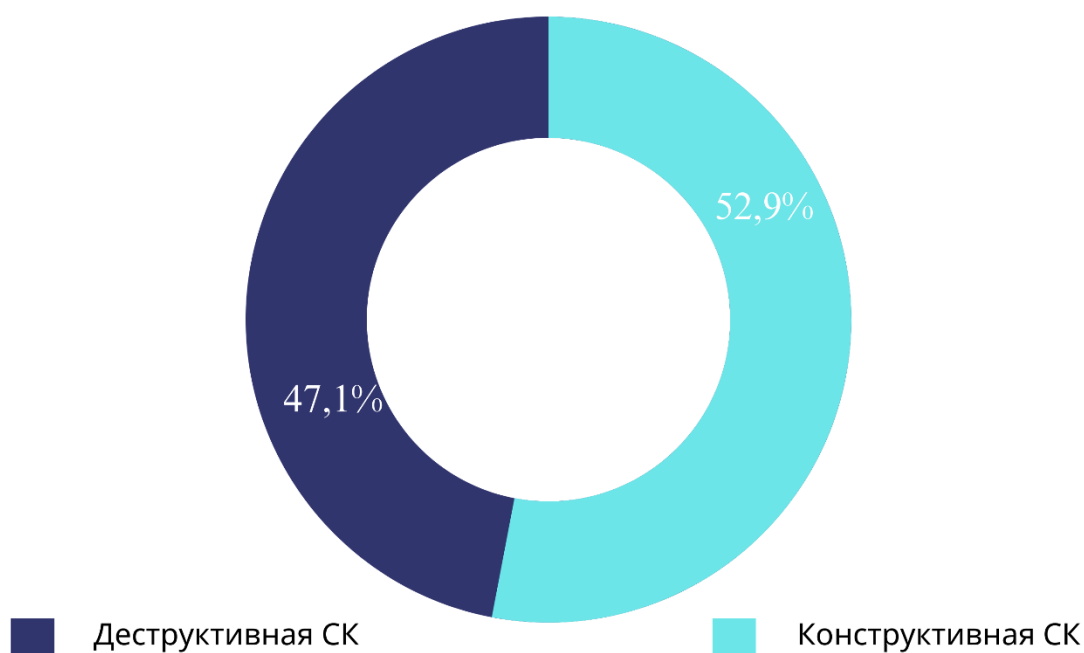


Рисунок 9. Коммуникативная тактика интернализованной критики

Таким образом, коммуникативная тактика согласия с критикой со стороны включает не только осознание и признание внешней критики как обоснованной, но и её интеграцию в процесс самокоррекции. Анализ фактического материала показал, что коммуникативная тактика интернализованной критики может иметь конструктивный потенциал (52,9%) (см. Рис. 9). Однако она также может препятствовать преодолению собственных недостатков и не позволять индивиду скорректировать их (47,1%).

Самокритика в англоязычном интериоризованном дискурсе может быть выражена при помощи коммуникативной стратегии самонаказания и самокоррекции. Анализ эмпирической базы показывает, что коммуникативная стратегия самокоррекции применяется реже (33,1%), чем коммуникативная стратегия самонаказания (66,9%). В интериоризованном дискурсе на реализацию коммуникативной стратегии самонаказания направлены следующие тактики: самоупрёк (47,1%), самооскорбление (12%), самобичевание (15%), сравнение (4,9%), противопоставление (7,4%), самоанализ (6,4%), контрфактуальный анализ (1,5%), интернализованная

критика (5,7%). Коммуникативная стратегия самокоррекции реализуется схожим набором тактик, однако их процентное соотношение отличается: самоупрёк (61,7%), самооскорбление (3,5%), сравнение (5,6%), противопоставление (3,5%), самоанализ (11,4%), контрфактуальный анализ (1,4%), интернализованная критика (12,9%) (см. Рис. 10).



Рисунок 10. Стратегии и тактики, реализующие конструктивную и деструктивную самокритику

Таким образом, преобладающее значение в обоих случаях имеет коммуникативная тактика самоупрёка. В отличие от стратегии самонаказания, стратегия самокоррекции чаще реализуется при помощи тактики интернализованной критики. Напротив, коммуникативная тактика самооскорбления применяется реже при экспликации конструктивной самокритики.

Как уже отмечалось, самокритика может быть эксплицирована различными способами, а также варьирует по степени интенсивности негативной оценки, направленной на адресанта. В этой связи представляется возможным распределить выделенные коммуникативные тактики на шкале

интенсивности самокритики: от -1 (наименее негативной) до -10 (наиболее негативной) (см. Рис. 11).

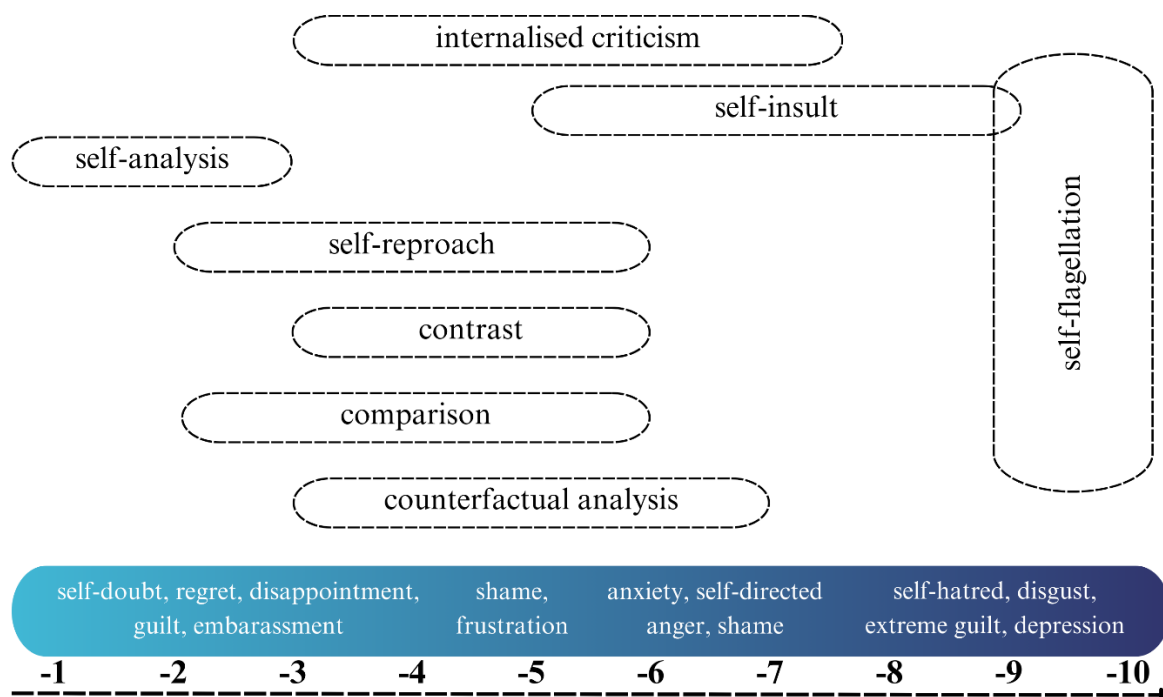


Рисунок 11. Распределение коммуникативных тактик, применяемых для выражения самокритики, по степени интенсивности

Открывает шкалу тактика самоанализа, предполагающая рефлексивные размышления, для которой не характерны резкие эмоциональные реакции. Далее следуют самоупрёк, сравнение и противопоставление, сопровождающиеся чувством вины, сожалением и в некоторых случаях злостью и стыдом. Среднюю часть шкалы занимает тактика контрфактуального анализа и тактика интернализованной критики, отражающие переживаемое индивидом отчаяние и раздражение. Коммуникативная тактика самооскорбления, отличительной чертой которой являются уничижительные высказывания, содержащие инвективы, тяготеет к интенсифицированной дерогаторности. Максимальную степень негативизма проявляет тактика самобичевани, которая в силу специфики аксиологических параметров не может использоваться для реализации стратегии самокоррекции. Стоит отметить, что при анализе эмпирической базы

исследования учитывался не только тип самокритики, способы её экспликации (вербальный и невербальный), но и контекстуальные условия и факторы.

2.9. Коммуникативная стратегия снятия напряжения и тактика автореферентной насмешки

Автореферентный юмор представляет собой вид юмора, в котором объектом шутки становится сам говорящий. В философии на данный момент не сформировалось единого мнения о том, оказывает ли данный вид юмора положительное влияние на объект осмеяния или же, напротив, отрицательное. С одной стороны, юмор, адресатом которого является сам адресант, рассматривается как важная способность [Cohen, 1999; Critchley, 2002], которая даёт чувство раскрепощения, успокоения [Critchley, 2002: 95]. С другой стороны, существуют скептики, опровергающие предполагаемое благотворное воздействие автореферентного юмора [Hietalahti, 2015] и юмора в целом [Billig, 2005]. Рассмотрим пример, анализируемый в работах С. Кричли и Я. Хиеталаhti, которые придерживаются диаметрально противоположных точек зрения:

“Man goes to doctor. Says he’s depressed. Says life seems harsh and cruel. Says he feels all alone in a threatening world where what lies ahead is vague and uncertain. Doctor says, ‘Treatment is simple. Great clown Pagliacci is in town tonight. Go and see him. That should pick you up.’ Man bursts into tears. Says, ‘But doctor... I am Pagliacci.’” [цит. по Hietalahti, 2015: 116].

С. Кричли, придерживаясь концепции З. Фрейда, пишет, что юмор, а также юмор, направленный на себя, является полифункциональным, поскольку он предлагает способ самоутешения и одновременно способствует самопознанию [Critchley, 2002]. Английский философ утверждает, что юмор является своеобразным антидепрессантом, который не подавляет эго, но, напротив, способствует самопознанию: “Humour is an antidepressant that does not work by deadening the ego in some sort of Prozac-induced daze, but is rather a relation of self-knowledge.”. (Юмор – это антидепрессант, который действует,

не притупляя это в каком-то прозаковом оцепенении, напротив, является средством самопознания (перевод наш – Н.Н.) [Critchley, 2002: 102].

Я. Хиеталаhti, с другой стороны, занимает более критическую позицию по отношению к автореферентному юмору. Хотя финский исследователь согласен с тем, что, автореферентный юмор может рассматриваться как этически более предпочтительный, чем юмор, объектом которого является другой человек, он может усилить негативное самовосприятие, неуверенность в себе, а также усугубить проблемы низкой самооценки. Я. Хиеталаhti, приводя пример с клоуном, демонстрирует, что юмор, основанный на самореференции, иногда не может принести утешения или облегчить психологические проблемы, с которыми человек сталкивается (например, депрессию Паглиаччи): “Even though Pagliacci is extremely funny, and he probably knows that himself, he is deeply depressed. He needs to have some other reference point than just a notion about our twofold nature being melancholic and cheerful. The clown in the story is an outsider, beyond any traditional help. He does not belong anywhere and he is all alone in the universe. Laughter does not cure anything for him. I interpret this to mean that in a Frommian sense, he needs relatedness.” (Несмотря на то, что Паглиаччи чрезвычайно забавен, и он, вероятно, сам это знает, он глубоко подавлен. Ему нужно иметь какую-то другую точку отсчёта, а не просто представление о том, что мы по природе своей двойственны – меланхоличны и жизнерадостны. Клоун в этой истории – аутсайдер, не нуждающийся ни в какой традиционной помощи. Ему нигде нет места, и он совершенно одинок во вселенной. Смех его ничем не лечит. Я понимаю это так, что, в понимании Фромма, ему нужна близость (перевод наш – Н.Н.)). [Hietalahti, 2015: 127].

Исследователь приход к выводу о том, что в целях психологической разгрузки человеку не следует полагаться исключительно на юмор. Он подчёркивает необходимость «близости» (“relatedness”), значимых связей с другими людьми и обществом в целом, недостаток которых юмор компенсировать не может. Таким образом, влияние автореферентного юмора

на самого говорящего зависит от таких факторов, как индивидуальные особенности говорящего, контекст, присутствие или отсутствие аудитории, взаимоотношения собеседников и т.д. Эффективность юмора, основанного на самореференции, достигается соблюдением баланса. Другими словами, в тех случаях, когда автореферентный юмор используется в целях саморефлексии, саморегуляции и не переходит в разряд саморазрушительного юмора, он благоприятно влияет на психоэмоциональное состояние индивида.

В психологии юмор (и автореферентный юмор) рассматривается как механизм регулирования эмоций. Исследователи считают, что юмор помогает индивиду оценить сложившуюся ситуацию с другой точки зрения; благодаря юмористической переоценке негативные эмоции и стресс уходят на второй план, что, в свою очередь, позволяет индивиду управлять ситуацией и мыслить шире [Kuiper, Martin, & Olinger, 1993; Martin, 2007; Schneider, Voracek, & Tran, 2018]. Кроме того, в области позитивной психологии юмор используется в качестве терапевтической стратегии, позволяющей снизить тревожность и стресс, тем самым повысив уровень положительных эмоций и удовлетворённости жизнью [Carr et al., 2020; Simione, Gnagnarella, 2023].

В лингвистике юмор может изучаться в широком значении, включающем различные виды комического [Lynch, 2002; Billig, 2005; Grewell, 2013 etc.], либо в узком как одна из разновидностей комического [Борев, 1970; Лазарева, 2005; Ножевникова, 2015 и др.]. В рамках данного исследования термины «юмор» и «комическое» понимаются как синонимичные. При описании парадигмы комического исследователи разграничивают следующие категории юмора: юмор с негативной коннотацией и с положительной [Лазарева, 2005]. Ирония находится на стыке двух категорий, поскольку она частотно используется для выражения критики и дискредитации [Желтухина, 2000; Слепцова, 2008]. Однако, как пишет Т. И. Каличкина, «бывают и исключительные случаи, когда предмет разговора восхваляется, а его конкуренты подвергаются критике, осмеянию» [Каличкина, 2022: 47]. Исследователь предлагает использовать термин «антиирония» вместо

самоиронии в тех случаях, когда внешне отрицательное высказывание скрывает одобрение, восхваление [Каличкина, 2022: 47]. Стоит отметить, что изучение антииронии выходит за рамки настоящего исследования, поскольку эта разновидность иронии предполагает другие механизмы взаимодействия и коммуникативные цели.

Во многих исследованиях в области лингвистики под термином «ирония» понимается не только стилистический приём, характерным признаком которого является несоответствие предметно-лексического и контекстуального значения слова [Гальперин, 1958: 133], но и категория текста [Салихова, 1976; Фомичева, 1992; Каменская, 2001; Походня, 1989 и др.]. Так, С. И. Походня под иронией понимает результат – «иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка» [Походня, 1989: 16]. Из приведённого определения следует, что основой иронии является не только двусмысленность слова (фразы или целого высказывания), но и преувеличение или преуменьшение отрицательной характеристики, а также сочетание несочетаемого.

При сопоставлении иронии с другими видами комического, подразумевающими негативную оценку, становится очевидным, что она не всегда используется для выражения критики. Ирония также может отражать общее «ироническое отношение к миру» [Пивоев, 2000]. Британский антрополог, автор книги “Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour” К. Фокс считает, что ирония выступает ключевым элементом английского юмора, определяющим его характер и глубину: “What is unique about English humour is the pervasiveness of irony and the importance we attach to it. Irony is the dominant ingredient in English humour, not just a piquant flavouring.” [Fox, 2005: 65]. Из приведённого утверждения следует, что самоирония, как и ирония, является характерной чертой англичан. Ироническое отношение может проявляться не только в отношении к внешним объектам или ситуациям, но и в способности индивидов смеяться над собственными особенностями, ошибками или неудачами, что свидетельствует

о глубоко укоренившейся культурной традиции использования иронии в целях саморефлексии и саморегуляции. Придерживаясь такого подхода, «насмешка как способ выражения критики является средством проявления иронического отношения к миру» [Ножевникова, 2015: 33]. В таком случае иронию следует рассматривать как один из способов языковой репрезентации насмешки [Ножевникова, 2015: 33].

Таким образом, представляется возможным выделить коммуникативную стратегию **снятия эмоционального напряжения**, эксплицируемую при помощи коммуникативной тактики автореферентной насмешки, цель которой состоит не только в переосмыслении своих поступков, мыслей, действий и т.д., но и уменьшении уровня тревожности. Коммуникативная тактика автореферентной насмешки получает вербальное оформление посредством различных стилистических тропов, средств и приёмов: иронии, эпитета, метафоры, гиперболы, литоты, аллюзии, риторического вопроса, антитезы и др.

В приведённом ниже фрагменте можно наблюдать реализацию тактики автореферентной насмешки. Из широкого контекста известно, что главный герой отвечает за публикацию статьи в журнале о жизни отцов-одиночек и их детей, а также за организацию фотосессии.

“This was great. Not only had I booked the world’s least photogenic man for the shoot but his kids weren’t even here. Camilla would burst a blood vessel the moment she saw the pictures. Wherever these kids were, whatever they were doing, I was going to have to get them to the studio in the next hour” [Gayle, 2014: 32].

Вместо элегантного отца, которого ему обещали (*“a recently separated father of two but also good-looking in a ‘poor man’s Hugh Grant’ kind of way”*), на съёмку приходит, как отмечает Джо, самый нефотогеничный мужчина в мире *“the world’s least photogenic man”*. Более того, затруднительное положение усугубляет отсутствие детей, необходимых для фотосессии, о чём главный герой узнает только в последний момент. Понимание того, что плохой

визуальный ряд может не только испортить статью, но и отрицательно сказаться на его карьере, приводит к самокритике: *“Camilla would burst a blood vessel the moment she saw the pictures”*, – о чём свидетельствует использование идиомы, содержащей отрицательную оценку, *“to burst a blood vessel”* – *“humourous, to become very angry about something”* [Cambridge Dictionary Online: URL]. Включение данной фразеологической единицы, с одной стороны, помогает подчеркнуть беспокойство мужчины и ожидаемую драматическую реакцию его руководителя; с другой стороны, привносит элемент комизма, тем самым, доводя ситуацию до абсурда.

На реализацию тактики автореферентной насмешки в анализируемом фрагменте также направлены ирония как троп (*“This was great.”*), инверсия в сочетании с гиперболой (*“Not only had I booked the world’s least photogenic man for the shoot but his kids weren’t even here.”*). Используемые тропы и языковые средства иллюстрируют осознание Джо необходимости тщательного планирования, а также своего невезения, что придаёт самокритике оттенок юмора и язвительности.

В следующем примере коммуникативная тактика автореферентной насмешки используется в конвергенции с тактикой самоупрёка. Самокритика главной героини проистекает из-за осознания своей неспособности выстраивать коммуникацию с незнакомыми людьми. Репрезентация упрёка происходит прежде всего при помощи лексем *“unsuccessfully”*, *“nowhere near”*, отрицательная оценка которых интенсифицируется на синтаксическом уровне посредством повторов *“I’m still”*. Использование глаголов в форме длительного вида *“I’m being led”*, *“I’m handing out”* в сочетании с фразой *“three hours later”* иллюстрирует тщетные усилия девушки наладить общение с окружающими, а также передаёт ощущение монотонности, разочарования и социального дискомфорта. Обращает на себя внимание употребление глагола *“lead”* в страдательном залоге *“am being led”*, подчёркивающее отсутствие у девушки контроля над ситуацией и создающее впечатление, что она «загнана в ловушку».

“Three hours later, I’m still being led around the party, trying unsuccessfully to remember names and holding conversations I am nowhere near equipped to deal with. And I’m still handing out Kenderall’s cards.

All of which get thrown straight on the floor: by the end of the third hour it looks like I’m just leaving a trail of orange rectangular breadcrumbs, like a neon-obsessed corporate Hansel and Gretel” [Smale, 2014: 226].

Героиня прибегает к коммуникативной тактике автореферентной насмешки, о чём свидетельствует ироничное сравнение с Гензель и Гретель из сказки братьев Гримм *“Hansel und Gretel”*. Харриет проводит аналогию между хлебными крошками, которые дети оставляли, чтобы вернуться обратно домой, и визитными карточками, тем самым имплицитно критикуя бессмысленность своих действий. Комический эффект создаёт и включение логически абсурдных эпитетов *“orange rectangular”* и *“neon-obsessed corporate”*.

“The boys are all wearing jeans and T-shirts and have clean faces and short hair.

I look down at the Spider-Man T-shirt I bought last week and then touch my new bob haircut. I think it’s obvious which camp I fall into.

Maybe I’ll just make the most of it, grow a moustache and hide in the boys’ toilets this year” [Smale, 2014: 22-23].

В приведённом фрагменте негативной оценке подвергается облик главной героини, отличающийся от гендерно-стереотипных образов сверстниц в школе (*“a leather jacket”, “bright red lipstick”, “blue feathers”, “ponytail”*). Самокритика проявляется через сравнение внешнего вида сверстников мужского пола (*“jeans and T-shirts”, “short hair”*) со своим (*“the Spider-Man T-shirts”, “bob haircut”*), посредством которого девушка отмечает, что её выбор одежды и стрижки не соответствует стереотипным представлениям одноклассниц: *“I think it’s obvious which camp I fall into.”*

Относясь к ситуации с юмором, героиня приходит к заключению, что ей следует воспользоваться сходством с противоположным полом в свою пользу:

“maybe I’ll just make the most of it”. Устойчивое выражение *“to make the most of smth”* (*“to take full advantage of something because it may not last long”* [Cambridge Dictionary Online: URL]) подразумевает, что девушка будет искать друзей среди парней и общаться исключительно с ними. Однако фраза приобретает совершенно другой смысл, когда Харриет иронично подмечает, что ей необходимо отрастить усы и прятаться в мужских туалетах: *“grow a moustache and hide in the boys’ toilets this year”*. В приведённом фрагменте, прибегая к коммуникативной тактике автореферентной насмешки, главная героиня пытается справиться с дискомфортом и давлением со стороны сверстников.

“A hand grabs me from the side. ‘What,’ a woman hisses as I’m yanked unceremoniously behind the door of the boat, ‘the hell do you think you’re doing?’

Honestly, if I had a penny for every time somebody has asked me What the hell do you think you’re doing? I wouldn’t need to model at all. I’d have paid for university already, and probably a Masters, PhD and some kind of internship on a professional archaeological dig in Egypt too.

But usually I have some idea of the answer.

This time, however, I’m at a total loss.

A very small, sharp-featured woman with a bleached-white bob, purple crop top and perfect purple lips has dragged me in silent rage into an ominously empty back room of the yacht and is glaring at me intensely. I have literally no idea why.

I arrived on time for once, right?

I didn’t fall over or break anything, did I?

I obeyed Wilbur’s letter to the letter, didn’t I?

Unless ... Oh no, is it the spot? Am I in trouble for looking like I have a unicorn horn on my chin again? Can she see I’ve been distractedly prodding it in the car on the way here? Am I in the wrong place?

Whose party is this anyway?

“I’m so sorry,” I blurt, trying to cover all bases as I drag my invitation out of my handbag, <...>” [Smale, 2016b: 41].

В представленном отрывке причиной самокритики главной героини стала критика со стороны. Харриет иронизирует над словами дизайнера: *“Honestly, if I had a penny for every time somebody has asked me What the hell do you think you’re doing? I wouldn’t need to model at all. I’d have paid for university already, and probably a Masters, PhD and some kind of internship on a professional archaeological dig in Egypt too.”* Комичность ситуации придаёт преувеличение той суммы, которую девушка смогла накопить, если бы получала только пенни (минимальная разменная монета, равная 1/100 фунта).

Заданный дизайнером вопрос (*“What the hell do you think you’re doing?”*), который, как отмечает героиня, она слышит достаточно часто, служит катализатором для саморефлексии. Девушка прибегает к коммуникативной тактике самоанализа, о чём свидетельствует использование череды риторических вопросов: *“I arrived on time for once, right? I didn’t fall over or break anything, did I? I obeyed Wilbur’s letter to the letter, didn’t I? Oh no, is it the spot? Am I in trouble for looking like I have a unicorn horn on my chin again? Can she see I’ve been distractedly prodding it in the car on the way here? Am I in the wrong place?”* Самокритика носит конструктивный характер, поскольку, подвергая сомнению собственные действия, героиня приносит извинения и активно пытается понять, что послужило поводом для конфликтной ситуации.

В приведённом ниже фрагменте самокритика возникает из-за глубоко укоренившейся эмоциональной уязвимости главного героя. Попытки героя вызвать ревность свидетельствуют о том, он хочет ощутить свою значимость.

“I couldn’t help but laugh. It was pathetic really. Trying to get back at Penny by making her jealous about an imaginary weekend that I hadn’t a hope of pulling off. I’d have enough trouble selling the idea of museums as entertainment to Rosie let alone cooking a chicken in an oven which last time I used it had filled the kitchen with so much smoke that it set off my neighbour’s smoke alarm as well as my own” [Gayle, 2014: 148].

Размышляя над своим планом, главный герой приходит к осознанию абсурдности своих действий, на что указывает лексема “*pathetic*” (“*inf., disappr.; unsuccessful or showing no ability, effort, or bravery, so that people feel no respect*” [Cambridge Dictionary Online: URL]), отрицательная оценка которой интенсифицирована при помощи наречия “*really*”. Критерием отнесения данной коммуникативной тактики к тактике автореферентной насмешки является лексический маркер “*laugh*”. Е. Г. Ножевникова в своём диссертационном исследовании отмечает, что основной целью насмешки является не только представить говорящего в неблагоприятном виде, но и в то же время спровоцировать ответную реакцию – смех или улыбку [Ножевникова, 2015: 49]. Осмеивая неосуществимость своих планов, а также бессмысленность своих попыток манипуляции эмоциями жены, главный герой борется с иррациональными эмоциональными реакциями. Кроме того, смех над собой служит способом снятия напряжения и выполняет «катарсическую функцию» [Панина, 1996: 23].

Анализ фактического материала показал, что коммуникативная стратегия снятия эмоционального напряжения, реализуемая при помощи коммуникативной тактики автореферентной насмешки, может применяться изолированно или совместно с другими коммуникативными стратегиями (Рис. 12). В интериоризованном критическом дискурсе данная стратегия способствует восстановлению эмоционального равновесия. Коммуникативная тактика автореферентной насмешки используется как механизм саморефлексии и способствует снятию психоэмоционального напряжения, позволяя индивиду относиться к собственным недостаткам, ошибкам или неудачам с лёгкостью и определённой долей самоиронии. Кроме того, в тех случаях, когда автореферентная насмешка опережает внешнюю критику, она служит инструментом превентивной защиты, позволяя человеку не только осознать свои недостатки, но и снизить их значимость для себя. Таким образом, данная тактика становится универсальным инструментом

эмоциональной саморегуляции и формирования адаптивных моделей поведения.



Рисунок 12. Коммуникативные стратегии и тактики, направленные на реализацию самокритики

ВЫВОДЫ

1. Для выражения самокритики в англоязычном интериоризованном критическом дискурсе используются коммуникативная стратегия самонаказания (для выражения деструктивной самокритики) и коммуникативная стратегия самокоррекции (для выражения конструктивной самокритики). Установлено, что коммуникативная стратегия самонаказания (66,9%) значительно превышает по частоте использования коммуникативную стратегию самокоррекции (33,1%).

2. Количественный подсчёт примеров позволяет заключить, что в англоязычном интериоризованном дискурсе на реализацию коммуникативной стратегии самонаказания направлены следующие тактики: самоупрёк (47,1%), самобичевание (15%) и самооскорбление (12%). Реже используется тактика противопоставления (7,4%), самоанализа (6,4%), интернализованной критики (5,7%), сравнения (4,9%) и контрфактуального анализа (1,5%).

3. При реализации коммуникативной стратегии самокоррекции преобладают тактики самоупрёка (61,7%) и самоанализа (11,4%). Отличительной чертой является менее частотное использование тактики самооскорбления (3,5%). Напротив, коммуникативная тактика интернализованной критики применяется чаще при вербализации конструктивной самокритики (12,9%). Коммуникативные тактики сравнения, противопоставления и контрфактуального анализа также встречаются реже (5,6%, 3,5% и 1,4% соответственно). Коммуникативная тактика самобичевания не применяется для выражения конструктивной самокритики.

4. Сущность коммуникативной стратегии снятия напряжения, реализующейся при помощи тактики автореферентной насмешки, заключается в снижении уровня стресса. Данная коммуникативная стратегия применяется как отдельно, так и совместно с другими стратегиями для смягчения самокритики и снятия психоэмоционального напряжения.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НЕЙРОАТИПИЧНЫХ АВТОРОВ

3.1. Современное представление о расстройствах аутистического спектра и их отражение в интериоризованном дискурсе

Расстройства аутистического спектра (РАС) охватывают целый ряд нарушений развития нервной системы, характеризующихся проблемами в социальном взаимодействии, коммуникации и ограниченными или повторяющимися моделями поведения [American Psychiatric Association (APA), 2013]. Термин «*расстройства аутистического спектра*» включает не только аутизм (ранний детский аутизм, детский аутизм, высокофункциональный аутизм и др.), но и синдром Аспергера, первазивное нарушение развития, детское дезинтегративное расстройство [American Psychiatric Association (APA), 2022: 218]. Исследователи утверждают, что проявления РАС разнообразны и зависят от различных факторов, включая возраст, пол, тяжесть расстройства, сопутствующие болезни и синдромы, а также социальную и образовательную среду. Наиболее часто встречающимися симптомами РАС являются отсутствие зрительного контакта с собеседником, трудности в распознавании эмоций, «социально неприемлемое» поведение. Вместе с тем, одним из наиболее распространённых симптомов и основным критерием диагностирования РАС считается нарушение в сфере коммуникации [Vogindroukas, et al., 2022: 2368]. Более того, РАС часто сопровождается расстройством интеллекта [Baio, et al., 2018], эпилепсией [Sanitano, 2006], тревожным расстройством, а также депрессией [White, et. al. 2009].

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых изучению этиологии расстройств аутистического спектра, причины проявления РАС, в особенности генетические причины, остаются не в полной мере изученными. Современные исследования рассматривают РАС как сложное заболевание, на

которое влияет ряд взаимосвязанных нарушений, обусловленных иммунно-воспалительными процессами, заболеваниями желудочно-кишечного тракта, а также воздействием факторов окружающей среды и эпигенетических факторов [Courchesne, et al., 2020; De Rubeis, et al., 2014; Gevezova, et al. 2020; Masini, et al., 2020; Rossignol, Frye, 2012]. Необходимо отметить, что на данный момент не определены диагностические маркеры РАС, а также нет чёткого понимания того, как именно развивается РАС. Поскольку биомаркеры РАС не идентифицированы, медицинские работники при диагностике расстройства полагаются на поведенческие критерии (см. Рис. 13).

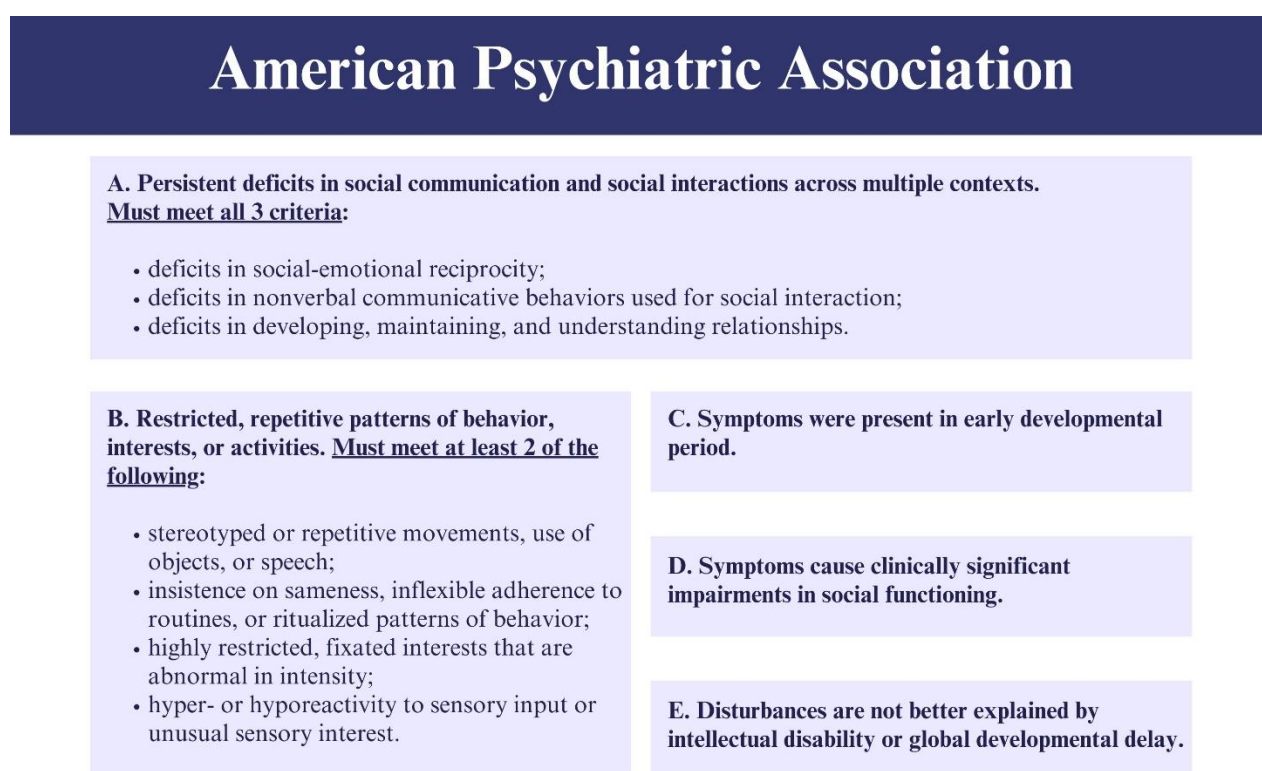


Рисунок 13. Критерии определения расстройств аутистического спектра в DSM-5 [American Psychiatric Association, 2013: 50-51]

Первые признаки РАС (отсутствие реакции на собственное имя [Jones, 2014: 18], задержка речевого развития [Arunachalam, Luyster, 2015: 3, 9], дефицит навыков совместного внимания [Siller, Sigman, 2008: 1692] и др.) могут быть обнаружены ещё в раннем детстве до 3 лет, однако многие дети не получают окончательного диагноза до тех пор, пока не достигнут более зрелого возраста. За последние десять лет наблюдается рост числа взрослых людей, у которых диагностируется РАС, что может быть объяснено

следующими причинами: повышение осведомлённости, расширение диагностических критериев, продолжающиеся исследования РАС, а также диагностирование РАС у женщин. Остановимся более подробно на последнем критерии.

Первоначально РАС считалось нарушением, встречающимся преимущественно у людей мужского пола, однако исследования и клинические наблюдения, проведённые с 2000 по 2023 гг., выявили его проявления у разных полов. Так, например, в 2017 г. был проведён систематический обзор и мета-анализ, согласно которому при РАС соотношение мужчин и женщин ближе к 3:1, в то время как общепринятое соотношение 4:1 не является корректным [Loomes, et al., 2017: 470]. Данное несоответствие указывает на то, что женщины, отвечающие критериям РАС, не получают клинический диагноз, а также необходимую поддержку. К ключевой причине, по которым исследование женского аутизма оставалось в стороне многие годы, относится специфическое проявление РАС у женщин, отличающееся от общепринятых представлений об аутизме.

Результаты исследований половых различий в фенотипических проявлениях у людей с РАС иллюстрируют противоречивые выводы. В ходе нескольких исследований было выявлено, что девочки с РАС реже сталкиваются с коммуникативными трудностями [Bölte, Duketis, Poustka, Holtmann, 2011], демонстрируют меньшее количество случаев ограниченного и повторяющегося поведения [Wijngaarden-Cremers, et al., 2014; Frazier, et al., 2014]. С другой стороны, ряд исследований показывает дефицит общения у девочек с РАС [Hartley, Sikora, 2009], более слабые когнитивные и языковые навыки [Carter, et al., 2007]. Такие взаимоисключающие результаты могут быть связаны с различиями в возрастных критериях, размере выборки (например, небольшой выборкой женщин), методологии и др.

Немаловажную роль при выявлении РАС у женщин (и менее часто у мужчин) играет такой процесс как «маскировка» (“camouflaging”) [Green, et al. 2019; Cremone, et al., 2023: 2]. Данный термин описывает механизм

преодоления, при котором люди с РАС сознательно или бессознательно маскируют свои симптомы [Cremone, et al., 2023: 2]. Маскировка предполагает имитацию социальных взаимодействий, сокрытие трудностей в социальной среде или разработку стратегий, позволяющих им не выделяться среди сверстников. Как дети, так и взрослые могут намеренно скрывать свои аутичные черты, чтобы соответствовать нормам нейротипичных людей. Анализ англоязычного интериоризованного дискурса, написанного авторами с РАС, показал, что наиболее часто маскировка подразумевает принуждение к установлению зрительного контакта с другими людьми, выражению эмоций, репетицию диалогов по определённым сценариям и т.д. Рассмотрим выделенные особенности более подробно.

“I’m trying so hard not to stare at the grass. I’m trying to meet his gaze, but it feels physically uncomfortable. I wasn’t prepared for this introduction and he’s very intimidating” [McNicolle, 2022: 36].

Приведённый пример демонстрирует сложность маскировки при РАС. Маскировка, в данном контексте, относится к преднамеренной попытке скрыть свои врождённые аутичные черты и управлять ими, чтобы соответствовать нейротипичным социальным нормам и ожиданиям. Героиня сознательно прилагает усилия для установления и поддержания зрительного контакта с собеседником. Девушка понимает, что в нейротипичном обществе принято поддерживать зрительный контакт во время коммуникации, и воспринимает это как стандартную форму вежливого взаимодействия, несмотря на испытываемой дискомфорт.

“I never know how to answer questions like that. Nonautistic people will ask you how you are constantly, but they usually mean it as a greeting. If I ever actually answer the question honestly, they get uncomfortable quickly.

“I’m fine,” I murmur” [McNicolle, 2022: 131].

Маскировка также используется людьми с РАС для того, чтобы ориентироваться в сложных правилах социального взаимодействия. В представленном примере суть маскировки заключается как в подавлении

своих естественных склонностей (в данном случае желание дать честный ответ), так и в принятии сценария, считающегося социально приемлемым. Решение девушки использовать клишированный ответ “*I’m fine*” направлен на минимизацию возможного дискомфорта; он также иллюстрирует необходимость постоянной адаптации людей с РАС к общепринятым правилам поведения в социуме.

“He doesn’t talk like other kids our age. Or any grownups I know, in fact. None of my rehearsed and prepared conversations match what he’s saying so I just pick up the key and walk away, toward what appears to be tennis courts at the other end of the secret garden” [McNicolle, 2022: 14-15].

Героиня пытается скрыть свои нейротипичные черты при знакомстве со сверстником. Девушка как обычно намеревается использовать один из заготовленных сценариев беседы, однако она не может подобрать соответствующий шаблон. Не будучи способной прибегнуть к маскировке: “*None of my rehearsed and prepared conversations match what he’s saying*”, девушка решает прервать разговор и уйти.

Постоянные попытки казаться нейротипичным могут привести к физическому и эмоциональному истощению, ощущению тревожности, стрессу [Cage, Troxell-Whitman, 2019]. В следующем примере героиня отмечает, что чувствует себя вымотанной и перевозбуждённой, что свидетельствует о состоянии сенсорной перегрузки, характерном для людей с РАС, а также после длительного использования маскировки.

“I’m completely burned out and overstimulated in the car journey home, so I just let my head rest against the tinted window and listen to Adrien as he rambles on about flying” [McNicolle, 2022: 65].

Девушка отстраняется от раздражающих сенсорных сигналов и от активного социального взаимодействия. Такое пассивное поведение позволяет ей справиться с перевозбуждением, не выходя полностью из социальной среды, а также восстановить затраченные ресурсы.

Встречаются также случаи, когда нейротипичные люди намеренно отказываются от маскировки в связи с чрезмерной психоэмоциональной нагрузкой и присутствием факторов, обостряющих сенсорную чувствительность индивида. В приведённом ниже примере несмотря на осознание девушкой того, что от неё ожидают участия в беседах и проявления интереса к разговорам со взрослыми, сочетание сенсорного раздражения и переживаемых негативных эмоций приводит к тому, что героиня сознательно не надевает «социальную маску».

“The evening lights of London are too bright for me after an absolutely rubbish day at school. I flick the tension out of my fingers and close my eyes. I am in no mood to put on a social mask and try to appear interested in all the boring things the grown-ups are going to say” [McNicolle, 2022: 11].

Как видно из описанных примеров, решение о маскировке зависит от психоэмоционального состояния индивидов, а также сенсорной нагрузки. Анализ материала показывает, что люди с РАС должны постоянно поддерживать хрупкий баланс между соблюдением социальных условностей при помощи маскировки и удовлетворением собственных сенсорных и эмоциональных потребностей.

Однако, как бы сильно ни хотели люди с РАС скрыть свои нейротипичные особенности, существует ряд проблем, которые неподвластны маскировке даже у индивидов с высокофункциональным аутизмом. Проблемы, о которых пойдёт речь, связаны с интерпретацией образного языка, например, идиом, метафоры, иронии, сарказма и т.д. Впервые данную особенность выявил австрийский педиатр и психолог Ганс Аспергер [Asperger, 1944: 127]. В своей работе «Аутистические психопаты в детском возрасте» он писал: “Ein bezeichnender Zug dieser Kinder ist auch ihre Humorlosigkeit. Sie “verstehen keinen Spass”, schon gar nicht, wenn er sich gegen sie selber richtet (das ist auch ein Grund mehr, warum sie so gehnselt werden- denn wer selbst mitlachen kann, brieht dem Spott die Spitze ab).” (Отличительной чертой этих детей является отсутствие чувства юмора. Они не понимают

шуток, которые направлены против них самих (это ещё одна причина, по которой их так дразнят - ведь тот, кто умеет смеяться сам, избегается от насмешек) (перевод наш – Н.Н.) [Asperger 1944: 127].

Процесс понимания образных языковых средств включает несколько когнитивных этапов. Первоначально слушатель (или читатель) может попытаться интерпретировать фразу буквально, однако, когда человек понимает, что буквальное толкование не имеет смысла в данном контексте, он (или она) ищет другое значение. Напротив, как показывают исследования, нейротипичные индивиды склонны к пониманию языка буквально [Happé, 1993, 1995], вследствие чего они сталкиваются с проблемами в понимании и объяснении идиом, метафор, шуток и сарказма [Kaland et al., 2002; Rundblad and Annaz, 2010b]. Некоторые учёные связывают буквальное прочтение образа с дефицитом Теории разума (“Theory of Mind (ToM) deficit” [Baron-Cohen, 2001; Caillies & Le Sourn-Bissaoui, 2008, 2013; Happé, 1993; Martin & McDonald, 2004]).

Теория разума трактуется как понимание своих собственных убеждений, намерений и эмоций, а также других людей [Baron-Cohen, 2001; Baron-Cohen, Leslie, Frith, 1985]. Данная когнитивная способность играет важную роль в эффективном социальном взаимодействии и коммуникации, поскольку она позволяет индивиду осознавать, что у других людей есть свои мысли, чувства, которые могут отличаться от его / её собственных; а также понимать и прогнозировать поведение других людей. Учёные, поддерживающие идею о том, что дефицит теории разума влияет на буквальную интерпретацию образного языка, опираются на результаты исследований, согласно которым дети с аутизмом лучше понимают идиомы и метафоры, если они хорошо справляются с заданиями на обоснование ложных убеждений [Caillies & Le SournBissaoui, 2008, 2013; Martin & McDonald, 2004]. Напротив, ряд других исследований не смогли подтвердить найденную взаимосвязь [Norbury, 2004, 2005]. Например, Кортни Норбери обнаружила, что дети с РАС при отсутствии структурных языковых нарушений, могли корректно интерпретировать

значение идиом, учитывая контекст [Norbury, 2004: 1188]. Ещё одно исследование, проведённое учёными из Университета штата Пенсильвания, выявило, что “syntactic knowledge and TOM abilities contribute to figurative language comprehension in ASD” (знание синтаксиса и владение Теорией разума способствуют пониманию образной речи при РАС (перевод наш – Н.Н.)) [Whyte, et al., 2014: 126]. Элизабет Уайт (E. Whyte) и её коллеги отмечают, что дети с аутизмом могут сталкиваться с трудностями в понимании идиом по сравнению с нейротипичными детьми того же возраста, однако данная проблема не так выражена, если сравнивать их с детьми с аналогичными синтаксическими навыками [Whyte, et al., 2014: 127]. Результаты другого исследования (Pouscoulous, 2014) также подтверждают важность синтаксических навыков, являющихся одним из наиболее важных факторов, определяющих успех, в понимании метафор у нейротипичных людей [Pouscoulous, 2014: 250]. Таким образом, анализ теоретического материала позволяет утверждать, что к факторам, влияющим на понимание образных фигур речи у детей и взрослых с РАС, относятся невербальный интеллект, уровень развития речевых навыков, возраст, а также разновидность фигур речи и их типы. Рассмотрим некоторые семантико-прагматические проблемы, описанные в интериоризованном дискурсе, с которыми сталкиваются героини с расстройствами аутистического спектра.

Следующий пример описывает ситуацию, в которой героиня с расстройством аутистического спектра признаёт, что не поняла шутку, прозвучавшую в речи выступающего на собрании спикера. Девушка осознаёт, что для корректной интерпретации шутки необходимо особое «скрытое знание» (“hidden knowledge” [Flamson & Barrett, 2008: 264]), которым она не обладает.

“I know some of you have had long nights in the design process with me and will be tired of my spiel, but stick with me one more time, I’ll cut down my gushing about how incredible you all are.”

People laugh and I think I'm missing an inside joke. But then, I often feel like that" [McNicolle, 2022: 94].

Высказывание "*But then, I often feel like that*", с одной стороны, отражает испытываемое социальное отчуждение и чувство несоответствия нормам, с другой стороны, иллюстрирует обыденность подобных ситуаций для героини. Девушка привыкла к ощущению изолированности и решает не концентрироваться на возникшем дискомфорте.

Следующий пример позволяет более глубоко погрузиться во внутренний мир героини за счёт «высокой степени интериоризации» [Погребняк, 2012: 23]. В отрывке отражены переживания и мысли девушки, которые связаны с социальным взаимодействием и повседневной сенсорной перегрузкой, частотно встречающейся у индивидов с расстройствами аутистического спектра.

"For possibly the first time in three decades, I'm not weighed down by trying to read someone's colors and their facial expression and their body language and their tone and their words and also look out for jokes and sarcasm and flirting and secret insults and what is implied and what is left unspoken and somehow simultaneously filter out the chatter around me and the milk frother and the sensation of the chair under my bum and the movement of my fingers and position of my own feet and the breeze on my face and the sound of the doorbell ringing and the sound of my own heart and breath and the muscles in my own face. For just a few seconds of my life I get to just be present, and it is joyful" [Smale, 2023: 76].

Главная героиня впервые за долгое время может позволить себе расслабиться и не концентрироваться на вербальной и невербальной составляющих коммуникации, необходимых для эффективного взаимодействия, а также не принимать во внимание сенсорные раздражители, постоянно окружающие её (*"the chatter, the milk frother, the sensation of the chair, the breeze on my face, the sound of the doorbell ringing, the sound of my own heart and breath*). Упоминание о том, что девушке не нужно прилагать усилия для идентификации шуток, сарказма, флирта демонстрирует, что данные

средства коммуникации представляют ещё одну трудность в социальной коммуникации. Кассандра отмечает, что чувствует радость, испытываемую в единичные моменты освобождения от этих требований: *“For just a few seconds of my life I get to just be present, and it is joyful.”*

Автор использует ряд стилистических приёмов для развития эмпатии и сопереживания у читателей. Перечисление, детализация действий и ощущений, которые нейротипичным людям кажутся обыденными, в сочетании с полисиндетоном даёт возможность понять, как индивиды с РАС воспринимают окружающий мир, а также иллюстрирует, какие усилия затрачиваются ими для когнитивной и эмоциональной обработки информации.

В интериоризованном дискурсе встречаются также примеры, когда у героев с РАС не было намерения пошутить, однако высказывания воспринимаются нейротипичными людьми как комичные. Следующий пример иллюстрирует коммуникативную ситуацию, в которой ответ Харриет, главной героини с РАС, неверно интерпретируется её новой знакомой.

“Do I know you from somewhere? We played volleyball last year, right? Or were you at Meg’s party in February, dancing on a table?”

Volleyball. Party. Dancing on a table.

‘That doesn’t sound like me,’ I say doubtfully. ‘If I’d been there I’d have definitely been under it.’

She laughs, even though I wasn’t actually joking” [Smale, 2015a: 90].

Реакция главной героини прямо указывает на то, что девушка чувствовала бы себя некомфортно в непривычной для неё обстановке, поэтому она описывает типичный для неё сценарий поведения на вечеринке – она бы пряталась под столом (*“If I’d been there I’d have definitely been under it.”*). Такой ответ кажется собеседнице неожиданным и забавным, поэтому она смеётся. Напротив, Харриет не находит ничего смешного в своём поведении, о чём свидетельствует комментарий: *“I wasn’t actually joking.”*

Интересно отметить, что в ходе анализа интериоризованного критического дискурса были найдены примеры, в которых героини с расстройствами аутистического спектра насмеваются и иронизируют над собой. Самоуничижительный юмор, его виды и особенности в интериоризованном критическом дискурсе у героев с РАС будут рассмотрены и описаны в одном из следующих параграфов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что у людей с расстройствами аутистического спектра может не возникать сложностей с конструированием грамматически верных предложений, может не наблюдаться недостаток словарного запаса или какие-либо артикуляционные трудности, однако зачастую они сталкиваются с проблемами в области прагматики [Eigsti & Schuh, 2017; Eigsti, et al., 2011]. Даже для представителей с высокофункциональным аутизмом, свободно владеющих языковыми навыками, приобретение прагматических навыков остаётся сложной задачей. Однако, учитывая разнообразие проявлений аутизма и индивидуальные особенности людей, не следует исключать возможность того, что существуют люди с РАС, у которых прагматические трудности минимизированы или вовсе не наблюдаются.

3.2. Особенности феномена самокритики в интериоризованном критическом дискурсе, написанном авторами с РАС

Интериоризованный критический дискурс не только освещает черты характера, поступки, мысли, подвергающиеся самокритике у индивидов с РАС, но и предстаёт своеобразным отражением постоянной внутренней борьбы с собственными недостатками. Перед тем как перейти к описанию специфики самокритики у людей с РАС необходимо отметить, что существенное влияние на поведение человека оказывает социальная и физическая среда [Germain & Bloom, 1999]. В ходе межличностной коммуникации и посредством взаимодействия с окружающей средой формируются, подвергаются влиянию и трансформируются поведение

человека и его / её представление о себе [Wehmeyer & Shogren, 2008]. Кроме того, в процессах, связанных с самокритикой, одну из ключевых ролей играет самосознание.

Под термином «самосознание» (англ. “self-awareness”) понимается осознание собственных психоэмоциональных состояний, а также так называемых «публичных» аспектов себя (“public self-aspects” [Morin, 2004: 198]), например, поведение или внешность [Morin, 2004: 198]. Ален Морин (Morin, 2006) в своём исследовании выделил четыре уровня самосознания: “unconsciousness, consciousness, self-awareness and meta-selfawareness” [Morin, 2006: 368]. На основании классификации А. Морина, а также интегрировав различные теоретические точки зрения, Метте Элмос Андерсен, сформировала собственную концепцию самосознания у людей с РАС [Andersen, 2016]. Исследователь из датского университета утверждает, что уровни самосознания у людей с РАС варьируют в зависимости от различных факторов (например, восприятия, вида и сложности информации), влияя на то, как индивид воспринимает и обрабатывает информацию, планирует и контролирует свои действия [Andersen, 2016: 109-110, 113]. Кроме того, М. Э. Андерсен отмечает, что различия в самосознании проявляются на всех уровнях кроме бессознательного [Andersen, 2016: 113-114]. На основании вышеизложенного можно утверждать, что в связи с разнообразными проявлениями расстройства аутистического спектра нейротипичное самосознание отличается не только от нейротипичного, но и является уникальным для каждого человека с РАС. Следовательно, правомерно будет предположить, что тип самокритики, её тематика, лингво-прагматические особенности могут варьировать в зависимости от тяжести проявления РАС, индивидуальных особенностей, а также трудностей с которыми сталкивались авторы в своей жизни.

Материалом для данной части исследования послужили художественные произведения XXI в. британских писательниц, Холли Смейл (Holly Smale) и Элли Макниколл (Elle McNicoll), у которых было

диагностировано расстройство аутистического спектра. Материал исследования был отобран в соответствии со следующими критериями:

- 1) авторы произведений были рождены в Соединённом Королевстве Великобритании и продолжают свою творческую деятельность на территории Великобритании;
- 2) у авторов произведений должно быть диагностировано расстройство аутистического спектра;
- 3) произведения написаны в XXI веке;
- 4) повествование ведётся от первого лица;
- 5) прототипами персонажей послужили сами авторы;
- 6) главные героини – нейроатипичные индивиды.

Первичный анализ произведений показал, что по сравнению с романами Элли Макниколл работы Холли Смейл характеризуются широким распространением интериоризованного критического дискурса. Выявленная особенность в первую очередь может быть связана с отличающейся целью сторителлинга. Как отмечает Э. Макниколл, основная цель её творчества показать, что расстройство аутистического спектра не является бременем или проклятием, напротив, это альтернативное отражение состояния человека:

“I wanted to write an autistic heroine who had agency. A drive. A strong moral compass. An enormous heart. Because that is my experience. I’m tired of books about autistic characters that don’t centre autistic people. Where they are made to seem like burdens. Where they are told that their families love them, just not their autism. That they need to be cured or fixed. I’m tired of those narratives.

So, I wrote the opposite. My book shows autism for what it truly is. A neurological difference that affects everyone in specific ways. Not a superpower, not a curse. Just an alternative reflection of the human condition” [National Autistic Society, Stories from the Spectrum: URL].

В отличие от Э. Макниколл, которая ещё в детстве узнала о своём диагнозе, у Х. Смейл аутизм был диагностирован в 39 лет. Автор всегда понимала, что отличалась от своих сверстников, но в связи с отсутствием

своевременной диагностики причина её «нетипичности» оставалась для неё загадкой. Вследствие чего в произведениях Х. Смейл отражены темы изоляции, непонимания себя и окружающих, борьба за самопринятие, перекликающиеся с её личным опытом. Сама автор отмечает, что она стала прототипом своих главных героинь и произведения отражают её жизненный путь:

“I’ve used myself for characters before, but I was always tapping into a much younger version of myself. That meant there was a distance – a massive gap – which felt like protection and objectivity. With Cassie, that distance was removed. I had just been diagnosed as autistic, and I knew I wanted to write an autistic adult character. I also knew that to do that with integrity, I had to be as honest as possible. So I put myself on the page <...>” [The Penguin Post, 2023: 13].

“<...> my writing has always been about being honest, and exploring the parts of ourselves that we feel ashamed of and try to hide.

From the beginning, it has always been a conscious dive into the differences between us all, even when I didn’t know quite what that ‘difference’ was or have a ‘label’ for it” [The Unwritten, 2023: URL].

Заслуживает внимание тот факт, что для Х. Смейл её работы были своеобразной лакмусовой бумагой, благодаря которым она смогла узнать истинную причину трудностей в коммуникации, проблем с выстраиванием межличностных отношений. Следовательно, частотное использование интериоризованного критического дискурса в романах Х. Смейл демонстрирует личную склонность к саморефлексии, заниженную самооценку, неуверенность в себе, часто выражаемую во внутренних монологах главных героинь.

В приведённом отрывке отражены интенсивные внутренние переживания и негативная саморефлексия в форме потока сознания, который иллюстрирует хаотичные и фрагментарные мысли главной героини:

“<...> and fireworks are exploding behind my eyelids and I’m unlikeable and relentlessly grating and unemployed again and a siren goes off and a shop

alarm shoots through my head and Will doesn't love me, couldn't love me, maybe there's nothing to love and there are no fucking banana muffins anywhere.

Openly sobbing now, I take the only option I have left. I find the nearest empty doorway, crouch in a small ball on the ground with my arms wrapped tightly around my head.

(“Cassandra must stop reacting to stress like a hedgehog.”)

And I wait for everything to go black.

It's odd behavior, I know.

People have been telling me how weird I am since I was a small child, with varying degrees of anger and irritation. <...>” [Smale, 2023: 21-23].

Самокритика героини сосредоточена на следующих аспектах: социальная привлекательность, отсутствие работы, взаимоотношения, «странное» поведение, нетипичная реакция на стрессовые ситуации. О критическом отношении к себе свидетельствует использование отрицательно-оценочных прилагательных *“unlikeable”* (*“not pleasant or easy to like”* [Cambridge Dictionary Online: URL]), *“relentlessly”* (*in an extreme way that continues without stopping* [Cambridge Dictionary Online: URL]), *“grating”* (*“unpleasant and annoying”* [Cambridge Dictionary Online: URL]), *“unemployed”*, *“odd”*. Мнение героини о том, что она неприятна окружающим и постоянно раздражает других людей, демонстрирует глубоко укоренившуюся неуверенность в своей социальной привлекательности. Шквал негативных мыслей чередуется с сенсорными перегрузками, такими как звуки фейерверков, сирены и сигнализации (*“and fireworks are exploding, and a siren goes off and a shop alarm shoots through my head”*); полисиндетон используется для придания повествованию ритмичности и для создания ощущения подавленности. Конвергенция негативных суждений и полисиндетона создаёт у читателя образ ловушки, в которой находится главная героиня.

Приём нарастания – *“and Will doesn’t love me, couldn’t love me, maybe there’s nothing to love”* – иллюстрирует усиление самокритики и усугубление чувства бессилия. Завершает последовательное перечисление антиклимакс *“and there are no fucking banana muffins anywhere”*. Отсутствие привычной сладости является последней каплей, которая приводит к потере самообладания. Для многих нейротипичных людей рутинные действия и предсказуемость обеспечивают чувство безопасности и контроля над окружающей средой. Отклонение от повторяющихся привычных действий, как, например, отсутствие банановых маффинов в кафе, является дополнительным фактором стресса, оказывающим глубокое воздействие на эмоциональное состояние, и приводит к повышению тревожности. Обращает на себя внимание использование графического выделения *“and there are no fucking banana muffins anywhere”*, акцентирующего внимание на важности данного факта для девушки.

В анализируемом примере негативной оценке также подвергается эмоциональная реакция героини на стресс. Кассандра соглашается с критикой со стороны, направленной на её способность справляться со стрессовыми ситуациями социально неприемлемыми способами. Кроме того, признание героиней своего странного поведения усиливает самокритику, указывая на длительный внутренний и внешний конфликт, связанный с принятием и уважением себя. Самокритика в вышеприведённом отрывке носит деструктивный характер, поскольку в ней отсутствуют какие-либо конструктивные элементы, которые могли бы привести к решению проблем. Вместо этого самобичевание усугубляет страдания девушки и приводит к эмоциональной перегрузке.

В следующем примере самокритике подвергается неспособность девушки эффективно выстраивать коммуникацию и управлять своим телом в стрессовой ситуации. Кассандра сравнивает себя с существом с телом человека и головой быка из греческой мифологии, поскольку она, так же как и Минотавр, испытывает изолированность, отчуждённость. Кроме того,

сравнение с Минотавром символизирует предвзятое отношение к героине из-за её психических особенностей, неприятие её индивидуальности окружающими людьми.

“But I can’t do it. My lips are stuck together, my tongue is limp; the muscles in my throat click uselessly, like an engine trying to start. I feel like the Minotaur: part human, with the head of an animal that cannot speak, desperately trying to communicate.

Horried, I stare at Will with circular bull eyes.

<...>

My limbs are in the wrong order: I am a plastic Halloween skeleton, put together by a small child. I try to rearrange – an elbow, an ankle, a femur, a coccyx – but now my fingers are twitching, one at a time, as if I’m playing invisible scales on the world’s tiniest piano. Sure sure sure, all I need to say is sure sure sure, but the word sure no longer exists, it’s a made-up word, and I’ve ruined it, I’ve ruined everything again, why can’t I get anything –” [Smale, 2023: 69-71].

Будучи не в силах справиться со стрессом и ответить на вопрос мужчины, героиня теряет контроль над собой. Метафорическое квазитождество (*“I am a plastic Halloween skeleton, put together by a small child”*) и сравнение (*“as if I’m playing invisible scales on the world’s tiniest piano”*) наглядно демонстрируют, что Кассандра не может управлять своим телом, вследствие чего испытывает беспомощность, разочарование и повышенную тревожность.

В приведённом примере представлена эхолалия, при помощи которой автор создаёт эффект механического запоминания верного ответа на вопрос. В психологии под термином «эхолалия» понимается «бессознательное, автоматическое, компульсивное повторение человеком слов или фраз, сказанных другими людьми» [Немов Психологический словарь, 2007: 499]. Эхолалия чаще всего встречается у людей с расстройством аутистического спектра и ранее рассматривалась исключительно как патология; напротив, современные исследования указывают на то, что автоматическое повторение

услышанного является одним из ключевых этапов овладения речью [Хие, Pascual, Oakley, 2023: 13; Швецова, 2011: 140]. Использование простого лексического повтора создаёт впечатление механического заучивания слова и своеобразной «репетиции» заготовленного ответа. Однако в связи с эмоциональной перегрузкой девушка не может вступить в коммуникацию с собеседником. Далее можно наблюдать обострение внутреннего конфликта, о чём свидетельствует используемый приём нарастания: *“I’ve ruined it, I’ve ruined everything again...”*. Девушка обвиняет себя в том, что испортила встречу.

В следующем отрывке главная героиня внезапно приходит к пониманию того, что трудности и препятствия, с которыми она сталкивается ежедневно, являются результатом её собственных действий и принятых решений: *“<...> it is me. I am no longer able to pretend that I am not the problem here.”* Автор графически выделяет слово *“me”* и фразу *“my chains”* для акцентирования внимания читателей на том, что Кассандра осознает свою вину и принимает на себя ответственность за совершённые ошибки. В анализируемом примере обращает на себя внимание многократное повторение местоимений первого лица (*“I”, “me”, “my”*), что интимизирует повествование и погружает читателя во внутренний мир героя.

“<...>

And one thing is becoming abundantly clear: it is me. I am no longer able to pretend that I am not the problem here. I cannot delude myself into thinking that I am the victim, the undeserving casualty of bad romantic luck, the poor princess tied to a rock in chains against her will.

I am making the rock, over and over again; they are my chains.

Thanks to my new gift, I am literally watching myself repel my future boyfriend away from me over and over again, and it’s making me wonder just how many people I’ve done this to in my life already, without even realizing it. How many people have I repelled with the wrong word in the wrong tone at the wrong time, with a hostile or blank facial expression, an inability to make eye contact?

How many people were supposed to be in my life before I accidentally sent them spiraling away?

And it's this realization – that it's my problem, and therefore one that I can solve – that snaps me out of it [Smale, 2023: 71-72].

Метафоры *“the poor princess tied to a rock in chains against her will”, “I am making the rock, over and over again; they are my chains”* передают ощущение того, что девушка попала в замкнутый круг собственных ошибок. Они также иллюстрируют изменения в самосознании героини – переход от роли пассивной жертвы обстоятельств (*“I am the victim”*) к активным размышлениям (*“How many people have I repelled with the wrong word in the wrong tone at the wrong time, with a hostile or blank facial expression, an inability to make eye contact? How many people were supposed to be in my life before I accidentally sent them spiraling away?”*). В отрывке также подчёркивается недостаток социальных навыков – использование неверно подобранного слова в неподходящем тоне в неподходящее время с враждебным или пустым выражением лица, при отсутствии зрительного контакта, который часто является серьёзной проблемой, влияющей на восприятие индивида другими людьми и их взаимоотношения. Анафорические повторы, лексические повторы в сочетании с риторическими вопросами не только свидетельствуют об интенсивной негативной саморефлексии, но и отражают стремление героини к социальному взаимодействию, несмотря на то, что она сталкивается со значительными трудностями.

Данный пример интересен также тем, что демонстрирует способность героини с РАС распознавать совершённые ошибки: *“And it's this realization – that it's my problem”*. Как отмечают психологи, люди с РАС могут неверно интерпретировать негативную оценку окружающих или воспринимать её как позитивную [Huang et al., 2017: 3], что в свою очередь может неосознанно влиять на мотивацию [Dritschel et al., 2010: 517]. В связи с искажённым представлением о самом / самой себе, индивид с РАС может не видеть необходимости в корректировке собственного поведения, а также не

понимать, почему те или иные изменения могут положительно влиять на его / её жизнь. В анализируемом отрывке девушка не только приходит к пониманию того, что причины неудач в межличностном общении кроются в совершённых ею действиях, но и осознаёт необходимость решения проблем: *“And it’s this realization – that it’s my problem, and therefore one that I can solve”*, что является ключевым моментом для личностного роста и развития.

В следующем примере самокритика главной героини, Кора, возникает из-за трудностей, возникающих при взаимодействии с другими людьми:

“Now I’m the one who feels a bit awkward. I don’t like social situations, I’m not naturally great at them. It often feels like everyone else has been running lines for weeks before I arrived and we’re about to be pushed out onstage. I stumble and try my best, while everyone else stares at me like I’m letting them all down.

I’ve tried for years to perfect my social interactions and predict how people will respond and behave. I’ve gotten better at it, I don’t go wrong that often anymore” [McNicoll, 2021: 32-33].

Кора убеждена, что не может естественно и свободно справляться с социальными ситуациями, о чём свидетельствует развёрнутое сравнение: *“It often feels like everyone else has been running lines for weeks before I arrived and we’re about to be pushed out onstage. I stumble and try my best, while everyone else stares at me like I’m letting them all down.”*, отождествляющее коммуникацию с игрой в театре. Девушка воспринимает окружающих людей как более подготовленных и компетентных, в то время как она отстаёт и не готова к выступлению. Психологи утверждают, что такое восприятие свойственно для подростков с РАС, поскольку они склонны переоценивать социальную компетентность других людей из-за осознания ограниченности собственных социальных навыков, а также в связи с дефицитом теории сознания [Dritschel et al., 2010: 517]. Фраза *“I stumble and try my best”* даёт право предположить, что Кора испытывает постоянное осуждение и давление со стороны окружающих, что в свою очередь влияет на её представление о себе, а также

ведёт к возникновению излишнего волнения и дискомфорта в процессе коммуникации.

Как и в предыдущем примере, главная героиня осознаёт свои слабые стороны и стремится к самосовершенствованию: *“I’ve tried for years to perfect my social interactions and predict how people will respond and behave.”* Попытка «усовершенствовать» и «предсказать» ход коммуникации подчёркивает стремление к структурированности и предсказуемости, которое часто выражено у нейротипичных людей. Заключительное предложение демонстрирует значительный прогресс, однако несмотря на это девушка по-прежнему недовольна результатом. С одной стороны, выражение *“I don’t go wrong that often anymore”* подразумевает улучшение социальных навыков, однако, с другой стороны, оно также свидетельствует о перфекционизме.

В области когнитивных исследований и психиатрии было выявлено, что лица, страдающие расстройствами аутистического спектра (РАС), могут испытывать гиперфокусировку (“hyperfocus”) [Dupuis et al., 2022]. Под термином «гиперфокусировка» понимается интенсивная концентрация на определённой задаче или теме, что часто негативно сказывается на других сферах деятельности индивида [Dupuis et al., 2022; Geurts et al., 2009; Ozel-Kizil et al., 2016]. Такое состояние может способствовать как значительным достижениям, так и возникновению социальных и когнитивных проблем. В анализируемом фрагменте девушка столкнулась с тем, что её настойчивость и желание достичь определённого стандарта стали причиной чрезмерной самокритичности и привели к повышению уровня тревожности.

В следующем примере главная героиня демонстрирует высокий уровень самосознания: она осведомлена как о слабых, так и сильных своих сторонах. Приложив максимум усилий для написания заявки, девушка не смогла стать одним из авторов газеты. Героиня заявляет, что понимает важность рационального мышления: *“I can’t base facts on feelings, I know”*, тем не менее она не может освободиться от диссонанса, возникшего при попытке логически обосновать внутреннее чувство несправедливости.

“I feel so stupid. I can’t base facts on feelings, I know, but I can just feel that this isn’t right. I didn’t feel entitled to win at Sports Day. I know how rubbish I am at throwing and catching. I didn’t feel I deserved a medal just for showing up and trying. They tried to give me one once, for coming in last in the two-hundred-meter sprint, and I refused to take it. I didn’t demand to know why I wasn’t let into the school choir. I know my singing voice is horrendous.

I accepted all those because I knew I wasn’t good enough. But I know I’m good enough for this. I know I am” [McNicoll, 2021: 27].

В представленном фрагменте девушка критикует свои способности в различных видах деятельности, используя отрицательно-оценочные лексемы “*rubbish*” – “*inf. something that you think is very low quality or not true”* [Cambridge Dictionary Online: URL], “*horrendous*” – “*extremely unpleasant or bad”* [Cambridge Dictionary Online: URL]. Параллельные конструкции в сочетании с анафорическим повтором “*I know*” интенсифицируют негативную оценку, а также свидетельствует о самокритике, выходящей за рамки простого самоуничижения.

Несмотря на то, что героиня смирилась с прошлыми неудачами, она не может принять ещё одно поражение, поскольку не понимает объективных причин отказа: “<...> *I knew I wasn’t good enough. But I know I’m good enough for this. I know I am.*”. Антитегическое противопоставление подчёркивает уверенность Кору в своих умениях. Графическое выделение глагола “*know*” акцентирует внимание читателя на том, что героиня несправедливо получила отказ. Такой выбор стилистических средств играет решающую роль в эмоциональном и интеллектуальном вовлечении читателя, поскольку погружает его во внутреннюю борьбу главной героини, подчёркивает глубину и драматизм повествования.

Анализ фактического материала показал, что негативной оценке прежде всего подвергается неспособность выстраивать коммуникацию и межличностные взаимоотношения, несоответствие внешним ожиданиям,

неверно выбранный стиль общения, чрезмерная эмоциональность и др. (см. Рис. 14).



Рисунок 14. Объекты самокритики

Таким образом, всепроникающее чувство «странности», испытываемое многими людьми с РАС, пронизывает романы Х. Смейл и Э. Макниколл. Чувство «нетипичности», коренящееся в ощутимых различиях в восприятии и обработке информации, коммуникации и выражении эмоций, часто усугубляется социальной стигматизацией и отсутствием понимания и принятия со стороны нейротипичных родственников и знакомых. Самокритика героинь, направленная на несоответствия нейротипичным социальным нормам, в интериоризованном критическом дискурсе демонстрирует их экзистенциальную и эмоциональную внутреннюю борьбу с самими собой.

3.3. Самоуничижительный юмор у героев с расстройством аутистического спектра

Исследование самоуничижительного юмора, а также лингвистических средств, при помощи которых происходит его вербализация людьми с РАС представляет особый интерес, поскольку, как уже было отмечено ранее, нейротипичные люди сталкиваются с проблемой применения прагматических навыков, в частности они испытывают затруднения в распознавании и интерпретации иронии, сарказма, шуток и т.д. [Kaland, et al., 2002; Rundblad & Annaz, 2010b; -Vicente A., et al., 2023].

Немаловажным фактором, обуславливающим актуальность исследования самоуничижительного юмора, является то, что данный феномен рассматривается в рамках британской лингвокультуры. Как отмечает антрополог К. Фокс, использование различных форм юмора (подшучивание, поддразнивание, ирония, недосказанность, юмористическое самоуничижение, насмешка) является неотъемлемой частью повседневной жизни англичан [Fox, 2005: 61-62].

Юмор является важным аспектом в жизни человека, отражающим национальную специфику сознания. Вне зависимости от принадлежности к той или иной культуре, юмор обладает адаптивными функциями, и, как было показано в многочисленных исследованиях, оказывает значительное влияние на межличностные отношения, а также на эмоциональное состояние человека [Martin, 2007; Samson, 2013]. Психологи также отмечают, что юмор может служить причиной возникновения как положительных, так и негативных эмоций.

В начале XXI в. канадский психолог Р. Мартин и его коллеги, видя необходимость в разграничении между адаптивными и разрушительными формами юмора, разработали классификацию разновидностей юмора [Martin R. et al., 2003]. Первым критерием, положенным в основу классификации, стала направленность юмора; вторым критерием – характер юмора (см. Рис.

15) [Martin R. et al., 2003: 52]. Рассмотрим более подробно типологию юмора, адресатом которого является сам говорящий.



Рисунок 15. Классификация разновидностей юмора Р. Мартина и др.

Согласно концепции Р. Мартина и его соавторов, самоутверждающий юмор (“self-enhancing humour”) используется как защитный механизм [цит. Martin R., 2003: 51 (Freud, 1928)] и помогает преодолеть стресс и снять напряжение [Martin R., 2003: 51-52]. Саморазрушительный юмор (“self-defeating humour”) в отличие от самоутверждающего рассматривается исследователями как потенциально вредный для индивида, поскольку, используя свои недостатки в качестве мишени для шуток, человек подавляет свои эмоции, что в свою очередь может негативно повлиять на его эмоциональное состояние.

Австралийские учёные, М. Р. Роулингс и Б. М. Финдли, изучая самоуничижительный юмор, предложили разграничивать саморазрушительный юмор (“self-defeating humour”) и самоуничижительный юмор (“self-deprecating humour”), поскольку последний положительно сказывается на эмоциональном состоянии говорящего, а также свидетельствует о более высокой самооценке [Rawlings & Findlay, 2013]. На первый взгляд высказанное предположение может показаться

противоречивым, поскольку акцентирование внимания на собственных недостатках (даже в шуточной форме) может подорвать самооценку, однако более современные исследования подтверждают концепцию М. Р. Роулингс и Б. М. Финдли о том, что индивиды, прибегающие к использованию самоуничижительного юмора, будут иметь более высокую самооценку, чем те, которые обращаются к саморазрушительному юмору: “the target categorised as using self-deprecating humour would be rated as having a higher self-esteem than those categorised as using self-defeating humour” [Brown, Findlay, Brinker, 2019: 133]. Из вышесказанного следует, что, используя самоуничижительный юмор в интерперсональной коммуникации, человек демонстрирует способность смеяться над собственными недостатками или проблемами и не стремится нанести себе никакого вреда.

Несмотря на то что классификация и опросник стилей юмора Р. Мартина (“The Humor Styles Questionnaire”) широко применяются в различных исследованиях, описанная типология не применима в рамках настоящего исследования, поскольку все стили юмора в той или иной степени предполагают межличностную коммуникацию и непосредственно обратную реакцию собеседников. Изучение юмора в интериоризованном критическом дискурсе ограничивается анализом смоделированной внутренней речи, которая исключает какую-либо реакцию собеседника. Кроме того, исследователи при разграничении стилей юмора не учитывают их функции в интраперсональной коммуникации, которые в первую очередь связаны не с социальным взаимодействием, а с когнитивными и психологическими процессами, направленными на саморефлексию. В связи с этим, предлагается использовать понятие *«самоуничижительный юмор»* (в англ. *“self-deprecating”*), совмещающее самоутверждающий и саморазрушительный юмор в классификации Р. Мартина, а также самоуничижительный юмор (термин, использующийся в исследованиях М. Р. Роулингс и Б. М. Финдли). Таким образом, самоуничижительный юмор в настоящем исследовании

предполагает не только высмеивание собственных недостатков, но и саморегуляцию и самокоррекцию.

Во избежание смешения терминов, следует отметить, что «юмор» в исследовании используется не как разновидность комического, находящаяся на положительном полюсе в классификациях комического, но в широком значении [Ножевникова, 2015: 23]. Правомерным будет утверждать, что самоуничижительный юмор представляет собой сложное и многогранное явление, охватывающее различные формы юмора (например, самоиронию, сарказм и т.д.). Выявление особенностей, отличающих ту или иную форму юмора, а также их разграничение не является задачей настоящего исследования, поэтому перейдём к рассмотрению языковых средств, лежащих в основе самоуничижительного юмора, выявленных на материале эмпирической базы настоящей работы.

Конструирование юмора, в частности самоуничижительного юмора, может происходить на всех языковых уровнях. Как утверждает А. Б. Бушев, «юмор имплицитно присущ отдельным языковым стратам», юмор может проявляться в различных аспектах языка, включая фразеологию, паремиологию и коллоквиализмы [Бушев, 2011: 218]. М. Р. Желтухина также отмечает, что языковые средства для достижения юмористического эффекта могут быть рассмотрены на различных языковых уровнях: метафора и метонимия являются вербальными средствами создания всех видов комического; антифразис, контраст и иносказание применяются для выражения иронии; деформация, гиперболизация, гротеск – для сатиры; перифраз, инверсия – для сарказма [цит. по Саркисян, 2014: 30 (Желтухина, 2003: 33)].

На сегодняшний момент существует значительное количество классификаций средств, используемых для создания юмористических высказываний и текстов. Б. Дземидок в своей работе «О комическом» пишет, что основная функция художественных средств и приёмов комического заключается в создании явлений, «отклоняющихся от нормы» [Дземидок,

1974: 66]. Подобные отклонения от нормы воспринимаются как комические, поскольку они неожиданны, часто абсурдны. Учёный выделяет следующие группы приёмов комического: «видоизменение и деформация явлений» [Дземидок, 1974: 66]; «неожиданные эффекты и поразительные сопоставления» [Дземидок, 1974: 72]; «несоразмерность в отношениях и связях между явлениями» [Дземидок, 1974: 76]; «мнимое объединение абсолютно разнородных явлений» [Дземидок, 1974: 76]; «создание явлений, которые по существу или по видимости отклоняются от логической или праксеологической нормы» [Дземидок, 1974: 84]. Предложенная классификация охватывает различные аспекты создания комического эффекта в художественном, театральном искусстве, кинематографе, литературе, однако она недостаточно детализирована для лингвистического анализа.

Для анализа самоуничижительного юмора в художественной литературе, написанной нейроатипичными авторами, более подходящей является классификация А. Б. Бушева, поскольку она позволяет учитывать как языковые особенности текста, так и экстралингвистические источники комического. Отечественный исследователь предлагает следующую классификацию: «комическое, имплицитно содержащееся в языковых единицах, языковых явлениях и т.д.; комическое, связанное с речевыми механизмами; комическое, вызванное расхождением плана выражения и плана содержания – «семасиологическое комическое»; комическое, связанное с жанровой природой; комическое, имеющее источником экстралингвистическую реальность» [Бушев, 2011: 217]. Рассмотрим, как выделенные виды комического вербализуются в интериоризованном критическом дискурсе, написанном авторами с РАС.

В следующем примере главная героиня пытается вступить в диалог и ответить на заданный вопрос, однако она запинается и не может выразить свои мысли, что приводит к самокритике в ироничной форме:

“Early Egyptians believed that the heart could literally move around inside the body. I think they had a point: mine feels like it’s lodged in my windpipe somewhere.

I blink in silence, and then realise that it’s my turn to talk. I’m still looking at Nick in the blank-yet-fascinated way that Hugo stares at the television.

*‘H-h-hey,’ I finally stammer, unable to breathe. ‘It’s g-going ... erm ...’ **Nice one, Harriet. That’s fifteen years of studying a dictionary, totally wasted**” [Smale, 2013b: 99].*

Прежде всего обращает на себя внимание включение в повествование информации о древних египтянах, которые верили, что сердце могло перемещаться по всему телу. Согласие с заведомо абсурдным верованием, не имеющим никакого научного подтверждения, а также детализированное описание своего ощущения застрявшего сердца в трахее добавляет ситуации нелепости. О. Н. Саркисян в своей работе пишет, что «лексические средства языка сами по себе вне контекста не вызывают смех» [Саркисян, 2014: 111]. Исследователь считает, что для того чтобы лексические средства превратились в источник юмора, они должны быть использованы в определённых комбинациях или контекстах, которые придают им новое, неожиданное значение или звучание [Саркисян, 2014: 111]. Таким образом, комический эффект в повествование привносит использование окказионализма *“blank-yet-fascinated”* в сочетании с образным сравнением: *“I’m still looking at Nick in the blank-yet-fascinated way that Hugo stares at the television”*, в котором девушка идентифицирует себя со своей собакой, находящейся в изумлении от происходящего, однако не способной вербализировать свои мысли и чувства. Отечественный исследователь В. Я. Пропп утверждает, что основным источником смеха служит какая-либо девиация, отклонение от нормы: «Ничто прекрасное никогда не может быть смешным, смешно отступление от него. У человека есть некоторый инстинкт должного, того, что он считает нормой. Эти нормы касаются как внешнего облика человека, так и норм моральной и интеллектуальной жизни» [Пропп,

1999: 51]. Кульминационным моментом является третья часть фрагмента, в котором Харриет имплицитно критикует собственную неспособность к эффективному общению, несмотря на годы, проведённые за изучением различных словарей. Комический эффект достигается в результате расхождения плана выражения и содержания: *“Nice one, Harriet. That’s fifteen years of studying a dictionary, totally wasted.”*

Приведённый ниже пример также относится к категории «семасиологическое комическое», поскольку главная героиня косвенно намекает на низкий коэффициент интеллекта:

“Experts say that people with abnormally high IQs often have problems sleeping. Which is no doubt why I’m snoring within thirty-five seconds” [Smale, 2013b: 109].

Юмористический эффект в анализируемом фрагменте достигается при помощи неожиданного противопоставления. Фраза *“which is why”* в начале второго предложения не предусматривает того, что далее последует отрицание приведённого ранее научного факта, вследствие чего у читателя создаётся эффект обманутого ожидания. Более того, использование точного числа усиливает юмористический эффект, поскольку у читателя складывается представление о том, что девушка скрупулёзно считала каждую секунду перед тем, как она уснула.

Включение фактора неожиданности в сочетании с лаконичной подачей повышает эффективность самоуничижительного юмора. В следующем примере героиня пытается найти свою «особенность». Попытка найти дополнительную сферу деятельности, в которой она могла бы развиваться, приводит к самокритике в юмористичной форме.

“I can’t be a model forever, and anyway: I need hyphenating.”

I stare at her. ‘You need ... what?’

‘Hy-phen-ating,’ Kenderall intones. ‘Some girls are a model-hyphen-DJ. Others are model-hyphen-actresses. Some are even multi-hyphenators: sculptor or

painter or underwear designer. I haven't got a hyphen, so I'm branching out. I'm doing a course at college.'

I try to work out what my hyphen is.

Geek-hyphen-schoolgirl, maybe.

Or geek-hyphen-idiot [Smale, 2014: 179-180].

В анализируемом отрывке основой для конструирования самоуничижительного юмора является фраза: *“I try to work out what my hyphen is.”*, знаменующая собой начало интроспективного процесса, в ходе которого героиня оценивает свою жизнь и карьеру, подсознательно сравнивая с примерами своей собеседницы. Комический эффект возникает благодаря резкому контрасту, возникающему при сопоставлении вариантов, которые перечислила Кендерелл (*“a model-hyphen-DJ”, “model-hyphen-actresses”, “sculptor or painter or underwear designer”*) и Харриет (*“geek-hyphen-schoolgirl”, “geek-hyphen-idiot”*). Использование окказионализмов, содержащих пейоративную лексику (*“geek” – “inf. someone who is intelligent but not fashionable or popular”* [Cambridge Dictionary Online: URL], *“idiot” – “a stupid person or someone who is behaving in a stupid way”* [Cambridge Dictionary Online: URL]), направлено не только на выражение самокритики, но и на создание комического эффекта. Исследователи юмора полагают, что через призму юмора инвективная лексика воспринимается менее грубой и оскорбительной [Саркисян, 2014: 73]. Кроме того, неуверенность главной героини в выборе подходящей ей роли, а также предпочтение второго варианта отражает критичность её самовосприятия, что в свою очередь усиливает комичность ситуации за счёт абсурдности такого сурового самоосуждения.

Отличительной особенностью следующего фрагмента является объект осмеяния: в отличие от предыдущих примеров негативной оценке подвергаются не умственные способности главной героини, а её внешний облик.

“My skin is covered in thick foundation, my cheeks are pink, my lips are red and on my eyelids are fake black eyelashes so large that every time I look up I think a couple of enormous spiders are trying to attack my face.

On my feet are the lobster shoes.

And – between the extreme tightness of the dress and the highness of my heels – the only real method of transporting myself is to shuffle in tiny pigeon steps, like a traditional Japanese geisha.

Or, you know: a pigeon.

In the meantime, Kenderall looks beautiful in a simple orange minidress with a gold chain belt.

In the animal kingdom, colour has many uses. It can be used as camouflage or as a warning. It can be a way of communicating, of attracting or repelling, of scaring or appealing.

It can even be a way of pretending.

The Monarch butterfly has bright colours to let the world know it’s poisonous. The Viceroy butterfly has bright colours to make the world think it’s a Monarch.

I think I know which category I fall into.

On the upside, at least nobody’s going to try and eat me. I look extremely inedible” [Smale, 2014: 218-219].

В анализируемом примере комический эффект достигается при помощи комбинации семасиологических средств: гипербола (“so large that every time I look up I think a couple of enormous spiders are trying to attack my face”), сравнение (“to shuffle in tiny pigeon steps, like a traditional Japanese geisha. Or, you know: a pigeon.”), преуменьшение (“Or, you know: a pigeon.”), антитеза (“In the meantime, Kenderall looks beautiful in a simple orange minidress with a gold chain belt.”), самоирония (“I think I know which category I fall into. On the upside, at least nobody’s going to try and eat me. I look extremely inedible.”). Кроме того, немаловажную роль в создании комического эффекта играют визуальные образы: “my skin is covered in thick foundation”, “pink cheeks”, “red

lips”, “*fake black eyelashes*”, “*the lobster shoes*”, “*the extreme tightness of the dress*”, “*the highness of my heels*”. Детальное описание макияжа, одежды, обуви не только позволяет читателю представить полный образ героини, но и подготавливает его ко второй части, в которой Харриет рассказывает о механизмах маскировки у животных. С одной стороны, включение факта о бабочках добавляет глубины самоуничижительному юмору, с другой стороны, демонстрирует остроумие героини и её любовь к деталям и точности описания. Люди с расстройством аутистического спектра часто обращают внимание на детали и концентрируются на них больше, чем нейротипичные индивиды [Shah & Frith 1983, 1993; Jolliffe & Baron-Cohen, 2001; O’Riordan et al. 2001; Mottron et al. 2003]. Внимание Харриет к специфическим верованиям египтян, её комментарии о взаимосвязи IQ и качестве сна, а также включение научных фактов из различных сфер наглядно иллюстрируют данную нейротипичную особенность.

Заключительная реплика: “*I think I know which category I fall into. On the upside, at least nobody’s going to try and eat me. I look extremely inedible.*”, – служит завершающим элементом, который зарубежные исследователи называют “*punchline*” [Attardo, Raskin, 1991: 308]. Героиня ещё раз иронично подтрунивает над своей внешностью и приходит к принятию сложившейся ситуации, о чём и свидетельствует заключительная фраза.

В следующем примере для достижения комического эффекта также была задействована совокупность лингвистических средств и экстралингвистических факторов.

“I stare at the scarf in horror.

It’s a traditional Japanese sumo loincloth, known as a mawashi. It’s thirty foot long, two feet wide, made of silk and is passed repeatedly around the stomach and between the thighs and secured over the – you know. Front area. And it’s worn by men.

But I can’t afford to make Yuka any angrier, so I take a deep, professional breath as I walk into the changing room, then experimentally wind the scarf up

over my penguin pyjamas and secure it with the enormous safety pin. I untie it and wrap it a little higher. Finally, I criss-cross the silk over my entire body and pin it so I'm completely mummified.

That's better.

Now I look like the world's most prudish baby.

I'm on the floor, trying to tug off my pyjamas from underneath it, when the door opens. A young Japanese woman with blue raccoon stripes in her hair walks into the room, followed by a large group of people wearing black” [Smale, 2013b: 149].

Из широко контекста известно, что Харриет необходимо подготовиться к фотосессии на ринге. Девушка намерена подойти к выполнению поставленной задачи со всей ответственностью (“*I take a deep, professional breath*”), однако, несмотря на свои знания о том, что маваша – это набедренная повязка для мужчин (*It's a traditional Japanese sumo loincloth, known as a mawashi. <...> And it's worn by men.*), она решает, что это и есть подготовленный для неё «наряд для съёмки».

Источником комизма, прежде всего, служит ситуация абсурда (“*I can't afford to make Yuka any angrier*” || “*I'm on the floor, <...> when the door opens*”) в сочетании с визуальными образами, которые автор создаёт при помощи детального описания действий девушки и её внешнего вида. Использование гипербол (“*secure it with the enormous safety pin*”, “*I criss-cross the silk over my entire body*”, “*pin it so I'm completely mummified.*”) интенсифицирует комический эффект. Более того, попытка завязать набедренную повязку поверх пижамы также воспринимается нелепой и смешной.

Кульминационным элементом является включение самоироничного высказывания “*That's better. Now I look like the world's most prudish baby*”, в котором самоирония практически граничит с сарказмом за счёт

гиперболизированного сравнения. Комичность ситуации усиливается посредством описания неожиданного местонахождения девушки и её непредсказуемых действий. Появление молодой женщины и группы людей в тот момент, когда Харриет находится на полу, пытаясь снять с себя мавашу, интенсифицирует юмор за счёт того, что она внезапно предстаёт в нелепом виде перед незнакомыми ей людьми.

При описании самоуничижительного юмора, необходимо также выявить его основные функции. Согласно теории высвобождения (“Relief Theory”), юмор используется для снятия психоэмоционального напряжения, негатива и служит своеобразным защитным механизмом [Cooper, 2008]. М. А. Кулинич, исследуя юмор как социокультурное явление, выделяет катарсическую функцию юмора [Кулинич, 2000: 10], другими словами, прибегая к использованию юмора, индивид может переживать «очищение» от негативных эмоций. Другой отечественный исследователь также пишет о катарсической функции автокоммуникативного смеха [Панина, 1996]. М. А. Панина считает, что смех над собственными неудачами или «смех сквозь слёзы» представляет собой инструмент самоанализа и самокритики, помогающий преодолевать внутренние конфликты и эмоциональные барьеры [Панина, 1996: 23]. Таким образом, самоуничижительный юмор используется не только как средство саморефлексии, но и выступает средством снятия эмоционального напряжения в трудный для человека момент. В рамках исследования интериоризованного критического дискурса, написанного авторами с РАС, можно констатировать, что использование самоуничижительного юмора применяется в тех случаях, когда индивиду необходимо справиться с социальным давлением или внутренним напряжением.

Сопоставительный анализ фактического материала показал, что самоуничижительный юмор частотно используется в романах Х. Смейл, однако отсутствует в произведениях Э. Макниколл. Данное различие может быть связано как с разнообразными проявлениями расстройства

аутистического спектра (например, трудности с интерпретацией и конструированием юмора), так и с литературными целями, которые преследует автор.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что для создания комического эффекта нейротипичные авторы могут использовать как лингвистические, так и экстралингвистические средства. Наиболее частотными видами комического, которые встречаются в интериоризованном критическом дискурсе, являются следующие: «комическое, имплицитно содержащееся в языковых единицах, языковых явлениях» [Бушев, 2011: 217]; «комическое, вызванное расхождением плана выражения и плана содержания» [Там же]; «комическое, имеющее источником экстралингвистическую реальность» [Там же]. В качестве языковых средств, используемых при конструировании самоуничижительного юмора, могут выступать самоирония, сравнение, гипербола, алогизм, метафора, аллюзия и другие. Использование данных языковых средств и приёмов, а также их конвергенция позволяет не только вызвать положительные эмоции у читателя, но и содействует более глубокому раскрытию внутреннего мира героев, их эмоциональных состояний и уникальных способов восприятия мира, что в свою очередь развивает читательскую эмпатию и помогает лучше понять нейротипичных людей.

ВЫВОДЫ

1. Расстройства аутистического спектра (РАС) охватывают целый ряд нарушений развития нервной системы и зависят от различных факторов, включая возраст, пол, тяжесть расстройства, сопутствующие болезни и синдромы, а также социальную и образовательную среду. Одной из трудностей, с которой сталкиваются индивиды с РАС, даже представители с высокофункциональным аутизмом, является социальное взаимодействие и интерпретация внешних сигналов.

2. В англоязычном интериоризованном критическом дискурсе нейротипичных авторов негативной самооценке в первую очередь подвергается неумение выстраивать коммуникацию и межличностные взаимоотношения. Самокритика у индивидов с РАС зачастую направлена на их неспособность корректно интерпретировать невербальные сигналы или предугадывать ожидания собеседника. Кроме того, отрицательно оцениваются несоответствие внешним ожиданиям, неверно выбранный стиль общения, чрезмерная эмоциональность и др., что, в свою очередь, способствует формированию чувства неадекватности и усиливает внутреннее напряжение.

3. Использование самоуничижительного юмора требует определённого уровня когнитивных, эмоциональных и социальных навыков, таких как способность к саморефлексии, понимание социальных норм, а также абстрактное мышление. Не все индивиды с РАС обладают такими навыками, однако те, у кого они развиты, могут эффективно использовать самоуничижительный юмор как средство снятия эмоционального напряжения, а также механизм саморегуляции и социальной адаптации.

4. Особенности самоуничижительного юмора нейротипичных индивидов состоят в использовании как лингвистических, так и экстралингвистических средств. В качестве языковых средств, используемых при конструировании самоуничижительного юмора в англоязычном интериоризованном критическом дискурсе нейротипичных авторов,

выступают самоирония, окказионализмы, авторское сравнение, алогизм, аллюзия и антитеза. Кроме того, самоуничижительный юмор характеризуется включением детализированных описаний, что отражает особенность индивидов с РАС концентрироваться на деталях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования самокритика рассмотрена с позиций лингвопрагматики и психолингвистики, что позволило провести комплексный анализ данного феномена с учётом цели говорящего, причин, по которым он (или она) прибегают к самокритике, эмоций и ситуации общения в целом.

В работе самокритика понимается как выражение отрицательного отношения к себе и собственным поступкам в результате совершённых ошибок, проступков, промахов; критика собственных недостатков, ошибок или своего поведения. Исследование самокритики в англоязычной интраперсональной коммуникации на материале художественного дискурса позволило выявить исходя из когнитивных процессов (саморефлексия и самооценивание) отдельный тип интериоризованного дискурса – интериоризованный критический дискурс. Данный тип дискурса является комплексной формой самоанализа, в котором негативное осмысление ошибок, намерений, мыслей или чувств сочетается с такими эмоциями как стыд, вина, разочарование.

С позиций коммуникативно-прагматической парадигмы самокритика реализуется посредством определённых коммуникативных стратегий, которые в свою очередь выражаются при помощи набора коммуникативных тактик. Под термином «коммуникативная стратегия» в работе понимается план вербального и невербального поведения, ориентированный на достижение какой-либо цели; «коммуникативные тактики» – способы, при помощи которых достигается поставленная цель.

Принимая во внимание разновидности самокритики (деструктивная и конструктивная) и её функции были выявлены основные коммуникативные стратегии, используемые в интраперсональной коммуникации: стратегия самонаказания и самокоррекции. Основной целью стратегии самонаказания является выражение исключительно отрицательной оценки и причинение вреда собственному «Я». Напротив, стратегия самокоррекции используется с

целью исправления совершённых ошибок и регулирования собственного поведения.

В соответствии с главной целью настоящего исследования было выявлено, что для реализации коммуникативной стратегии самонаказания применяются следующие коммуникативные тактики: тактика самоупрёка, самооскорбления, самобичевания, сравнения, противопоставления, самоанализа, контрфактуального анализа и интернализованной критики. Коммуникативная стратегия самокоррекции вербализуется схожим набором тактик; исключением является коммуникативная тактика самобичевания.

Таким образом, на основании результатов, полученных в ходе исследования, можно заключить, что выдвинутая гипотеза о том, что в интраперсональной коммуникации для выражения самокритики могут быть задействованы коммуникативные стратегии самонаказания и самокоррекции, которые реализуются схожим набором коммуникативных тактик, языковых средств и приёмов, получила частичное подтверждение.

В ходе исследования был проведён анализ частотности использования коммуникативных стратегий, направленных на выражение самокритики, который показал превалирование стратегии самонаказания. Полученный результат свидетельствует о негативной природе самокритики, а также склонности людей, в частности британцев, концентрироваться на своих недостатках. Такой результат также может быть обусловлен тем, что, в отличие от коммуникативной стратегии самонаказания, стратегия самокоррекции требует активного вовлечения индивида в процесс решения проблем. Для применения стратегии самокоррекции необходим более высокий уровень осознанности, поскольку человек не только признает ошибку, но и предпринимает шаги, необходимые для её исправления. Кроме того, деструктивная самокритика характерна для людей, находящихся в состоянии стресса и депрессии, в связи с тем, что у них отсутствует мотивация для перехода от самонаказания к самокоррекции.

Анализ фактического материала показал, что при экспликации коммуникативной стратегии самокоррекции коммуникативная тактика самобичевания не применяется, а тактика самооскорбления задействуется значительно реже. Данный результат демонстрирует корреляцию самобичевания и самооскорбления с пагубным влиянием на психологическое состояние индивида. В отличие от коммуникативной стратегии самонаказания, стратегия самокоррекции чаще вербализируется посредством коммуникативной тактики самоанализа, что иллюстрирует её ключевое значение в процессе саморефлексии. По сравнению с более агрессивными тактиками, такими как самобичевание или самооскорбление, тактики самоанализа, согласия с критикой со стороны способствуют запуску механизма саморегулирования, определению конкретных действий, направленных на нивелирование или устранение проблем.

К языковым средствам и приёмам вербализации самокритики в англоязычной интраперсональной коммуникации относятся отрицательно-оценочные лексемы, отрицательно-оценочные фразеологические единицы, инвективы, отрицания, сравнения, метафоры, гиперболы, лексические и синтаксические повторы, псевдовопросительные конструкции, анафоры, параллельные конструкции, парцелляция, градация и другие.

В связи с тем, что характерной чертой британцев является их тонкий юмор, построенный на игре слов, иронии, преуменьшении или преувеличении, представилось необходимым отдельно выделить коммуникативную стратегию снятия напряжения, реализующуюся при помощи тактики автореферентной насмешки. Сущность данной тактики заключается в снижении уровня стресса и выплеске негативных эмоций (функция катарсиса). Анализ фактического материала показал, что коммуникативная стратегия снятия эмоционального напряжения может быть использована как самостоятельно, так и совместно с другими стратегиями. В обоих случаях функцией коммуникативной тактики автореферентной насмешки является снятие внутреннего напряжения.

Проведённое исследование позволило выявить ключевые особенности интериоризованного критического дискурса, созданного авторами с расстройствами аутистического спектра (РАС). Обращение индивида к самокритике связано с определёнными трудностями в жизни, часто сопряжёнными со стрессом и депрессией. Негативное самооценивание у нейротипичных людей затрагивает более широкий спектр их внутренней и внешней деятельности. Объекты самокритики могут включать как личные качества, поведенческие ошибки, несоответствие внешним ожиданиям, так и неспособность соответствовать социальным ожиданиям, трудности в межличностном общении, избыточную или недостаточную эмоциональную реакцию. В силу особенностей когнитивного восприятия, фокус самокритики у таких индивидов может отличаться от такового у нейротипичных людей.

Интериоризованный критический дискурс становится способом структурирования переживаний, осмысления недостатков и анализа собственного поведения. Однако процесс самокритики у индивидов с РАС является более интенсивным и глубинным, что связано со склонностью к гиперфокусировке. Необходимо отметить, что самокритика у нейротипичных индивидов может сочетаться с самоуничижительным юмором, выступающим инструментом снятия психоэмоционального напряжения и создания дистанции между «Я» и стрессовыми факторами.

Таким образом, анализ результатов исследования подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что интериоризованный дискурс, сконструированный индивидами с РАС, отличается частотностью включения самокритики в повествование, а также объектами самокритики.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть применены для последующих работ в рамках психолингвистики, когнитивной лингвистики, а также литературоведения. Перспективно также исследование, посвящённое изучению гендерных различий при выражении самокритики, в частности специфики её вербализации у индивидов с расстройствами аутистического спектра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Ю. В. Коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Агеева Юлия Викторовна. – Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2016. – 44 с.
2. Ананьев Б. Г. К постановке проблемы развития детского самосознания / Б. Г. Ананьев. – 1948. – Вып. 18. – М.: Известия АПН РСФСР. – С. 101-124.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – 3-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2010. – 282 с.
4. Анисимова Е. С. Прагматическая ситуация счастья и ее дискурсивная реализация в современном английском языке: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Анисимова Елена Сергеевна. – Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т, 2007. – 18 с.
5. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.
6. Аристотель. Поэтика. Риторика: пер. с греч. / Аристотель. – СПб.: Азбука, 2009. – 348 с.
7. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / И. В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 443 с.
8. Артюшков И. В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе: на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Артюшков Игорь Викторович. – М.: Моск. пед. гос. ун-т., 2004. – 511 с.
9. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1997. – № 2. – С. 59-70.
10. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
11. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – № 4. – М.: Наука, 1981. – С. 356-367.

12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
13. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
14. Ахутина Т. В. Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания / Т. В. Ахутина // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – 1985. – М.: Наука. – С. 99-115.
15. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики / Т. В. Ахутина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 424 с.
16. Баева Л. В. Экзистенциальная природа ценностей: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Баева Людмила Владимировна. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2004. – 43 с.
17. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
18. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. – Т. 5. – М.: Рус. словари, 1997. – 558 с.
19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
20. Бацевич Ф. С. Введение в лингвистическую прагматику (на укр.) / Ф. С. Бацевич – Киев: Издательский центр «Академия», 2011. – 304 с.
21. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 120 с.
22. Белянин В. П. Системность лексики текста как отражение системности картины мира автора / В. П. Белянин // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1987. – С. 135-144.
23. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М.: Международ. отношения, 1990. – 336 с.

- 24.Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста: монография / М. Я. Блох, Ю. М. Сергеева. – М.: МПГУ, 2011. – 180 с.
- 25.Борев Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Борев. – М.: Искусство, 1970. – 269 с.
- 26.Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 21-48.
- 27.Бушев А. Б. Жанры и языковые механизмы комического [Электронный ресурс] / А. Б. Бушев // Studia Culturae. – 2011. – № 12. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20801024> (дата обращения: 05.04.2024).
- 28.Валицкас Г. К., Гипперейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей / Г. К. Валицкас, Ю. Б. Гипперейтер // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45-54.
- 29.Вишнякова Н. Ф. Конфликтология: учебное пособие для слушателей системы повышения квалификации работников образования: допущено Министерством образования Республики Беларусь / Н. Ф. Вишнякова. – 3-е изд. – Минск: Университетское, 2002. – 245 с.
- 30.Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Воронцова, Татьяна Александровна. – Челябинск, 2006. – 296 с.
- 31.Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-е изд. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
- 32.Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.
- 33.Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 6-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2008. – 144 с.
- 34.Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи / П. Я. Гальперин // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. – №4. – С. 55-59.

35. Гинзбург Г. Л. Знаковые проблемы психолингвистики / Г. Л. Гинзбург // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 81-105.
36. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2008. – 272 с.
37. Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.00.00 / Гончарова Евгения Александровна. – Ленинград: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1969. – 20 с.
38. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
39. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
40. Громова В. М. Конструирование идентичности в Интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Громова Венера Мирзануровна. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2007. – 18 с.
41. Дахалаева Е. Ч. Семантика и прагматика автореферентных номинаций в ситуации речевого общения в современном французском языке: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.05 / Дахалаева Елизавета Чингисовна. – Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т., 2005. – 19 с.
42. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк ван Т. А. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
43. Джеймс У. Психология: пер. с англ. И. Лапшина, М. Гринвальд; вступит. ст. А. Лызлова / У. Джеймс. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 616 с.
44. Дземидок Б. О комическом: пер. с польск. / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
45. Долженкова А. И. Коммуникативно-прагматическая ситуация колебания, средства и способы её репрезентации в современном русском языке:

- автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Долженкова Алёна Игоревна. – Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – 22 с.
46. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе: на материале немецкого и русского языков: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 / Желтухин Марина Ростиславовна. – Волгоград, 2000. – 250 с.
47. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как соц. проблема / В. И. Жельвис. – Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. – 349 с.
48. Заваденко Н. Н., Печатникова Н. Л., Симашкова Н. В., Заваденко А. Н., Орлова К. А. Неврологические нарушения у детей с аутизмом [Электронный ресурс] // Рос вестн перинатол и педиат. – 2015. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevrologicheskie-narusheniya-u-detey-s-autizmom> (дата обращения: 10.04.2024).
49. Заврумов З. А. Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования [Электронный ресурс] / З. А. Заврумов // Полилингвильность и транскультурные практики. – №3. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironicheskiy-narrativ-v-hudozhestvennom-tekste-parametry-kognitivnogo-modelirovaniya> (дата обращения: 09.05.2024).
50. Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Заврумов Заур Асланович. – Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т, 2017. – 317 с.
51. Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка / И. А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 85-98
52. Зинченко Н. С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н. С. Зинченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57). – Тамбов: Грамота. – С. 126-130.

53. Зоткин Н. В., Серебрякова, М. Е. Общая психология. Психология мотивации и эмоций: учебное пособие / Н. В. Зоткин, М. Е. Серебрякова. – Самара: Универс групп, 2007. – 196 с.
54. Исенко С. П. Критика и реагирование на нее как компоненты коммуникативной компетенции личности [Электронный ресурс] / С. П. Исенко // Концепт. – 2014. – № 05 (май). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14113.htm> (дата обращения 04.04.2024).
55. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
56. Кадимова Р. Н. Лингвопрагматическая характеристика делового интервью как жанра франкоязычного экономического дискурса: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.05 / Кадимова Русана Надировна. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т., 2018. – 23 с.
57. Каличкина Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 5.9.5. / Каличкина Тамара Игоревна. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. – 29 с.
58. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Каменская Юлия Валерьевна. – Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2001. – 22 с.
59. Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Каразия Наталья Александровна. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. гос. ун-т., 2004. – 21 с.
60. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
61. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 480 с.
62. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

63. Катуков С. С. Лексико-фразеологическая объективация концепта «Брань» в русском языке: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Катуков Сергей Сергеевич. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2006. – 23 с.
64. Кириллова Т. В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации: на материале англоязычной художественной прозы: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Кириллова Татьяна Валерьевна. – Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2011. – 23 с.
65. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие / Е. В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
66. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
67. Корженский Я. Прагматический компонент и теория текста / Я. Корженский // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 68-77.
68. Котенко Ю. В. Психологические особенности развития самооценки старших школьников в условиях профильной дифференциации обучения: автореф. дис. ... кандидата психол. наук: 19.00.13 / Котенко Юлия Владимировна. – Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2007. – 23 с.
69. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
70. Крюкова Н. Ф. Метафора как герменевтический инструмент юмористического смыслообразования / Н. Ф. Крюкова // Современная германистика и западноевропейская литература: Коллективная монография / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2019. – С. 203-213.
71. Крюкова Н. Ф. Языковая маркированность депрессии / Н. Ф. Крюкова, О. В. Байкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 2(73). – С. 28-36.
72. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.

73. Кузнецова Л. В. Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Кузнецова Лариса Валерьевна. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 24 с.
74. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.04 / Кулинич Марина Александровна. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2000. – 35 с.
75. Культура русской речи. Учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: НОРМА, 1999. – 560 с.
76. Лазарева М. Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Лазарева Мария Евгеньевна. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2005. – 19 с.
77. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Ланских Анна Владимировна. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2008. – 22 с.
78. Ларина С. Г. Ситуация конфликта и её отражение во внутренней речи: на материале англоязычной художественной литературы XIX - XX вв.: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Ларина Светлана Германовна. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2014. – 159 с.
79. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 315 с.
80. Леонова Е. В. Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе [Электронный ресурс] / Е. В. Леонова // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – №1. – Режим обращения: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-mehanizm-interiorizatsii-v-dnevnikovom-diskurse> (дата обращения: 12.01.2024).

81. Леонова Е. В. Некоторые лингвокогнитивные стратегии репрезентации идентичности языковой личности / Е. В. Леонова // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. тр. – 2011. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ. – С. 86–91.
82. Леонова Е. В., Ступина Т. Н. Идентичность как лингво-когнитивный феномен в немецкоязычном и русскоязычном дневниковом дискурсе: общее и специфичное [Электронный ресурс] // МНИЖ. – 2016. – №4-4 (46). – Режим обращения: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-lingvo-kognitivnyy-fenomen-v-nemetskojazychnom-i-russkojazychnom-dnevnikovom-diskurse-obschee-i-spetsifichnoe> (дата обращения: 12.01.2024).
83. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 288 с.
84. Литвинова В. А. Лингвопрагматическая специфика сценарности извинения в английской коммуникативной культуре: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Литвинова Валентина Александровна. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т., 2015. – 22 с.
85. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Академ, проект, 2008. – 303 с.
86. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст — Семиосфера — История / Ю. М. Лотман. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 447 с.
87. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Либроком, 1998. – 256 с.
88. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 319 с.
89. Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Наталия Викторовна Максимова. – Спб.: Изд-во «Лема», 2006. – 41 с.
90. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие / А. Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука. 2008. – 152 с.

- 91.Медведева А. В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре: на материале современного английского языка: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Медведева Алена Валерьевна. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2015. – 190 с.
- 92.Медведева А. В. Типология критического суждения в речевой коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. – №1. // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-kriticheskogo-suzhdeniya-v-rechevoy-kommunikatsii-1> (дата обращения 12.11.2023)
- 93.Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности / В. С. Мерлин. – Пермь: Пермский пед. ин-т, 1970. – 295 с.
- 94.Морева А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии: на материале "Литературной газеты": диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Морева Анастасия Николаевна. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. 2015. – 280 с.
- 95.Непшекуева Т. С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Непшекуева Тамара Сагидовна. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. – 410 с.
- 96.Никонова Н. В., Петрова А. С., Рашидова Д. Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления [Электронный ресурс] / Н. В. Никонова, А. С. Петрова, Д. Т. Рашидова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-formy-i-sfery-bytovaniya-kulturno-natsionalnaya-spetsifika-proyavleniya> (дата обращения: 17.11.2023).
- 97.Новикова Н. Д. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа в интериоризованном критическом дискурсе / Н. Д. Новикова // Казанская наука. – 2024. – №6. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс. – С. 209-211.

- 98.Новикова Н. Д. Коммуникативные тактики сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе (на материале британской художественной литературы XXI в.) / Н. Д. Новикова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2024. – Вып. 1 (65). – С. 86-98.
- 99.Новикова Н. Д. Самоуничижительный юмор в женском интериоризованном критическом дискурсе (на материале современной британской художественной литературы) / Н. Д. Новикова // Современная филологическая наука: достижения и инновации: сборник материалов Международного симпозиума. – Иваново, 23-25 мая 2024 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. – С. 353-357.
100. Новикова Н. Д. Специфика самокритики во внутренней речи героев с расстройствами аутистического спектра / Н. Д. Новикова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 547-550.
101. Ножевникова Е. Г. Прагматическая ситуация насмешки и её реализация в речи представителей британского лингвосоциума: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Ножевникова Елена Геннадьевна. – Н. Новгород: Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2015. – 175 с.
102. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
103. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса / научн. ред. В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 508 с.
104. Охримович К. В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Охримович Ксения Валерьевна. – Уфа: Башкир. гос. ун-т., 2004. – 24 с.
105. Панина М. А. Комическое и языковые средства его выражения: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Панина Маргарита Анатольевна. – М.: Моск. гос. лингвистический ун-т, 1996. – 144 с.

106. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии: учебное пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта-Наука, 2011. – 160 с.
107. Петровский В. А. Человек над ситуацией / В. А. Петровский. – М.: Смысл, 2010. – 559 с.
108. Пивоев В. Т. Ирония как феномен культуры / В. Т. Пивоев. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. – 104 с.
109. Плавина А. А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного травелога в динамическом аспекте: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Плавина Анастасия Александровна. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2019. – 184 с.
110. Побегайло И. В. Личные субъектные местоимения в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах (на материале испанского и итальянского языков): дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.05: / Побегайло Ирина Валентиновна. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2001. – 203 с.
111. Погребняк Ю. В. Вербализация бессознательного в интериоризованном дискурсе [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2006. – Вып. 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-bessoznatelnogo-v-interiorizovannom-diskurse> (дата обращения: 10.06.2023).
112. Погребняк Ю. В. Взаимодействие автора и персонажа в интериоризованном дискурсе [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер.: Филология. – 2011. – № 1 (13). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-avtora-i-personazha-v-interiorizovannom-diskurse> (дата обращения: 10.06.2023).
113. Погребняк Ю. В. Образная составляющая интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. Филология и искусствоведение. – 2011. – №1 (2). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznaya-sostavlyayuschaya-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 10.06.2023).

114. Погребняк Ю. В. Общеречевые функции интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / Ю. В. Погребняк // Известия ВГПУ. – 2015. – № 9-10 (104). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obscherechevye-funktsii-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 11.06.2023).
115. Погребняк Ю. В. Психологические функции интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-funktsii-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 11.06.2023).
116. Погребняк Ю. В. Стилистическая редукция в интериоризованном дискурсе [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2011. – №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskaya-reduktsiya-v-interiorizovannom-diskurse> (дата обращения: 11.06.2023).
117. Погребняк Ю. В. Структурно-смысловые характеристики интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2008. – № 5 (29). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-smyslovyeharakteristiki-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 11.06.2023).
118. Погребняк Ю. В. Теоретическое моделирование интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / В. Ю. Погребняк // LINGUA MOBILIS. – 2010. – № 1 (20). С. 101-107. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-modelirovanie-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 11.06.2023).
119. Погребняк Ю. В. Характеристики интериоризованного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Погребняк Юлия Владимировна. – Волгоград: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, 2012. – 40 с.
120. Погребняк Ю. В. Характеристики интериоризованного дискурса: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Погребняк Юлия Владимировна. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2012. – 357 с.

121. Погребняк Ю. В. Художественные функции интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / Погребняк Ю. В. // Известия ВГПУ. – 2012. – №-6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyye-funktsii-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 10.07.2023).
122. Погребняк Ю. В. Языковые особенности интериоризованного дискурса [Электронный ресурс] / Погребняк Ю. В. // Изв. Юж. фед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/485> (дата обращения: 10.07.2023).
123. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
124. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З. Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – Москва: АСТ: Восток - Запад, 2009. – 314 с.
125. Попова Л. Г. Внутренняя и внешняя речь автора и персонажа в немецких и русских художественных текстах / Л. Г. Попова // Филол. науки. – 2002. – № 4. – С. 93-100.
126. Попова Т. Г. Метафора как многоплановое явление / Т. Г. Попова, Е. Г. Субачева // Лингвокультурология. – 2019. – № 13. – С. 174-180.
127. Попова Т. Г. Потенциал образности метафорических единиц в художественном тексте / Т. Г. Попова, С. В. Лоскутова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 4(79). – С. 158-162.
128. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 300 с.
129. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.

130. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 651 с.
131. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В. Я. Пропп; науч. ред., комментарии Ю. С. Рассказова. – Москва: Лабиринт, 1999. – 285 с
132. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика [Электронный ресурс] / Романова Т. В. // Политическая лингвистика. – 2009. – №27. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-imidzh-i-rechevoy-portret-sovremennogo-politika> (дата обращения: 05.06.2024).
133. Салихова Н. К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Салихова Назирахан Каримовна. – М.: Моск. пед. ин-т иностр. языков им. Мориса Тореза, 1976. – 24 с.
134. Сальникова И. В. Комплимент в британской и американской лингвокультурах: коммуникативные, лингвопрагматические и лингвокультурологические аспекты: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Сальникова Ирина Валерьевна. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2006. – 19 с.
135. Саркисян О. Н. Гендерные особенности языковой репрезентации комического: на материале американских развлекательных ток-шоу “The Daily Show with Jon Stewart” и “Chelsea Lately”: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Саркисян Ольга Николаевна. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 172 с.
136. Сахарова О. В. Речевые модели будущего в жанрах личностно ориентированного дискурса // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Индрик», 2011. – С. 124-131.
137. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Юрислингвистика. – 2005. – №6.

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-manipulyatsiya-v-provsednevnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.08.2023).

138. Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы / А. П. Седых // Филологические науки, 2004. – Вып. 3. – С. 51-56.
139. Сенющенков С. П. Проблема интериоризации в истории отечественной психологии: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Сенющенков Станислав Петрович. – Москва Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2009. – 34 с.
140. Сергеева Ю. М. Внутренний диалог как языковое явление и как литературно-художественный прием: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сергеева Юлия Михайловна. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 1996. – 191 с.
141. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения: на материале англоязычной художественной литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Сергеева Юлия Михайловна. – Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2009. – 35 с.
142. Сергеева Ю. М. Использование стилистического приема «внутренняя речь» в английской романтической драме / Ю. М. Сергеева // Сборник материалов научной сессии. – М.: МПГУ, 2008. – С. 161-165.
143. Сергеева Ю. М. Стилистические функции изображенной внутренней речи в художественном тексте / Ю. М. Сергеева // Коммуникативная лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Ун-т Н. Нестеровой, 2006. – С. 143-147.
144. Скаженик Е. Н. Деловое общение / Е. Н. Скаженик. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 180 с.
145. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М.: АСТ, 2003. – 224 с.
146. Слепцова М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Слепцова Мария Александровна. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2008. – 18 с.

147. Солодкова Е. В. Женский автореферентный дискурс в английском языке: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Солодкова Елена Владимировна. – Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т, 2011. – 204 с.
148. Солодкова Е. В. Женский автореферентный дискурс в английском языке: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Солодкова Елена Владимировна. – Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т, 2012. – 22 с.
149. Ставропольский Ю. В. Социально-психологическая модель идентичности (коммитмент-подход) [Электронный ресурс] / Ю. В. Ставропольский // Вестник ТГУ. – 2009. – №11. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-identichnosti-kommitment-podhod> (дата обращения: 10.09.2023).
150. Ступина Т. Н. Реализация тактики самоатрибуции в дневниковом дискурсе / Е. В. Леонова, Т. Н. Ступина // Вестник Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления: науч.-техн. журнал. – 2014. – № 1 (46). – С. 146-151.
151. Ступина Т. Н. Уровни самопрезентации языковой личности в чат-дискурсе / Т. Н. Ступина, К. С. Цибизов // Языковые и культурные контакты: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – Вып. 3. – С. 85-89.
152. Ступина Т. Н. Феномен идентичности в свете когнитивно-дискурсивного подхода / Е. В. Леонова, Т. Н. Ступина // Труды Междун. дистанц. науч. конф. «Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения»: сб. науч. стат. – Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. – С. 140–143.
153. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – М.: «Восток – Запад», 2006. – 200 с.
154. Сычев А. А. Природа смеха или философия комического / А.А. Сычев. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 176 с.

155. Сычев А. А. Смех как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Сычев Андрей Анатольевич. – Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2004. – 37 с.
156. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. / Третьякова Вера Степановна. – М.: Моск. гос. обл. ун-т., 2003. – 35 с.
157. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография / Н. А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
158. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативнопрагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
159. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – М.: Азбука, 2011. – 288 с.
160. Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. – 1984. – Вып. 17. – Тарту: Тарт. гос. ун-т. – С. 48-67.
161. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – 418 с.
162. Швецова Е. А. Феномен аутизма. Симптоматика отсутствия другого в свете феноменологической философии [Электронный ресурс] / Е. А. Швецова // Вестник угроведения. – 2011. – №3 (6). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-autizma-simptomatika-otsutstviya-drugogo-v-svete-fenomenologicheskoy-filosofii> (дата обращения: 16.05.2024).
163. Шмурак Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском языке: корпусное исследование: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Шмурак Роман Ильич. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, 2021. – 239 с.
164. Я и Мир сквозь призму психологии: системная концепция жизнестроительного субъекта: Научное издание / И. И. Ильясов,

- Н. Л. Нагибина, А. В. Титов, Ж. Г. Титова. – Москва-Берлин: Центр развития человека, 2020. – 166 с.
165. Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology, and Neurobiology / B. Alderson-Day, C. Fernyhough // *Psychological Bulletin*. – Vol. 141 (5). – 2015. P. 931–965.
166. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. – 5th ed. – Arlington, VA: American Psychiatric Publishing. – 2013. – 947 p.
167. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5-TR* / American Psychiatric Association. Washington, DC: American Psychiatric Association. – 2022. – Retrieved from: <https://www.ifeet.org/files/Diagnostic-and-Statistical-Manual-of-Mental-Disorders,-Fifth-Edition,-Text-Revision--DSM-5-TR---American-Psychiatric-Association---z-lib.org-.epub.pdf> (14.05.2024).
168. Andersen M. E. A Conceptual Framework for Understanding Characteristics of Self-Awareness Associated with Autism Spectrum Disorder / M. E. Andersen // *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*. – Vol. 4 (3). – 2016. – Retrieved from: <https://tidsskrift.dk/sjcapp/article/view/24086> (10.03.2024).
169. Ardel M., Grunwald S. The Importance of Self-Reflection and Awareness for Human Development in Hard Times / M. Ardel, S. Grunwald // *Research in Human Development*. – 2018. – Retrieved from: <https://www.researchgate.net/publication/326308607> (10.03.2024).
170. Arunachalam S., Luyster R. J. The Integrity of Lexical Acquisition Mechanisms in Autism Spectrum Disorders: A Research Review. / S. Arunachalam, R. J. Luyster // *Autism Research*. – Vol. 9(8). – 2015. doi:10.1002/aur.1590. – Retrieved from: <https://sci-hub.se/10.1002/aur.1590> (12.02.2024).

171. Asperger H. Die "Autistischen Psychopathen" im Kindesalter. / H. Asperger // Archiv Für Psychiatrie Und Nervenkrankheiten. – Vol. 117. – 1944. – Retrieved from: <https://www.sci-hub.ru/10.1007/bf01837709> (16.02.2024).
172. Attardo S., Raskin V. Script Theory Revisited: Joke Similarity and Joke Representation Model / S. Attardo, V. Raskin // Humor: International Journal of Humor Research. – Vol. 4. – 1991. P. 293-347.
173. Au T. K. Chinese and English Counterfactuals: The Sapir-Whorf hypothesis revisited / T. K. Au // Cognition. – Vol. 15. – 1983. P. 155-187.
174. Au T. K. Counterfactual Reasoning. // Language, Interaction and Social Cognition / In G. R. Semin & K. Fiedler (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage. – 1992. P. 194-213.
175. Austin J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. – Oxford: Oxford University Press. – 1962. – 168 p.
176. Bach K., Hanish R. M. Linguistic Communication and Speech Act / K. Bach, R. M. Hanish – Cambridge, M.I.T. Press. – 1979. – 327 p.
177. Baio J., Wiggins L., Christensen D.L., et al. Prevalence of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 8 Years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 Sites, United States, 2014 / J. Baio, L. Wiggins, et al. // Mmwr. Surveill. Summ. – Vol. 67. – No. 6. – 2018. – Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5919599/pdf/ss6706a1.pdf> (21.03.2024).
178. Bamberg M. Who am I? Big or Small – Shallow or Deep? / M. Bamberg // Theory & Psychol. – Vol. 21. – 2011. – P. 122-129.
179. Banach R., Thompson A., Szatmari P., Goldberg J., Tuff L., Zwaigenbaum L., Mahoney W. Brief Report: Relationship Between Non-Verbal IQ and Gender in Autism / R. Banach, A. Thompson, P. Szatmari, J. Goldberg, L. Tuff, L. Zwaigenbaum, W. Mahoney // Autism Dev. Disord. – Vol. 39. – 2009. P. 188-193.
180. Bargiela S., Steward R., Mandy W. The Experiences of Late-diagnosed Women with Autism Spectrum Conditions: An Investigation of the Female

- Autism Phenotype / S. Bargiela, R. Steward, W. Mandy // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – Vol. 46. – 2016. – Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10803-016-2872-8> (16.04.2024).
181. Baron R. A. Counterfactual Thinking and Venture Formation: The Potential Effects of Thinking about “What Might Have Been” / R. A. Baron // *Journal of Business Venturing*. – Vol. 15(1). – 2000. – P. 79-91.
182. Baron-Cohen S. Theory of Mind and Autism: A Review. / S. Baron-Cohen // *International Review of Research in Mental Retardation*. – Vol. 23. – 2001. P. 169-184.
183. Baron-Cohen S., et al. Does the Autistic Child Have a “Theory of Mind”? / S. Baron-Cohen, A. M. Leslie, U. Frith // *Cognition*. – Vol. 21(1). 1985. – P. 37–46.
184. Beattie G., Ellis A. *The Psychology of Language and Communication*. 1st ed. – London, New York: Routledge, 2017. – 312 p.
185. Beck A. T. *Cognitive Therapy and the Emotional Disorders* / A. T. Beck. – New York: International Universities Press. – 1976. – 356 p.
186. Beck S. R., Robinson E. J., Carroll D.J., Apperly I. A. Children’s Thinking about Counterfactuals and Future Hypotheticals as Possibilities / S. R. Beck, E. J. Robinson, D. J. Carroll, I. A. Apperly // *Child Development*. – Vol. 77 (2). – 2006. – P. 413-426.
187. Bem D. J. *Self-Perception Theory* / In L. Berkowitz Ed. // *Advances in Experimental Social Psychology*. – New-York: Academic Press. – Vol. 6. – 1972. – P. 1-62.
188. Bergman A. J., et al. Correlates with Perfectionism and the Utility of a Dual Process Model / Bergman A. J., Nyland J. E., Burns L. R. // *Personality and Individual Differences*. – Vol. 43. – 2007. – P. 389-399.
189. Billig M. *Laughter and Ridicule Towards a Social Critique of Humour* / M. Billig. – London: SAGE Publications Ltd. – 2005. – 272 p.
190. Black E. *Pragmatic Stylistics* / *Edinburgh Textbooks in Applied Linguistics*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 166 p.

191. Bölte S., Duketis E., Poustka F., Holtmann M. Sex Differences in Cognitive Domains and Their Clinical Correlates in HigherFunctioning Autism Spectrum Disorders / S. Bölte, E. Duketis, F. Poustka, M. Holtmann // *Autism*. – Vol. 15 (4). – 2011. – P. 497-511.
192. Boninger D. S., Gleicher F., Strathman A. Counterfactual Thinking: From What Might Have Been to What May Be / D. S. Boninger, F. Gleicher, A. Strathman // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 67(2). – 1994. – P. 297-307.
193. Boulding K. E. *Conflict and Defense: A General Theory* / K. E. Boulding. – New York: Harper & Bros. –1962. – 349 p.
194. Boylan J. G. *Pragmatics of Ironic Criticism*. Digitized Theses. – 2011. – Retrieved from: <https://ir.lib.uwo.ca/digitizedtheses/3468> (14.02.2024).
195. Boylan J., Katz A. N. Ironic Expression Can Simultaneously Enhance and Dilute Perception of Criticism / J. Boylan, A. N. Katz // *Discourse Processes*. – Vol. 50:3. – 2013. – P. 187-209.
196. Brown R., Findlay B., Brinker J. K. Individual Differences in the Way Observersperceive Humour Styles / R. Brown, B. Findlay, J. K. Brinker // *European Journal of Humour Research*. – Vol. 7(2). – 2019. P. 116-136. – Retrieved from: <https://europeanjournalofhumour.org/ejhr/article/view/304/pdf> (14.05.2024).
197. Bruntsch R., Ruch W. Studying Irony Detection Beyond Ironic Criticism: Let's Include Ironic Praise / R. Bruntsch, W. Ruch // *Front. Psychol.* – Vol. 8. – 2017. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2017.00606/full> (12.03.2024).
198. Byrne R. M. J. Counterfactual Thought / R. M. J. Byrne // *Annual Review of Psychology*. – Vol. 67. – 2016. – P. 135-157. – Retrieved from: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-psych-122414-033249> (14.05.2024).

199. Byrne R. M. J., McEleney A. Counterfactual Thinking about Actions and Failures to Act / R. M. J. Byrne, A. McEleney // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – Vol. 26(5). – 2000. P. 1318-1331.
200. Cage E., Troxell-Whitman Z. Understanding the Reasons, Contexts and Costs of Camouflaging for Autistic Adults / E. Cage, Z. Troxell-Whitman // *J. Autism Dev. Disord.* – Vol. 49. – 2019. – P. 1899-1911. – Retrieved from: <https://dspace.stir.ac.uk/handle/1893/30635> (16.02.2024).
201. Caillies S., Le Sourn-Bissaoui S. Children's Understanding of Idioms and Theory of Mind Development / S. Caillies, S. Le Sourn-Bissaoui // *Developmental Science*. – Vol. 11(5). – 2008. P. 703-711. – Retrieved from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-7687.2008.00720.x> (17.02.2024).
202. Caillies S., Le Sourn-Bissaoui S. Nondecomposable Idiom Understanding in Children: Recursive Theory of Mind and Working Memory / S. Caillies, S. Le Sourn-Bissaoui // *Canadian Journal of Experimental Psychology / Revue canadienne de psychologie experimentale*. – Vol. 67(2). – 2013. – P. 108-116. – Retrieved from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22686152/> (17.02.2024).
203. Canitano R. Epilepsy in Autism Spectrum Disorders / R. Canitano // *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*. – Vol. 16. – 2006. – P. 61-66. – Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00787-006-0563-2> (12.03.2024)
204. Caron J. *An introduction to Psycholinguistics*. – Belmont: Thomson Wadsworth, 2004. – 208 p.
205. Carr A., et al. Effectiveness of Positive Psychology Interventions: A Systematic Review and Meta-Analysis / A. Carr, K. Cullen, C. Keeney, C. Canning, O. Mooney, E. Chinseallaigh, A. O'Dowd // *The Journal of Positive Psychology*. – Vol. 16(6). – 2020. – Retrieved from: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/17439760.2020.1818807> (14.03.2024).
206. Carston R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. – Oxford: Blackwell, 2002. – 418 p.

207. Carter A. S., Black D. O., Tewani S., et al. Sex Differences in Toddlers with Autism Spectrum Disorders / A. S. Carter, D. O. Black, S. Tewani, et al. // *J Autism Dev Disord*. Vol. 37. – 2007. P. 86-97. – Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10803-006-0331-7#citeas> (15.02.2024).
208. Cavell S. *Here and There: Sites of Philosophy* / Stanley Cavell; edited by A. Crary, N. Bauer, S. Laugier. – Cambridge: Harvard University Press, 2022. – 336 p.
209. Chahboun S., Vulchanov V., Saldaña D., Eshuis R., Vulchanova M. Can you Tell It by the Prime: A study of Metaphorical Priming in High- Functioning Autism in Comparison with Matched Controls // *Int. J. Lang. Commun. Disord*. –Vol. 52(6). –2017. – P. 766-785.
210. Charlton-Dailey R. If I'm Not Writing Honestly There's No Point in Writing at All – Q & A with Author Holly Smale // *The Unwritten*. – 2023. – Retrieved from: <https://www.theunwritten.co.uk/2023/05/12/if-im-not-writing-honestly-theres-no-point-in-writing-at-all-q-a-with-author-holly-smale/> (15.05.2024).
211. Chase S. *Roads to Agreement. Successful Methods in the Science of Human Relations* / S. Chase in collaboration with M. T. Chase. – New York: Harper & br. – 1951. – 250 p.
212. Clark H. H., Bly B. *Pragmatics and Discourse* // *Handbook of perception and cognition*. Vol. 1: Speech, language, and communication. – 2nd ed. –San Diego: Academic Press, 1995. – P. 371-410.
213. Clark H. H., van der Wege M. M. Imagination in Discourse. In Deborah Shriffrin, Deborah Tannen & Heidi E. Hamilton (Eds.). *The handbook of discourse analysis*. – Oxford: Blackwell Publishing, 2001. – P. 772-786.
214. Cohen T. *Jokes: Philosophical Thoughts on Joking Matters* / T. Cohen. Chicago: University of Chicago Press. – 1999. – 99 p.
215. Cooper C. *Elucidating the Bonds of Workplace Humour: A Relational Process Model* / C. Cooper // *Human Relations*. – Vol. 61(8) – 2008. – P. 1087-1115.

216. Corbett B. A., et al. Camouflaging in Autism: Examining Sex-Based and Compensatory Models in Social Cognition and Communication / B. A. Corbett, J. M. Schwartzman, E. J. Libsack, R. A. Muscatello, M. D. Lerner, G. L. Simmons, S. W. White // *Autism Research: Official Journal of the International Society for Autism Research*. – Vol. 14(1). – 2021. – P. 127-142. – Retrieved from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/aur.2440> (27.04.2024).
217. Corcoran K., Crusius J., Mussweiler, T. Social Comparison: Motives, Standards, and Mechanisms. In D. Chadee (Ed.) / K. Corcoran, J. Crusius, T. Mussweiler // *Theories in social psychology*. – UK: Blackwell Publishing Ltd. Published. – 2011. – P. 119-139.
218. Coricelli G., Critchley H. D., Joffily M., et al. Regret and Its Avoidance: A Neuroimaging Study of Choice Behavior / G. Coricelli, H. D. Critchley, M. Joffily, J. P. O'Doherty, A. Sirigu, R. J. Dolan // *Nature Neuroscience*. – Vol. 8(9). – 2005. – P. 1255-1262. – Retrieved from: <https://www.nature.com/articles/nn1514#citeas> (20.02.2024).
219. Courchesne E., et al. Prenatal Origins of ASD: The When, What, and How of ASD Development / E. Courchesne, V. H. Gazestani, N. E. Lewis // *Trends in Neurosciences*. – Vol. 43(5). – 2020. – P. 326–342. – Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7373219/> (14.04.2024).
220. Cremone I. M., Carpita B., Nardi B., Casagrande D., Stagnari R., Amatori G., Dell'Osso L. Measuring Social Camouflaging in Individuals with High Functioning Autism: A Literature Review / I. M. Cremone, B. Carpita, B. Nardi, D. Casagrande, R. Stagnari, G. Amatori, L. Dell'Osso // *Brain Sciences*. – Vol. 13(3): 469 – 2023. – Retrieved from: <https://www.mdpi.com/2076-3425/13/3/469> (15.02.2024).
221. Critchley S. *On Humour* / S. Critchley. – London and New York: Routledge. – 2002. – 144 p.
222. Cwin E. *Self-Criticism and Responses to Self-Critical Statements: An Investigation of Self-Criticism, Self-Submission, Self-Compassion, and Attack Resistance: in partial fulfilment of requirements for the degree of Doctorate of*

- Philosophy in Psychology. – Guelph, Ontario, Canada: The University of Guelph. – 2018. – Retrieved from: <https://atrium.lib.uoguelph.ca/items/1feb8aea-6210-46f9-bb7e-b47fe81782d5> (11.08.2023).
223. Cytowic R. E. and Eagleman D. M. Wednesday is Indigo Blue: Discovering the Brain of Synesthesia. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2009. – 320 p.
224. De Rubeis S., et al. Synaptic, Transcriptional and Chromatin Genes Disrupted in Autism / S. De Rubeis, X. He, A. P. Goldberg, C. S. Poultney, K. Samocha, A. E. Cicek, Y. Kou, L. Liu, M. Fromer, S. Walker // Nature. – Vol. 515(7526). – 2014. – P. 209-215. – Retrieved from: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/16120848/4402723.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (12.02.2024).
225. De Vel-Palumbo M., Wenzel M., Woodyatt L. Why do We Self-Punish? Perceptions of the Motives and Impact of Self-Punishment Outside the Laboratory / M. de Vel-Palumbo, M. Wenzel, L. Woodyatt // European Journal of Social Psychology. – Vol. 48(6). – P. 756-768.
226. Dell’Osso L., Lorenzi P., Carpita B. Camouflaging: Psychopathological Meanings and Clinical Relevance in Autism Spectrum Conditions / L. Dell’Osso, P. Lorenzi, B. Carpita // CNS spectrums. – Vol. 26(5). – 2021. – P. 437-439. – Retrieved from: <https://www.cambridge.org/core/journals/cns-spectrums/article/camouflaging-psychopathological-meanings-and-clinical-relevance-in-autism-spectrum-conditions/E8EDB132732F8DF33ABF872D201975E2> (18.03.2024).
227. Dijk T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – The Hague etc.: Mouton, 1981. – 331p.
228. Dishon N, et al. The Effect of Trait Self-Awareness, Self-Reflection, and Perceptions of Choice Meaningfulness on Indicators of Social Identity within a Decision-Making Context / N. Dishon, J. A. Oldmeadow, C. Critchley, J. Kaufman // Front Psychol. – Vol. 8. – 2017. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2017.02034/full> (12.04.2024).

229. Dritschel B. M., Wisely M., Goddard L., Robinson S., Howlin P. Judgements of Self-Understanding in Adolescents with Asperger Syndrome. / B. M. Dritschel, M. Wisely, L. Goddard, S. Robinson, P. Howlin // *Autism: The International Journal of Research and Practice*. – Vol. 14(5). – 2010. – P. 509-518. – Retrieved from: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/1362361310368407> (25.04.2024).
230. Dupuis A., et al. Hyperfocus or Flow? Attentional Strengths in Autism Spectrum Disorder / A. Dupuis, P. Mudiyansele, C. L. Burton, P. D. Arnold, J. Crosbie, R. J. Schachar // *Frontiers in Psychiatry*. – Vol. 13: 886692. – 2022. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2022.886692/full> (25.04.2024).
231. Eigsti I.-M., et al. Language Acquisition in Autism Spectrum Disorders: A Developmental Review / I.-M. Eigsti, A. B. de Marchena, J. M. Schuh, E. Kelley // *Research in Autism Spectrum Disorders*. – Vol. 5. – 2011. – P. 681-691. – Retrieved from: https://www.academia.edu/13945742/Language_acquisition_in_autism_spectrum_disorders_A_developmental_review (20.02.2024).
232. Eigsti I.-M., Fein D. A. More Is Less: Pitch Discrimination and Language Delays in Children with Optimal Outcomes from Autism / I.-M. Eigsti, D. A. Fein // *Autism Research*. – Vol. 6(6). – 2013. – P. 605–613. Retrieved from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/23929787/> (20.02.2024).
233. Eigsti I.-M., Schuh J. M. Language Acquisition in ASD: Beyond Standardized Language Measures. In L. Naigles (Ed.) / I.-M. Eigsti, J. M. Schuh // *Innovative Investigations of Language in Autism Spectrum Disorder*. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. – 2017. – P. 183-200.
234. Enkvist N. E. *Linguistic stylistics*. – The Hague: Mouton & Co., 1973. – 181 p.
235. Epstude K., Roese N. J. The Functional Theory of Counterfactual Thinking / K. Epstude, N. J. Roese // *Pers. and Soc. Psychol. Rev.* – Vol. 12(2). – 2008. – P. 168-192.

236. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes / L. Festinger // Human Relations. – Vol. 7(2). – 1954. – P. 117-140.
237. Field J. Psycholinguistics. – London: Routledge, 2003. – 231 p
238. Fisher A. B., Adams K. L. Interpersonal Communication. Pragmatics of Human Relationships / A. B. Fisher, K. L. Adams. – New York: McGraw-Hill, 1994. – 462 p.
239. Flamson T., Barrett H. C. The Encryption Theory of Humor: A Knowledge-Based Mechanism of Honest Signaling / T. Flamson, H. C. Barrett // Journal of Evolutionary Psychology. – Vol. 6(4). – 2008. – P. 261-281.
240. Flury J. M., Ickes W. Having a Weak Versus Strong Sense of Self: The Sense of Self Scale (SOSS) / J. M. Flury, W. Ickes // Self Identity. – Vol. 6. – 2007. – P. 281-303. – Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15298860601033208> (17.05.2024).
241. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2005. – 424 p.
242. Fraser B. Conversational Mitigation / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – Vol. 4(4). – 1980. – P. 341-350.
243. Frazier T. W., et al. Behavioral and Cognitive Characteristics of Females and Males With Autism in the Simons Simplex Collection / T. W. Frazier, S. Georgiades, S. L. Bishop, A. Y. Hardan // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – Vol. 53(3). – P. 329-340. – Retrieved from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24565360/> (15.02.2024).
244. Freud S. Mourning and Melancholia / S. Freud // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. – Vol. XIV (1914-1916): On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. – London: The Hogarth Press, 1917. – P. 237-258.
245. German T. P., Nichols S. Children's Counterfactual Inferences about Long and Short Causal Chains / T. P. German, S. Nichols // Developmental Science. – Vol. 6(5). – 2003. – P. 514-523.

246. Geurts H. M., et al. The Paradox of Cognitive Flexibility in Autism / H. M. Geurts, B. Corbett, M. Solomon // Trends in Cognitive Sciences. – Vol. 13(2). – (2009). – P. 74-82. – Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5538880/> (23.04.2024).
247. Gevezova M., Sarafian V., Anderson G., Maes M. Inflammation and Mitochondrial Dysfunction in Autism Spectrum Disorder / // CNS Neurol. Disord.: Drug Targets. – Vol. 19. – 2020. – P. 320-333.
248. Gilbert P., et al. Criticizing and Reassuring Oneself: An Exploration of Forms, Styles and Reasons in Female Students / P. Gilbert, M. Clarke, S. Hempel, J. N. V. Miles, C. Irons // British Journal of Clinical Psychology. – Vol. 43(1). – 2004. – P. 31-50.
249. Gilbert P., et al. Investigating Relationships between Perfectionism, Forms and Functions of Self-Criticism, and Sensitivity to Put-Down / P. Gilbert, R. Durrant, K. McEwan // Personality and Individual Differences. – Vol. 41(7). – 2006. – P. 1299-1308.
250. Gilbert P., Procter. S. Compassionate Mind Training for People with High Shame and Self-Criticism: Overview and Pilot Study of a Group Therapy Approach / P. Gilbert., S. Procter // Clinical Psychology & Psychotherapy. – Vol. 13. – 2006. – P. 353-379. – Retrieved from: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/cpp.507> (15.05.2024).
251. Gilovich T., Wang R. F., Regan D., Nishina S. Regrets of Action and Inaction Across Cultures / T. Gilovich, R. F. Wang, D. Regan, S. Nishina // Journal of Cross-Cultural Psychology. – Vol. 34. – 2003. – P. 61-71. – Retrieved from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022022102239155> (11.12.2023).
252. Goldman S. R. Learning from text: Reflections on the past and suggestions for the future // Discourse Processes. –1997. – № 23. – P. 357-398.
253. Green R. M., Travers A. M., Howe Y., McDougale C. J. Women and Autism Spectrum Disorder: Diagnosis and Implications for Treatment of Adolescents and Adults / R. M. Green, A. M. Travers, Y. Howe, C. J. McDougale // Current psychiatry reports. – Vol. 21. – 2019. – Retrieved from:

- <https://www.deepdyve.com/lp/springer-journal/women-and-autism-spectrum-disorder-diagnosis-and-implications-for-yYICY7IAmJ?key=springer>
(15.02.2024).
254. Grewell G. *Rhetoric of Ridicule* / G. Grewell. – University of Arizona, 2013. – 310 p
255. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. / H. P. Grice. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 394 p.
256. Gross, J. J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review. – *Rev. General Psychol.* – Vol. 2, № 3. – 1998. – P. 271-299.
257. Guyer J. J., Vaughan-Johnston T. I. *Social Comparisons (Upward and Downward)* / J. J. Guyer, T. I. Vaughan-Johnston // *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. – Vol. 1-5. – 2018.
258. Halamová J., Kanovský M., Gilbert P. et al. The Factor Structure of the Forms of Self-Criticising / Attacking & Self-Reassuring Scale in Thirteen Distinct Populations / J. Halamová, M. Kanovský, P. Gilbert, et al. // *Journal of Psychopathol. Behav. Assess.* – Vol. 40. – 2018. – P. 736-751. – Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10862-018-9686-2#Abs1>
(08.07.2024).
259. Happé F. G. E. *Communicative Competence and Theory of Mind in Autism: A Test of Relevance Theory* / F. G. E. Happé // *Cognition*. – Vol. 48. – 1993. – P. 101-119.
260. Happé F. G. E. *Understanding Minds and Metaphors: Insight from the Study of Figurative Language in Autism* / F. G. E. Happé // *Metaphor and Symbolic Activity*. – Vol. 10(4). – 1995. – P. 275-295.
261. Hartley P. *Interpersonal Communication* / P. Hartley. – 2nd edn. – London: Routledge, 1999. – 264 p.
262. Hartley S. L., Sikora D. M. Sex Differences in Autism Spectrum Disorder: An Examination of Developmental Functioning, Autistic Symptoms, and Coexisting Behavior Problems in Toddlers / S. L. Hartley, D. M. Sikora // *J Autism Dev Disord.* – Vol. 39(12). – 2009. – P. 1715-1722. – Retrieved from:

- <https://www.deepdyve.com/lp/springer-journal/sex-differences-in-autism-spectrum-disorder-an-examination-of-a5nb4ZKlaU?key=springer> (15.02.2024).
263. Hietalahti J. 06. Laughing at Oneself: On the New Social Character / J. Hietalahti // *Studies in Social and Political Thought*. – Vol. 25. – 2015. – P. 116-131. – Retrieved from: <https://journals.sussex.ac.uk/article/view/30> (10.05.2024).
264. Hodges H., Fealko C., Soares N. Autism Spectrum Disorder: Definition, Epidemiology, Causes, and Clinical Evaluation / H. Hodges, C. Fealko, N. Soares // *Transl Pediatr*. – Vol. 9. – 2020. – P. 55-65. – Retrieved from: <https://tp.amegroups.org/article/view/30253/28323> (10.05.2024).
265. Holtgraves T. M. Language as Social Action: Social Psychology and Language Use / T. M. Holtgraves. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. – 248 p.
266. Honeycutt J. M., et al. Intrapersonal Communication and Imagined Interactions. An Integrated Approach to Communication Theory and Research / J. M. Honeycutt, Ch. M. Mapp, K. A. Nasser, J. M. Banner. 2019. – P. 321-332. – Retrieved from: https://www.academia.edu/685589/Intrapersonal_communication_and_imagined_interaction (08.07.2024).
267. Huang A. X., et al. Understanding the Self in Individuals with Autism Spectrum Disorders (ASD): A Review of Literature / A. X. Huang, T. L. Hughes, L. R. Sutton, M. Lawrence, X. Chen, Z. Ji, W. Zeleke // *Frontiers in Psychology*. – Vol. 8: 1422. – 2017. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2017.01422/full> (11.01.2024).
268. Hundsnurscher F. Sprachliche Äußerungen als Bindeglied zwischen Sprechsituationen und Kommunikationszwecken / F. Hundsnurscher // *Sprache in Situation. Eine Zwischenbilanz*. – Bonn: Romanistischer. Verlag, 1989. – S. 115-154.
269. In conversation with ... // *The Penguin Post*. – Penguin Random House Africa – Vol. 24. – May/ June 2023. – P. 13. – Retrieved from:

https://www.penguinrandomhouse.co.za/sites/penguinbooks.co.za/files/PENGUINPOST24_PAPERTURN_Low%20res.pdf (15.04.2024).

270. Jiang M., et al. Autism Spectrum Disorder Research: Knowledge Mapping of Progress and Focus between 2011 and 2022 / M. Jiang, T. Lu, K. Yang, X. Li, L. Zhao, D. Zhang, J. Li, L. Wang // *Frontiers in Psychiatry*. – Vol. 14. – 2023. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2023.1096769/full> (12.11.2023).
271. Jolliffe T., Baron-Cohen S. A Test of Central Coherence Theory: Can Adults with High-Functioning Autism or Asperger Syndrome Integrate Fragments of an Object? / T. Jolliffe, S. Baron-Cohen // *Cognitive Neuropsychiatry*. – Vol. 6. – 2001. – P. 193-216.
272. Jones E. J. H., et al. Developmental Pathways to Autism: A Review of Prospective Studies of Infants at Risk / E. J. H. Jones, T. Gliga, R. Bedford, T. Charman, M. H. Johnson // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – Vol. 39. – 2014. – Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0149763413002984?via%3Dihub> (12.02.2024).
273. Kaland N., et al. A New ‘Advanced’ Test of Theory of Mind: Evidence from Children and Adolescents with Asperger Syndrome / N. Kaland, A. Møller-Nielsen, K. Callesen, E. L. Mortensen, D. Gottlieb, L. Smith // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – Vol. 43(4). – 2002. – P. 517-528. Retrieved from: <https://acamh.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1469-7610.00042?sid=nlm%3Apubmed> (16.02.2024).
274. Kalandadze T., et al. Figurative Language Comprehension in Individuals with Autism Spectrum Disorder: A Meta-Analytic Review / T. Kalandadze, C. Norbury, T. Nærland, K. B. Næss // *Autism: The International Journal of Research and Practice*. – Vol. 22(2). – 2018. – P. 99-117. – Retrieved from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27899711/> (16.02.2024).

275. Kellermann K. Communication: Inherently Strategic and Primarily Automatic / K. Kellermann // *Communication Monographs*. – Vol. 59. – 1992. – P. 288–300.
276. Kelly A. C., Zuroff D. C., Shapira L. B. Soothing Oneself and Resisting Self-Attacks: The Treatment of Two Intrapersonal Deficits in Depression Vulnerability / A. C. Kelly, D. C. Zuroff, L. B. Shapira // *Cognitive Therapy and Research*. – Vol. 33(3). – 2008. – P. 301-313. – Retrieved from: <https://www.deepdyve.com/lp/springer-journal/soothing-oneself-and-resisting-self-attacks-the-treatment-of-two-aZOA87LFQf?key=springer> (10.10.2023).
277. Kim S. H., Lord C. Restricted and Repetitive Behaviors in Toddlers and Preschoolers with Autism Spectrum Disorders Based on The Autism Diagnostic Observation Schedule (ADOS) / S. H. Kim, C. Lord // *Official Journal of the International Society for Autism Research*. – Vol. 3(4). – 2010. – P. 162-173. – Retrieved from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/aur.142> (10.10.2023).
278. Kottler J. A. *The Language of Tears* / J. A. Kottler. – US: Jossey-Bass Inc, 1996. – 242 p.
279. Kray L. J., et al. From What Might Have Been to What Must Have Been: Counterfactual Thinking Creates Meaning / L. J. Kray, L. G. George, K. A. Liljenquist, A. D. Galinsky, P. E. Tetlock, N. J. Roese // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 98(1). – 2010. – P. 106–118.
280. Kuiper N. A., Martin R. A., Olinger L. J. Coping Humour, Stress, and Cognitive Appraisals // *Canadian Journal of Behavioural Science*. – Vol. 25(1). – 1993. – P. 81-96.
281. Lai M. C., Lombardo M. V., Auyeung B., Chakrabarti B., Baron-Cohen S. Sex/Gender Differences and Autism: Setting the Scene for Future Research / M. C. Lai, M. V. Lombardo, B. Auyeung, B. Chakrabarti, S. Baron-Cohen // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. – Vol. 54(1). – 2015. – P. 11-24. – Retrieved from:

- https://www.pure.ed.ac.uk/ws/portalfiles/portal/18984742/Journal_PDF.pdf
(14.03.2024).
282. Lai M. C., Lombardo M. V., Pasco G., Ruigrok A. N. V., Wheelwright S. J., et al. A Behavioral Comparison of Male and Female Adults with High Functioning Autism Spectrum Conditions / M. C. Lai, M. V. Lombardo, G. Pasco, A. N. V. Ruigrok, S. J. Wheelwright, S. A. Sadek, Bh. Chakrabarti, S. Baron-Cohen // PLoS ONE. – Vol. 6(6): e20835. – 2011. – Retrieved from: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0020835>
(23.03.2024).
283. Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwachungen: pragma- und soziolinguistische Untersuchungen / M. Langner. – Munster: Nodus-Publ., 1994. – 253 p.
284. Lecci L., Okun M. A., Karoly P. Life Regrets and Current Goals as Predictors of Psychological Adjustment / L. Lecci, M. Okun, P. Karoly // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 66(4). – 1994. – P. 731-741.
285. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – L.: Longman, 1983. – 250 p.
286. Lemon J. M., Gargaro B., Enticott P.G., et al. Brief Report: Executive Functioning in Autism Spectrum Disorders: A Gender Comparison of Response Inhibition / J. M. Lemon, B. Gargaro, P. G. Enticott, N. J. Rinehart // J Autism Dev Disord. – Vol. 41. – 2010. – P. 352-356. – Retrieved from: <https://www.deepdyve.com/lp/springer-journal/brief-report-executive-functioning-in-autism-spectrum-disorders-a-S1WkOt02tv?key=springer>
(19.04.2024).
287. Levy D. M. Communicative Goals and Strategies: Between Discourse and Syntax in Discourse and Syntax / D. M. Levy. Syntax and Semantics. – Vol. 12. – New York: Academic Press, 1979. – P. 183-210.
288. Liu Z., et al. Why Do I Seek Negative Feedback? Assessment Orientation, Self-Criticism, and Negative Feedback-Seeking / Z. Liu, Q. Yuan¹, Sh. Qian, M. Ellenberg, A. W. Kruglanski // Front. Psychol. – Vol. 12: 709261. – 2021. –

- Retrieved from:
<https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.709261/full> (25.07.2023).
289. Longe O., et al. Having a Word with Yourself: Neural Correlates of Self-Criticism and Self-Reassurance / O. Longe, F. A. Maratos, P. Gilbert, F. Volker, H. Rockliff, G. Rippon // *NeuroImage*. – Vol. 49(2). – 2010. – P. 1849-1856 – Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1053811909009987?via%3Dihub> (01.09.2023).
290. Loomes, R., Hull, L., & Mandy, W. P. L. (2017). What Is the Male-to-Female Ratio in Autism Spectrum Disorder? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. – Vol. 56(6). – P. 466-474. – Retrieved from: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1558343/1/Loomes.pdf> (12.02.2024).
291. Lynch O. H. Humorous Communication: Finding a Place for Humor in Communication Research / O. H. Lynch // *Communication Theory*. – Vol. 12, №4. – 2002. – P. 423-445.
292. Mandic-Maravic, V.; Pejovic-Milovancevic, M.; Mitkovic-Voncina, et al. Sex Differences in Autism Spectrum Disorders: Does Sex Moderate the Pathway from Clinical Symptoms to Adaptive Behavior? / V. Mandic-Maravic, M. Pejovic-Milovancevic, M. Mitkovic-Voncina, M. Kostic, O. Aleksic-Hill, J. Radosavljev-Kircanski, T. Mincic, D. Lecic-Tosevski // *Scientific Reports*. – Vol. 5. – 2015. – Retrieved from: <https://www.nature.com/articles/srep10418#citeas> (13.02.2024).
293. Markman K. D., Gavanski I., Sherman S. J., McMullen M. N. The Mental Simulation of Better and Worse Possible Worlds / K. D. Markman, I. Gavanski, S. J. Sherman, M. N. McMullen // *Journal of Experimental Social Psychology*. – Vol. 29 (1). – 1993. – P. 87-109. – Retrieved from: <https://philarchive.org/rec/MARTMS-10> (16.01.2024).
294. Markman K. D., McMullen M. N., Elizaga R. A. Counterfactual Thinking, Persistence, and Performance: A Test of the Reflection and Evaluation Model /

- K. D. Markman, M. N. McMullen, R. A. Elizaga // *Journal of Experimental Social Psychology*. – Vol. 44(2). – 2008. – P. 421-428.
295. Markman K. D., Miller A. K. Depression, Control, and Counterfactual Thinking: Functional for Whom? / K. D. Markman, A. K. Miller // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – Vol. 25(2). – 2006. – P. 210-227. – Retrieved from: <https://philpapers.org/archive/MARDCA-20.pdf> (18.02.2024).
296. Martin I., McDonald S. An Exploration of Causes of Non-Literal Language Problems in Individuals with Asperger Syndrome / // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – Vol. 34(3). – 2004. – P. 311-328.
297. Martin I., McDonald S. Weak Coherence, No Theory of Mind, or Executive Dysfunction? Solving the Puzzle of Pragmatic Language Disorders / I. Martin, S. McDonald // *Brain and Language*. – Vol. 85(3). – 2003. P. 451-466. – Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0093934X03000701?via%3Dihub> (18.02.2024).
298. Martin R. A. *The Psychology of Humor: An Integrative Approach* / R. A. Martin. – New York: Elsevier Academic Press, 2007. – 446 p.
299. Martin R. A., et al. Individual Differences in Uses of Humor and Their Relation to Psychological Well-Being: Development of the Humor Styles Questionnaire / R. A. Martin, P. Puhlik-Doris, G. Larsen, J. Gray, K. Weir // *Journal of Research in Personality*. – Vol. 37(1). – 2003. – P. 48-75.
300. Mashal N., Kasirer A. Research in Developmental Disabilities Principal Component Analysis Study of Visual and Verbal Metaphoric Comprehension in Children with Autism and Learning Disabilities / N. Mashal, A. Kasirer // *Research in Developmental Disabilities*. Vol. 33(1) – 2012. – P. 274-282.
301. Masini E., et al. An Overview of the Main Genetic, Epigenetic and Environmental Factors Involved in Autism Spectrum Disorder Focusing on Synaptic Activity / E. Masini, E. Loi, A. F. Vega-Benedetti, M. Carta, G. Doneddu, R. Fadda, P. Zavattari // *International Journal of Molecular Sciences*. – Vol. 21: 8290. – 2020. – Retrieved from: <https://www.mdpi.com/1422-0067/21/21/8290> (12.02.2024).

302. Mey J. L. *Pragmatics: An Introduction* / J. L. Mey. – 2nd ed. – USA, UK: Blackwell Publishers, 2001. – 418 p.
303. Miller E. K., Cohen J. D. *An Integrative Theory of Prefrontal Cortex Function* / E. L. Miller, J. D. Cohen // *Annual Review of Neuroscience*. – Vol. 24. – 2001. – P. 167-202.
304. Mongrain M., Vettese L. C., Shuster B., Kendal, N. *Perceptual Biases, Affect, and Behavior in Relationship of Dependents and Self-Critics* / M. Mongrain, L. C. Vettese, B. Shuster, N. Kendal // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 75(1). – 1998. – P. 230-241.
305. Montero-Marín J., Gaete J., Demarzo M., Rodero B., Serrano Lopez L. C., García-Campayo J. *Corrigendum: Self-Criticism: A Measure of Uncompassionate Behaviors Toward the Self, Based on the Negative Components of the Self-Compassion Scale* // *Front. Psychol.* – Vol. 11: 853. – 2020. – Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.00853/full> (18.08.2023).
306. Morin A. A. *Neurocognitive and Socioecological Model of Self-Awareness* / A. A. Morin // *Genet. Soc. Gen. Psychol. Monogr.* – Vol. 130(3). – 2004. P. 197-222.
307. Morin A. *Levels of Consciousness and Self-awareness: a Comparison and Integration of Various Neuro-cognitive Views* // *Consciousness and Cognition*. – Vol. 15(2). – 2006. – P. 358-371.
308. Mottron L., Burack J. A., Iarocci G., Belleville S., Enns J. T. *Locally Orientated Perception with Intact Global Processing among Adolescents with High-Functioning Autism: Evidence from Multiple Paradigms* / L. Mottron, J. A. Burack, G. Iarocci, S. Belleville, J. T. Enns // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – Vol. 44. – 2003. – P. 904-913.
309. Mussweiler T. *'Seek and ye shall find': Antecedents of Assimilation and Contrast in Social Comparison* / T. Mussweiler // *European Journal of Social Psychology*. – Vol. 31(5). – 2001a. – P. 499-509.

310. Mussweiler T. Focus of Comparison as a Determinant of Assimilation Versus Contrast in Social Comparison / T. Mussweiler // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – Vol. 27(1). – 2001b. – P. 38-47.
311. Naragon-Gainey K., Watson D. Personality, Structure / K. Naragon-Gainey, D. Watson // *Encyclopedia of Human Behavior*. – 2nd ed. – 2012. – P. 90-95.
312. National Autistic Society, *Stories from the Spectrum*. – Retrieved from: <https://www.autism.org.uk/advice-and-guidance/stories/stories-from-the-spectrum-elle-mcnicoll> (10.05.2024).
313. Norbury C. F. Factors Supporting Idiom Comprehension in Children with Communication Disorders / C. F. Norbury // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – Vol. 47(5). – 2004. – P. 1179-1193.
314. Norbury C. F. The Relationship Between Theory of Mind and Metaphor: Evidence from Children with Language Impairment and Autistic Spectrum Disorder / C. F. Norbury // *British Journal of Developmental Psychology*. – Vol. 23. – 2005. – P. 383-399.
315. O’Riordan M. A., Plaisted K. C., Driver J., Baron-Cohen S. Superior Visual Search in Autism / M. A. O’Riordan, K. C. Plaisted, J. Driver, S. Baron-Cohen // *Journal of Experimental Psychology. Human Perception and Performance*. – Vol. 27(3). – 2001. – P. 719-730.
316. Oettingen G., Pak H., Schnetter K. Self-Regulation of Goal Setting: Turning Free Fantasies about the Future into Binding Goals / G. Oettingen, H. Pak, K. Schnetter // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 80(5). – 2001. – P. 736-753.
317. Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The Measurement of Meaning* / Ch. E. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. – Urbana, ILL: University of Illinois Press, 1957. – 342 p.
318. Oswald T. M., Winter-Messiers M.A., Gibson B., et al. Sex Differences in Internalizing Problems During Adolescence in Autism Spectrum Disorder / T. M. Oswald, M. A. Winter-Messiers, B. Gibson, A. M. Schmidt, C. M. Herr, M. Solomon // *J. Autism Dev. Disord.* – Vol. 46. – 2016. – P. 624-636.

319. Ozel-Kizil E. T., et al. Hyperfocusing as A Dimension of Adult Attention Deficit Hyperactivity Disorder / E. T. Ozel-Kizil, A. Kokurcan, U. M. Aksoy, B. B. Kanat, D. Sakarya, G. Bastug, B. Colak, U. Altunoz, S. Kirici, H. Demirbas, B. Oncu // *Research in Developmental Disabilities*. – Vol. 59. – 2016. – P. 351-358.
320. Perner J., Sprung M., Steinkogler B. Counterfactual Conditionals and False Belief: A Developmental Dissociation / J. Perner, M. Sprung, B. Steinkogler // *Cognitive Development*. – Vol. 19. – 2004. – P. 179-201.
321. Petric D. The Knot Theory of Mind / D. Petric // *Open Journal of Medical Psychology*. – Vol. 11. – 2022. – P. 1-11. – Retrieved from: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=114418> (24.09.2023).
322. Pollio H. R., Swanson C. A Behavioural and Phenomenological Analysis of Audience Reactions to Comic Performance / H. R. Pollio, C. Swanson // *Humor: International Journal of Humor Research*. – Vol. 8(1). – 1995. – P. 5-28.
323. Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology* / J. Potter, M. Wetherell. – London: Sage, 1987. – 256 p.
324. Pouscoulous N. “The Elevator’s Buttocks”: Metaphorical Abilities in Children. In D. Matthews (eds) // *Pragmatic Development in First Language Acquisition*. – Amsterdam: John Benjamins, 2014. – P. 239-259.
325. Powers T. A., et al. Self-Criticism, Goal Motivation, and Goal Progress / T. A. Powers, K. Richard, D. C. Zuroff David // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – Vol. 26(7). – 2007. – P. 826-840.
326. Powers T. A., Zuroff D. C., Topciu R. A. Covert and Overt Expressions of Self-Criticism and Perfectionism and Their Relation to Depression / T. A. Powers, D. C. Zuroff, R. A. Topciu // *European Journal of Personality*. – Vol. 18. – 2004. – P. 61-72.
327. Provine R. R. Laughter Punctuates Speech: Linguistic, Social and Gender Contexts of Laughter / R. R. Provine // *Ethology*. – Vol. 95. – 1993. – P. 291-298.

328. Provine R. R., Fischer K. R. Laughing, Smiling and Talking: Relation to Sleeping and Social Context in Humans / R. R. Provine, K. R. Fischer // *Ethology*. – Vol. 83. – 1989. – P. 295-305.
329. Rawlings M. R., Findlay B. M. A Scale for Self-Deprecating Humour. Paper presented at the Colloquium of the Australian Humour Studies Network. Session 2a. – Australia, Newcastle: The University of Newcastle. – 2013.
330. Rector N. A., Bagby R. M., Segal, Z. V., Joffe R. T, Levitt A. Self-Criticism and Dependency in Depressed Patients Treated with Cognitive Therapy or Pharmacotherapy / N. A. Rector, R. M. Bagby, Z. V. Segal, R. T. Joffe, A. Levitt // *Cognitive Therapy & Research*. – Vol. 24(5). – 2000. – P. 571-584.
331. Reinhardt V. P., Wetherby A. M., Schatschneider C., Lord C. Examination of Sex Differences in A Large Sample of Young Children with Autism Spectrum Disorder and Typical Development / V. P. Reinhardt, A. M. Wetherby, C. Schatschneider, C. Lord // *J. Autism Dev. Disord.* – Vol. 45. – 2015. – P. 697-706.
332. Richdale A. L., Schreck K. A. Sleep problems in Autism Spectrum Disorders: Prevalence, Nature, & Possible Biopsychosocial Aetiologies / A. L. Richdale, K. A. Schreck // *Sleep Med. Rev.* – Vol. 13. – 2009. – P. 403-411.
333. Roese N. Counterfactual Thinking / Roese N. // *Psychological Bulletin*. – Vol. 121(1). – 1997. – P. 133-148.
334. Roese N. Counterfactual Thinking and Decision Making / Roese N. // *Psychonomic Bulletin & Review*. – Vol. 6. – 1999. – P. 570-578. – Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.3758/BF03212965> (12.11.2023).
335. Roese N. J., Epstude K. The Functional Theory of Counterfactual Thinking: New Evidence, New Challenges, New Insights, Editor(s): James M. Olson / N. J. Roese, K. Epstude // *Advances in Experimental Social Psychology*. – Vol. 56. – 2017. – P. 1-79. – Retrieved from: <https://research.rug.nl/en/publications/the-functional-theory-of-counterfactual-thinking-new-evidence-new> (15.09.2023).

336. Roese N. J., Olson J. M. Counterfactual Thinking: The Intersection of Affect and Function / N. J. Roese, J. M. Olson // *Advances in Experimental Social Psychology*. – Vol. 29. – 1997. – P. 1-59.
337. Roese N., Olson J. M. Self-Esteem and Counterfactual Thinking / N. Roese, J. M. Olson // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 65(1). – 1993. – P. 199-206.
338. Ronga I., Bazzanella C., Rossi F., Iannetti G. D. Linguistic Synaesthesia, Perceptual Synaesthesia, and the Interaction Between Multiple Sensory Modalities // *Pragmatics & Cognition*. – 2012. – Vol. 20. – P. 135-167.
339. Rossignol D. A., Frye R. E. A review of Research Trends in Physiological Abnormalities in Autism Spectrum Disorders: Immune Dysregulation, Inflammation, Oxidative Stress, Mitochondrial Dysfunction and Environmental Toxicant Exposures / D. A. Rossignol, R. E. Frye // *Mol. Psychiatr.* – Vol. 17. – 2012. – P. 389-401. – Retrieved from: <https://www.nature.com/articles/mp2011165> (12.02.2024).
340. Rundblad G., Annaz D. Development of Metaphor and Metonymy Comprehension: Receptive Vocabulary and Conceptual Knowledge / G. Rundblad, D. Annaz // *The British Journal of Developmental Psychology*. – Vol. 28. – 2010a. – P. 547-563.
341. Rundblad G., Annaz D. The Atypical Development of Metaphor and Metonymy Comprehension in Children with Autism / G. Rundblad, D. Annaz // *Autism: The International Journal of Research and Practice*. – Vol. 14(1). – 2010b. – P. 29-46.
342. Sagiv N., Ward J. Crossmodal Interactions: Lessons from Synesthesia // *Progress in Brain Research*. – 2006. – Vol. 155. – P. 259-271.
343. Samson A. C. Humor(lessness) Elucidated – Sense of Humor in Individuals with Autism Spectrum Disorders: Review and Introduction. Special Issue on Humor in Autism Spectrum Disorders / A. C. Samson // *International Journal of Humor Research*. – Vol. 26(3). – 2013. – P. 393-409.

344. Sanna L. J., et al. Counterfactual Thinking and Self-Motives / L. J. Sanna, E. C. Chang, S. Meier // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – Vol. 27(8). – 2001. – P. 1023-1034.
345. Sanna L. J., et al. Mood, Self-Esteem, and Simulated Alternatives: Thought-Provoking Affective Influences on Counterfactual Direction / L. J. Sanna, K. J. Turley Ames, S. Meier // *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 76(4). – 1999. – P. 543-558.
346. Sapienza Z. S., et al. Reading Lasswell's Model of Communication Backward: Three Scholarly Misconceptions / Z. S. Sapienza, N. Iyer, A. S. Veenstra // *Mass Communication & Society*. – Vol. 18. – 2015. – P. 599-622. – Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/15205436.2015.1063666> (27.09.2023).
347. Schneider M., Voracek M., Tran U. S. 'A Joke a Day Keeps the Doctor Away?' Meta-Analytical Evidence of Differential Associations of Habitual Humor Styles with Mental Health / M. Schneider, M. Voracek, U. S. Tran // *Scandinavian Journal of Psychology*. – Vol. 59(3). – 2018. – P. 289-300.
348. Searle J. R. *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts* / J. R. Searle // New York: Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
349. Searle J. R. *Indirect Speech Acts* // *Syntax and Semantics 3: Speech Acts* / In P. Cole & J. Morgan (Eds.). – New York: Academic Press, 1975. – P. 59-82.
350. Searle J. R. *Speech Acts* / J. R. Searle. – London: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
351. Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic* / J. R. Searle, D. Vanderveken // – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 227 p.
352. Shah A., Frith U. An Islet of Ability in Autism: A Research Note / A. Shah, U. Frith // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – Vol. 24. – 1983. – P. 613-620.
353. Shah A., Frith U. Why Do Autistic Individuals Show Superior Performance on the Block Design Test? / A. Shah, U. Frith // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – Vol. 34. – 1993. – P. 1351-1364.

354. Siller M., Sigman M. Modeling Longitudinal Change in the Language Abilities of Children with Autism: Parent Behaviors and Child Characteristics as Predictors of Change / M. Siller, M. Sigman // *Developmental Psychology*. – Vol. 44(6). – 2008. – P. 1691-1704.
355. Simione L., Gnagnarella C. Humor Coping Reduces the Positive Relationship between Avoidance Coping Strategies and Perceived Stress: A Moderation Analysis / L. Simione, C. Gnagnarella // *Behavioral sciences*. – Vol. 13(2). – 2023. – Retrieved from: <https://www.mdpi.com/2076-328X/13/2/179> (16.10.2023).
356. Singer J. A., Blagov P., Berry M., Oost K. M. Self-Defining Memories, Scripts, and the Life Story: Narrative Identity in Personality and Psychotherapy / J. A. Singer, P. Blagov, M. Berry, K. M. Oost // *Journal of Personality*. – Vol. 81(6). – 2013. – P. 569-582.
357. Stories from the Spectrum: Elle McNicoll. – Retrieved from: <https://www.autism.org.uk/advice-and-guidance/stories/stories-from-the-spectrum-elle-mcnicoll> (12.01.2024).
358. Sugden R. Regret, Recrimination and Rationality / R. Sugden // *Theory and Decision*. – Vol. 19(1). – 1985. – P. 77-99.
359. Toolan M. *Language in Literature: An Introduction to Stylistics*. – London: Arnold, 1998. – 250 p.
360. Valsiner J. The Flagellating Self / J. Valsiner // *The 9th International Conference on the Dialogical Self // The Symposium Dialogical Self Theory and Psychoanalysis, Lublin, Poland, 7-10 September, 2016*. – P. 1-17.
361. Van Wijngaarden-Cremers P. J., Van Eeten E., Groen W. B., Van Deurzen P. A., Oosterling I. J., Van der Gaag R. J. Gender and Age Differences in the Core Triad of Impairments in Autism Spectrum Disorders: A Systematic Review and Meta-Analysis / P. J. Van Wijngaarden-Cremers, E. Van Eeten, W. B. Groen, P. A. Van Deurzen, I. J. Oosterling, R. J. Van der Gaag // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – Vol. 44(3). – 2014. – P. 627-635.

362. Vicente A., et al. Literalism in Autistic People: A Predictive Processing Proposal / A. Vicente, C. Michel, V. Petrolini // *Review of Philosophy and Psychology*. – 2023. – Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/373523307_Literalism_in_Autistic_People_A_Predictive_Processing_Proposal (10.02.2024).
363. Vogindroukas I., et al. Language and Speech Characteristics in Autism / I. Vogindroukas, M. Stankova, E. N. Chelas, A. Proedrou // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. – Vol. 18. – 2022. – P. 2367-2377. – Retrieved from: <https://www.dovepress.com/language-and-speech-characteristics-in-autism-peer-reviewed-fulltext-article-NDT> (14.03.2024).
364. Vogindroukas I., Zikopoulou O. Idiom Understanding in People with Asperger Syndrome / High Functioning Autism / I. Vogindroukas, O. Zikopoulou // *Revista da Sociedade Brasileira de Fonoaudiologia*. – Vol. 16(4). – 2011. – P. 390-395. – Retrieved from: <https://www.scielo.br/j/rsbf/a/LJD96zHQM3FgCPhHYcq9RC/?lang=en> (22.10.2023).
365. Volkmar F. R., Szatmari P., Sparrow S. S. Sex Differences in Pervasive Developmental Disorders / F. R. Volkmar, P. Szatmari, S. S. Sparrow // *J. Autism Dev. Disord.* – Vol. 23. – 1993. – P. 579-591.
366. Ward J. Emotionally mediated synaesthesia // *Cognitive Neuropsychology*. – 2004. – Vol. 71. – P. 761-772.
367. Watkins E. Adaptive and Maladaptive Ruminative Self-Focus During Emotional Processing / E. Watkins // *Behaviour Research and Therapy*. – Vol. 42. – 2004. – P. 1037-1052.
368. Watkins E. Constructive and Unconstructive Repetitive Thought / E. Watkins // *Psychol. Bull.* – Vol. 134. – 2008. – P. 163-206. – Retrieved from: <https://psycnet.apa.org/fulltext/2008-01984-001.html> (19.10.2023).
369. Watkins E. Repetitive Thought / M. Robinson, E. Watkins, and E. Jaromn-Jones (Eds.) // *In Handbook of Cognition and Emotion*. – New York: Guildford Press, 2013. P. 383-400.

370. Watkins E. Ruminative-Focused Cognitive-Behavioral Therapy For Depression / E. Watkins. – New York: The Guilford Press, 2016. – 360 p.
371. Watkins E., Moulds M. Distinct Modes of Ruminative Self-Focus: Impact of Abstract Versus Concrete Rumination on Problem Solving in Depression / E. Watkins, M. Moulds // *Emotion*. – Vol. 5(3). – 2005. – P. 319-328.
372. Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. – UK: Taylor & Francis LTD, 2015. – 186 p.
373. Wehmeyer M. L., Shogren K. A. Self-Determination and Learners with Autism Spectrum Disorders // *Educating Children and Youth: Strategies for Effective Practice* / In R. Simpson, B. Myles (Eds.). – 2nd ed., Pro-Ed Publishers Inc.– 2008. – P. 433–476.
374. Whelton W. J., Greenberg L. S. Emotion in Self-Criticism / W. J. Whelton, L. S. Greenberg // *Personality and Individual Differences*. – Vol. 38. – 2005. – P. 1583-1595.
375. White S., et al. Anxiety in Children and Adolescents with Autism Spectrum Disorders / S. White, D. Oswald, T. H. Ollendick, L. Scahill // *Clin. Psychol. Rev.* – Vol. 29. – 2009. – P. 216-229.
376. Whyte E. M., Nelson K. E., Scherf K. S. Idiom, Syntax, and Advanced Theory of Mind Abilities in Children with Autism Spectrum Disorders / E. M. Whyte, K. E. Nelson, K. S. Scherf // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – Vol. 57(1). – 2014. – P. 120-130. – Retrieved from: <https://pubs.asha.org/doi/10.1044/1092-4388%282013/12-0308%29> (06.11.2023).
377. Wills T. A. Downward Comparison Principles in Social Psychology / T. A. Wills // *Psychological Bulletin*. – Vol. 90(2). – 1981. – P. 245-271.
378. Winter B. *Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor*. – John Benjamins: Amsterdam, Philadelphia, 2019. – 289 p.
379. Xie F., et al. Functional Echolalia in Autism Speech: Verbal Formulae and Repeated Prior Utterances as Communicative and Cognitive Strategies / F. Xie, E. Pascual, T. Oakley // *Frontiers in Psychology*. – Vol. 14. – 2023. –

Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1010615/full> (21.04.2024).

380. Yoon S. H., Choi J., Lee W. J., Do J. T. Genetic and Epigenetic Etiology Underlying Autism Spectrum Disorder // Journal of clinical medicine. – Vol. 9(4). – 2020. – Retrieved from: <https://www.mdpi.com/2077-0383/9/4/966> (29.02.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь / Авдеева Н. Н. и др. / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 666 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 666 с.
4. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – 2000. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/259315/Упрек> (дата обращения 04.07.2023).
5. Немов Р. С. Психологический словарь [Текст] / Р. С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 53000 слов [Текст] / С. И. Ожегов – 8-е издание, стереотип. – М., «Сов. Энциклопедия», 1970. – 900 с.
7. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 440 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С. Ящурный / сост.: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1500 с.
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

10. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). All over the place. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/all-over-the-place>
11. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Apostate. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/apostate?q=Apostate>
12. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Back-stabber. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/backstabber>
13. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Betrayal. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/betrayal>
14. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Betrayer. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/betrayer?q=Betrayer>
15. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Bonkers. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bonkers>
16. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Break a promise. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/promise?q=break+a+promise>
17. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Burst a blood vessel. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/almost-burst-a-blood-vessel?q=burst+a+blood+vessel>
18. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Burst into tears. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/burst-into-tears>
19. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Childish. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/childish>

20. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Colossal. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/colossal?q=Colossal>
21. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Coward. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/coward>
22. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Dated. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dated?q=Dated>
23. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Dosser. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dosser?q=Dosser>
24. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Excruciating. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/excruciating?q=Excruciating>
25. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Fail. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fail>
26. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Fault. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fault>
27. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Fink. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fink>
28. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Gargantuan. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gargantuan>
29. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Geek. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/geek>

30. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Grating. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/grating>
31. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Horrendous. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/horrendous?q=Horrendous>
32. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Horrible. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/horrible>
33. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Idiot. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/idiot>
34. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). In the wrong. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/in-the-wrong>
35. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Late. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/late>
36. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Make the most of smth. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/make-the-most-of?q=make+the+most+of+something>
37. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Miscreant. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/miscreant?q=Miscreant>
38. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Mistake. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mistake>
39. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Oh my God. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/oh-my-god>

40. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Pathetic. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pathetic>
41. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Quisling. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/quisling?q=Quisling>
42. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Relentlessly. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/relentlessly>
43. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Rock bottom. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rock-bottom>
44. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Rubbish. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rubbish?q=Rubbish>
45. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Self-flagellation. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/self-flagellation?q=Self-flagellation>
46. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Selfish. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/selfish>
47. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Sugar. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sugar>
48. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Take for granted. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/take-for-granted>
49. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Tipsy. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/tipsy>

50. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). To make a mess of. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mess?q=make+a+mess>
51. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Ugh. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ugh?q=Ugh>
52. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Unlikeable. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/unlikeable>
53. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Up in the air. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/up-in-the-air>
54. Cambridge Dictionary Online. (2024, July 11). Whopping. *In Cambridge Dictionary Online*. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/whopping>
55. Collins English Dictionary. (2024, July 11). Reproach. *In Collins English Dictionary*. Retrieved from: <https://www.collinsdictionary.com/search/?dictCode=english&q=reproach>
56. Longman Dictionary of Contemporary English. (2024, July 11). Reproach. *In Longman Dictionary of Contemporary English*. Retrieved from: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/reproach>
57. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Blame. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/blame>
58. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Reproach. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/reproach>
59. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Rundown. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/rundown>

60. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Self-flagellation. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/self-flagellation>
61. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Snake. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/snake>
62. Merriam-Webster Dictionary. (2024, July 11). Squat. *In Merriam-Webster Dictionary*. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/squat>
63. Oxford Dictionary Online. (2024, July 11). Self-flagellation. *In Oxford English Dictionary*. Retrieved from: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=Self-flagellation>
64. Oxford English Dictionary. (2024, July 11). Blame. *In Oxford English Dictionary*. Retrieved from: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=blame>
65. Oxford English Dictionary. (2024, July 11). Reproach. *In Oxford English Dictionary*. Retrieved from: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=reproach>
66. Oxford Learner's Dictionary Online. (2024, July 11). Idiot. *In Oxford Learner's Dictionary Online*. Retrieved from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/idiot?q=idiot>
67. Oxford Learner's Thesaurus, a Dictionary of Synonyms. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1008 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Docx E. *The Calligrapher*. – London: Fourth Estate, 2003. – 431 p. – The electronic version of print. publ.
2. Gayle. M. *Dinner for Two*. – London: Flame, 2002. – 364 p.
3. Gayle M. *Seeing Other People*. – London: Hodder & Stoughton, 2014. – 368 p. – The electronic version of print. publ.

4. Gayle M. *Turning Thirty*. – London: Flame, 2000. – 350 p.
5. Gayle. M. *The Museum of Ordinary People*. – New York: Grand Central Publishing, 2023. – 336 p. – The electronic version of print. publ.
6. Gayle M. *Turning Forty*. – London: Hodder & Stoughton, 2013. – 416 p. – The electronic version of print. publ.
7. Kinsella S. *My Not So Perfect Life*. – London: Black Swan, 2017. – 438 p.
8. Kinsella S. *The UnDomestic Goddess*. – London: Black Swan, 2006. – 417 p.
9. Smale H. *Head Over Heels* [e-book]. – London: HarperCollins, 2016. – 402 p. – The electronic version of print. publ.
10. Smale H. *Picture Perfect* [e-book]. – London: HarperCollins, 2014. – 407 p. – The electronic version of print. publ.
11. Smale H. *Geek Girl* [e-book]. – London: HarperCollins, 2013a. 356 p. – The electronic version of print. publ.
12. Smale H. *Model Misfit* [e-book]. – London: HarperCollins, 2013b. – 400 p. – The electronic version of print. publ.
13. Smale H. *All That Glitters* [e-book]. – London: HarperCollins, 2015a. – 464 p. – The electronic version of print. publ.
14. Smale H. *The Cassandra Complex* [e-book]. – UK: Century, 2023. – 422 p. – The electronic version of print. publ.
15. Smale H. *Forever Geek* [e-book]. – London: HarperCollins, 2017. – 432 p. – The electronic version of print. publ.
16. Smale H. *Geek Drama* [e-book]. – London: HarperCollins, 2015c. – 128 p. – The electronic version of print. publ.
17. Smale H. *Sunny Side Up* [e-book]. – London: HarperCollins, 2016b. – 224 p. – The electronic version of print. publ.
18. Smale H. *All Wrapped Up* [e-book]. – London: HarperCollins. 2015b. – 224 p. – The electronic version of print. publ.
19. McNicoll E. *A Kind of Spark* [e-book]. – London: Knights of Ltd., 2021a. – 192 p. – The electronic version of print. publ.

20. McNicoll E. Show Us Who You Are [e-book]. – London: Knights of Ltd., 2021b. – 208 p. – The electronic version of print. publ.
21. McNicoll E. Like a Charm [e-book]. – London: Knights of Ltd., 2022. – 320 p. – The electronic version of print. publ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент таблицы «Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие деструктивную и конструктивную самокритику»

Пример	Стратегия	Тактика	Маркеры	Эмоции	Примечание
“The words sounded awful even as I was saying them.” [Docx, 2003: 126]	стратегия самонаказания (деструктивная самокритика (Д. СК))	тактика самоупрёка	<ul style="list-style-type: none"> “(sounded) awful” – “extremely bad or unpleasant” [Cambridge Dictionary Online]; 	стыд, смущение	Самокритика деструктивна, поскольку она содержит исключительно самоосуждение, а также приводит к более негативной самооценке и влияет на уверенность говорящего в себе.
“I should never have gone along with Bidy’s version of events.” [Kinsella, 2017: 180]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самоупрёка	<ul style="list-style-type: none"> “should never have gone along”; 	разочарование, вина	Самокритика деструктивна, поскольку девушка не предпринимает никаких действий, направленных на решение проблемы. напротив, в дальнейшем продолжает корить себя.
“I hated myself for even thinking what I said next.” [Docx, 2003: 98]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самоупрёка	<ul style="list-style-type: none"> “to hate”; наречие “even” интенсифицирует самокритику; 	злость, ненависть, вина	Использование лексемы “hate” предполагает глубокий уровень обиды на себя,

					выходящий за рамки конструктивной критики.
“ I should not have started that sentence.” [Kinsella, 2006: 248]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самоупрёка	<ul style="list-style-type: none"> • “should not have started” 	разочарование	Самокритика деструктивна, поскольку высказывание выражает исключительно негативную оценку. Героиня не предпринимает никаких действий, направленных на решение проблемы.
“<...> head out of the barn to the yard, where I give vent to my feelings by kicking a bale of hay. I don't know what I was hoping to achieve this morning ... but none of it has come out quite right. ” [Kinsella, 2017: 235]	стратегия самокоррекции (конструктивная самокритика (К. СК))	тактика самоупрёка	<ul style="list-style-type: none"> • “to give vent to my feelings by kicking a bale of hay” невербальное средство выражения негативных эмоций (to give vent to – “to express a negative emotion in a forceful and often unfair way” [Cambridge Dictionary Online: URL]); • “<i>none</i> of it come out quite right”; • “quite” смягчает негативную оценку; • графическое выделение “<i>none</i>” (эмфатизация); 	раздражение, злость,	Девушка признаёт, что вела себя некорректно по отношению к её бывшему руководителю. В дальнейшем изменяет своё поведение: “Enough with the obsessing <...>. Time to move on” [Kinsella, 2017: 236].

<p>“I have a sudden memory of her lying on the muddy grass <...>, and bite my lip. Maybe that was a bit harsh. Maybe it’s all been a bit harsh.”</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика самоупрёка</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “bite my lip” – невербальный знак, передающий сожаление; • анафора; • модальное слово “maybe”, наречие “a bit” смягчают негативную оценку; • лексический повтор “a bit harsh”; • отрицательно-оценочная лексема “harsh” (“unpleasant, unkind, cruel, or more severe than is necessary” Cambridge Dictionary Online: URL); 	<p>разочарование, вина</p>	<p>Самокритика конструктивная, поскольку девушка не только признаёт допущенную ошибку, но и корректирует своё поведение.</p>
<p>“Maybe I shouldn’t be so cynical, I tell myself. Maybe he has lots of buyers lined up and all this will be gone by tomorrow.” [Kinsella, 2017: 61]”</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика самоупрёка</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “shouldn’t be so cynical” 	<p>неуверенность</p>	<p>Героиня не концентрируется на самообвинении или сожалении, напротив, она анализирует ситуацию.</p>
<p>“Now that I had completed a stanza, I was beginning to feel that I hadn’t left quite enough space: the verse-to-versal proportion looked wrong. I would have to rethink and start over.” [Docx, 2003: 44]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика самоупрёка</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “I hadn’t left quite enough space”; • “wrong” – “not correct” [Cambridge Dictionary Online]; 	<p>разочарование</p>	<p>Говорящий признает допущенную ошибку в своей работе, что приводит его к осознанию необходимости переделать работу (“I would have to rethink and start over”).</p>

<p>“With my head still stuck out of the window like some early-disturbed village idiot, gaping down from his hay loft, and conscious all the while that at my back, and doubtless speculating from the cool vantage of her many pillows, Cécile was also roused <...>” [Docx, 2003: 46-47]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самооскорбления</p>	<ul style="list-style-type: none"> сравнение + “idiot” – “a rude word used when expressing extreme anger, or to add force to what is being said” [Cambridge Dictionary Online]; “village idiot – a person in a village who is thought to be stupid; a stupid person” [Oxford Dictionary Online]; 	<p>смущение, беспокойство, злость</p>	<p>Сравнение с «village idiot» является примером самооскорбления. Самокритика деструктивна, поскольку говорящий резко критикует себя, негативная оценка не способствует конструктивному разрешению проблемы.</p>
<p>“I sound insane. Maybe I <i>am insane</i>.” [Kinsella, 2006: 305]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самооскорбления</p>	<ul style="list-style-type: none"> “insane” – “inf., very stupid, unreasonable, or dangerous” [Cambridge Dictionary Online: URL]; 	<p>фрустрация, тревога</p>	<p>Самокритика деструктивна, поскольку высказывание выражает исключительно негативную оценку, а также оказывает отрицательное влияние на эмоциональное состояние героини: “I lean forward and rest my head hopelessly on my hands. No one’s ever going to believe me. Or even listen to me”.</p>

<p>“And I trusted him. Totally and utterly. Like a stupid, stupid gullible fool.” [Kinsella, 2006: 302]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самооскорбления</p>	<ul style="list-style-type: none"> • сравнение “like a fool”, содержащее инвективы “fool”, “stupid”; • лексический повтор отрицательно-оценочной лексемы “stupid”; • негативно-окрашенная лексема “gullible” (“easily deceived or tricked, and too willing to believe everything that other people say” [Cambridge Dictionary Online: URL]); • парцелляция; 	<p>злость, фрустрация</p>	<p>Резкое негативная оценка в свой адрес не способствует конструктивному принятию решения.</p>
<p>“(<...> And what a fool I must have seemed to her as I garbled inanities into the receiver.)” [Docx, 2003: 333]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самооскорбления</p>	<ul style="list-style-type: none"> • инвектива “fool”; • негативно-окрашенное словосочетание “to garble inanities” (“inanity - the quality of being extremely silly or having no real meaning or importance, or something that is extremely silly like this” [Cambridge Dictionary Online: URL]); • модальный глагол “must”, выражающий уверенность в своих суждениях; • инверсия; 	<p>злость, фрустрация, отчаяние</p>	<p>Резкое негативная оценка в свой адрес не приводит к разрешению проблемы.</p>
<p>“My spirits have plummeted. I feel so stupid.” [Kinsella, 2017: 39]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самооскорбления</p>	<ul style="list-style-type: none"> • инвектив “stupid”, негативная оценка которого усилена наречием “so”; 	<p>отчаяние, разочарование</p>	<p>Героиня не выражает какого-либо сочувствия по отношению к себе, не</p>

			<ul style="list-style-type: none"> • графическое выделение лексемы “stupid”; • “my spirits have plummeted” (“to plummet – to fall very quickly and suddenly” [Cambridge Dictionary Online: URL]); 		признаёт, что ошибки могут быть частью жизненного опыта.
“I was aware that Lucy had not deserved my stupidity . And I knew well that only an idiot could have created such a banal mess .” [Docx, 2003: 64]	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика самооскорбления	<ul style="list-style-type: none"> • инвектив “stupidity”, “idiot”; • интенсификаторы “only”. “such a”; • негативно-окрашенная лексема “banal” (“boring, ordinary, and not original” [Cambridge Dictionary Online: URL]); 		Несмотря на резкую негативную оценку в свой адрес, мужчина предпринимает шаги для разрешения ситуации: “Still, something had to be done. So that Saturday, the last in March, I sat down to pen her a short letter in the hope that its burning or shredding or chewing or flushing might have a worthwhile therapeutic effect.” [Docx, 2003: 64].
“<...> but I’m going to look like the worst kind of creep .” [Smale, 2016b: 134]	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика самооскорбления	<ul style="list-style-type: none"> • “creep” – “inf. someone who tries to make someone more important like them by being very polite and helpful in a way that is not sincere; an unpleasant person, especially a man” [Cambridge Dictionary Online]; 	тревога	Несмотря на тот факт, что высказывание (а также фрагмент, из которого оно было взято) носит преимущественно агрессивный характер, заключительное утверждение “I have to

			<ul style="list-style-type: none"> интенсификатор “the worst” – “superlative of bad: of the lowest quality, or the most unpleasant, difficult, or severe” [Cambridge Dictionary Online]; 		do something”, а также дальнейшие действия героя свидетельствуют о конструктивной самокритике.
<p>“Then I realize I’m being stupid. Of course she’ll say something inappropriate to Nathaniel. She’ll make some oh-so-subtle innuendo. And then who knows what he’ll think. <...> I must go and make the situation quite clear to him. That Trish misunderstood me, and I do not have a crush on him.” [Kinsella, 2006: 188]</p>	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика самооскорбления	<ul style="list-style-type: none"> “stupid” – “silly or unwise; showing poor judgment or little intelligence” [Cambridge Dictionary Online]; 	тревога, неуверенность в себе, страх оказаться в неловком положении	Говорящий называет собственные мысли или действия “stupid”. Резкая и критическая самооценка свидетельствует о деструктивной самокритике, однако следующее высказывание (“I must go and make the situation quite clear to him”) показывает, что в данном фрагменте реализуется стратегия самокоррекции.
<p>“At that moment I’d never felt more alone, more adrift in the world, so completely and utterly without consolation. Eventually I’d crawled into bed, pulled the covers over my head, and there in the darkness I’d cried myself to sleep. And now here I am awake at</p>	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самобичевания	<ul style="list-style-type: none"> гипербола “I’d never felt more alone, more adrift in the world”; контраст “brand-new day” “without Guy, without a job, and without hope”; лексический повтор “without Guy, without a job, and without hope”; 	эмоциональная истощённость, одиночество, отчаяние, безысходность	Высказывание “And now here I am awake at the beginning of a brand-new day, without Guy, without a job, and without hope.” иллюстрирует интенсивную самокритику и отчаяние.

<p>the beginning of a brand-new day, without Guy, without a job, and without hope.” [Gayle, 2023: 202]</p>					
<p>“I feel weirdly distanced from everything. I have made the biggest mistake of my career. I have quite possibly lost my job. I will never be a partner again. One stupid mistake.” [Kinsella, 2006: 64]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самобичевания</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “the biggest mistake” • “lost my job” • “I will never be a partner again” • “one stupid mistake” 	<p>отчаяние, сожаление, самообвинение</p>	<p>Сосредоточенность героини на совершённой ошибке, преувеличение негативных последствий, а также неоднократное повторение приведённых высказываний свидетельствуют о реализации тактики самобичевания. Решение скрыться от проблем свидетельствует о реализации деструктивной самокритики.</p>
<p>“<...> Except worse, because Nat and Toby have gone too. This time I’ve lost everything.” [Smale, 2015a: 276-277]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самобичевания</p>	<ul style="list-style-type: none"> • преувеличение “I’ve lost everything” 	<p>вина, стыд, сожаление, отчаяние, безысходность</p>	<p>Высказывание служит примером «катастрофического мышления», при котором человек преувеличивает последствия своей ошибки.</p>

<p>“If I said anything, I might burst into tears. I can't believe I fucked up my plan so badly. I failed to find out anything new. I was recognized. I lost it in front of the whole staff. I'm even more of a joke than I was before.” [Kinsella, 2006: 327]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самобичевания</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “burst into tears” – невербальный знак, свидетельствующий об отчаянии; • инвектив “fuck up”, “joke” (“joke – inf. a person or thing that is very bad or silly” [Cambridge Dictionary Online]); • интенсификаторы “so”, “badly”, “whole” “even more”; • отрицательно-оценочные лексемы “fail”, “loose”, • восходящая градация; 	<p>стыд, сожаление, отчаяние, безысходность</p>	<p>Героиня чрезмерно сосредотачивается на самоуничижении и негативном восприятии себя и своих действий в глазах окружающих.</p>
<p>“But it was me. It is me. My career is over. The last person at Carter Spink who made a mistake like this was Ted Stephens in 1983, who lost a client £10 million. He was fired on the spot. And I’ve lost five times that. My breaths are getting shorter; my head is dizzy; chest feels tight; I feel like I’m being smothered.” [Kinsella, 2006: 60-61]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самобичевания</p>	<ul style="list-style-type: none"> • параллелизм “It was me.”, “It is me.”; • “to be over”, “have lost five times that”; • “my breaths are getting shorter”, “my head is dizzy”, “chest feels tight”; “I’m being smothered” – невербальные знаки, свидетельствующие об эмоциональной перегрузке; 	<p>отчаяние, тревога, паника</p>	<p>Сосредоточенность героини на чудовищности своей ошибки, а также физическая реакция свидетельствуют о самобичевании.</p>
<p>“Suddenly I feel like a naughty child, like I’m a kid at school owning up to</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика сравнения</p>	<ul style="list-style-type: none"> • сравнения “I feel like a naughty child”, “like I’m a kid at school” 	<p>вина, стыд, сожаление</p>	<p>Героиня сравнивает своё поведение с поведением непослушного</p>

a teacher.” [Gayle, 2023: 66]			<ul style="list-style-type: none"> • “naughty” – “when children are naughty, or their behaviour is naughty, they behave badly or do not do what they are told to do” [Cambridge Dictionary Online]; • “own up” – “to admit that you have done something wrong” [Cambridge Dictionary Online]; 		ребёнка. Используемое сравнение подчёркивает воспринимаемую девушкой незрелость и вину.
“Disgusted and horribly afraid, my faculties were fleeing the scene like so many deserting conscripts. ” [Docx, 2003: 81]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика сравнения	<ul style="list-style-type: none"> • образное сравнение “like <...> conscripts”; • негативно-окрашенные лексемы “disgusted” и “afraid”, отрицательная оценка которой усилена наречием “horribly” с негативной коннотацией; • инверсия; 	стыд, сожаление, вина	В данном фрагменте представлена коммуникативная стратегия самонаказания, поскольку мужчина не предпринимает каких-либо действия, направленных на разрешение возникшей проблемы.
“Now I sound like an alien , so I try a third time <...>” [Smale, 2023: 101]	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика сравнения	<ul style="list-style-type: none"> • сравнение “sound like an alien”; • “alien” – “relating to creatures from another planet; strange and not familiar” [Cambridge Dictionary Online]; 	смущение	В данном фрагменте представлена коммуникативная стратегия самокоррекции, поскольку девушка не только осознаёт, что её голос звучит неестественно, но и пытается повторить фразу ещё раз.

<p>“<...> Until this moment my whole life has been mapped out to the hour. <...> I thought I knew exactly where I was headed. And now I find myself in a strange room in the middle of the countryside, my career in ruins.” [Kinsella, 2006: 81]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика противопоставления (контраста)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • контраст “I knew exactly where I was headed” “And now I find myself in a strange room in the middle of the countryside, my career in ruins”; • отрицательно-оценочные лексемы “strange”; • гипербола “in ruins”; • инверсия “and now”; • обособление “my career in ruins”; 	<p>отчаяние, разочарование, тревога</p>	<p>В данном фрагменте представлена коммуникативная стратегия самонаказания, поскольку девушка сосредоточивается исключительно на негативных аспектах своей жизни.</p>
<p>“She looks just the way I remember and just as beautiful. Gazing at her photo I can’t help but wonder how I will look to her after all this time. I always imagine myself looking cool and debonair but in reality I fear it may be more off-duty geography teacher.” [Gayle, 2013: 47]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика противопоставления (контраста)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • противопоставления “always” “but in reality”, “cool and debonair” “off-duty geography teacher”; 	<p>неуверенность в себе</p>	<p>В данном фрагменте представлена коммуникативная стратегия самонаказания, поскольку мужчина не предпринимает никаких попыток изменить свою внешность.</p>
<p>“All this time, I’ve managed to keep outwardly calm around Demeter. But today I’m losing it a bit.” [Kinsella, 2017: 262]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика противопоставления (контраста)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • контраст “I’ve managed to keep outwardly calm” “But today I’m losing it”; • наречие “a bit” смягчает негативную оценку; 	<p>разочарование, волнение</p>	<p>Героиня объективно осознаёт незначительную потерю контроля над собой, что помогает ей скорректировать своё дальнейшее поведение.</p>

<p>“Now, I know a lot of things: I know an ant can lift fifty times its own weight, which is like a human lifting a really big car. I know that snails can sleep for three years, and sharks lose 30,000 teeth in a lifetime. I know an iPhone has 240,000 times the power and memory of the Voyager spacecraft and that a gorilla once ripped a sink out of a wall and blamed it on its pet kitten. I know in Wyoming it is illegal to take a photo of a rabbit in the month of June, and Disneyland uses 5,000 gallons of paint every year to keep it looking new. And I know very little about being a girlfriend. But there are some basic rules for us all to stick to.” [Smale, 2014: 147]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика противопоставления (контраста)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • контраст “I know a lot of things” “ And I know very little”; • отрицательно-оценочная лексема “little”; • интенсификатор “very”; 	<p>сожаление</p>	<p>В данном фрагменте реализуется коммуникативная стратегия самокоррекции, поскольку девушка не отчаивается, напротив, утешает себя мыслью о том, что она может следовать базовым правилам построения отношений.</p>
<p>“I’d been lost in thought about my future. Wondering whether I’d left it too late to retrain to do something useful, like teaching or nursing. Something that might give me the sense of purpose”</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика самоанализа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • фразы “I’d been lost in thought”, “wondering whether” отражают происходящий мыслительный процесс, самоанализ; • “I’d left too late to do smth useful”; 	<p>сожаление, вина, разочарование</p>	<p>В приведённом фрагменте реализуется коммуникативная стратегия самонаказания, поскольку говорящий</p>

I'm looking for, something that might make me feel like I'm not just here on this planet to take up space or make up the numbers " [Gayle, 2023: 154]			<ul style="list-style-type: none"> • "I'd left too late to do smth that might make me feel like I'm not just here on this planet to take up space or make up the numbers"; 		не предпринимает никаких действий.
" How could this have happened? Did I even notice this? Did I sweep it aside, meaning to do it later? I can't remember. I can't bloody remember. What am I going to do? A wall of panic hits me as I take in the consequences." [Kinsella, 2006: 55-56]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самоанализа	<ul style="list-style-type: none"> • череда вопросов; • параллельные анафорические конструкции: "Did I even notice this? Did I sweep it aside, meaning to do it later?"; 	тревога, смятение, паника	Самокритика деструктивна, поскольку самоосуждение мешает девушке объективно оценить ситуацию и предпринять шаги, необходимые для решения проблемы.
"<...> My mind is spinning so fast I feel faint. Suddenly all my certainty has vanished. Am I doing the right thing? " [Kinsella, 2006: 397]	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика самоанализа	<ul style="list-style-type: none"> • вопрос "Am I doing the right thing?"; 	неуверенность, тревожность	В приведённом фрагменте реализуется коммуникативная стратегия самонаказания, поскольку говорящий не предпринимает никаких действий, направленных на решение возникшей проблемы.
"It takes only twenty minutes to pop out and get what I need. Butter, eggs, flour, vanilla, icing sugar.	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика самоанализа	<ul style="list-style-type: none"> • риторический вопрос "How did I ever do any cooking in here?"; 		Осознание того, что кухня не оснащена необходимым оборудованием для

<p>Baking tins. Mixers. A set of scales. Everything, in fact. I cannot believe how badly equipped my kitchen is. How did I ever do any cooking in here? Well, I didn't." [Kinsella, 2006: 333]</p>			<ul style="list-style-type: none"> • "I cannot believe how badly equipped my kitchen is" указывает на момент осознания проблемы; 		<p>приготовления пищи, побуждает девушку к изменениям, что указывает на конструктивный характер самокритики.</p>
<p>"My initial instinct is to jump to my own defense but the longer I sit here, the deeper his words sink in, the more I begin to realize that actually he might be right. I don't think I have been as committed to our relationship as I should've been, as much as he deserved me to be. Had I always been this way? I try to think of the last time before the museum came into my life when I'd felt sure of myself, certain about what I wanted. Thinking back, it must have been before Mum told me about her cancer, because after that I don't remember being sure about anything, anything at all. I look at Guy, suddenly aware of how much I'm to blame for</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика самоанализа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • фраза "I try to think", "thinking back" иллюстрируют процесс самоанализа; • вопрос "Had I always been this way?"; 	<p>сожаление, вина</p>	<p>Осознание того, как события прошлого повлияли на действия девушки, свидетельствует о попытке понять и исправить ситуацию, что характерно для конструктивной самокритики. Кроме того, говорящий не прибегает к чрезмерно жёсткой самокритике (которая свидетельствовала бы о деструктивной самокритике), напротив тон более интроспективный и направлен на анализ своего поведения.</p>

the mess we're in." [Gayle, 2023: 210]					
<p>"Closing the lid of my laptop I find myself thinking about Ginny again as though my unconscious is trying to make a connection between her and The Pinfolds. Have I exaggerated what we used to be to each other?" [Gayle, 2013: 50]</p>	стратегия самокоррекции (К. СК)	тактика самоанализа	<ul style="list-style-type: none"> • фраза "I find myself thinking"; • вопрос "Have I exaggerated what we used to be to each other?"; 	неуверенность	В примере реализуется стратегия самокоррекции, поскольку мужчина не только обдумывает дальнейшие действия, но и используют размышления для принятия решений в будущем: "If I really am going to make contact with her then I'll need to get a bit more background information on her and who better to get it from than Gershwin Palmer, my oldest mate, and my eyes and ears on the streets of Birmingham".
<p>"Maybe things would've been different if I had." [Gayle, 2013: 56]</p>	стратегия самонаказания (Д. СК)	тактика контрфактуального анализа	<ul style="list-style-type: none"> • "things would've been different if I had" – глаголы в форме сослагательного наклонения; 	сожаление, разочарование, вина	В данном фрагменте реализуется стратегия самонаказания, поскольку мужчина концентрируется на неудачах и не предпринимает никаких действий, чтобы исправить ситуацию.

<p>“And if I’d still been at work, it would have been my greatest-ever triumph. I could have marched into Demeter’s office and said, There’s branding for you. But I’m not.” [Kinsella, 2017: 164]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика контрфактуального анализа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “if I’d still been, it would have been, I could have marched and said” – глаголы в форме сослагательного наклонения; 	<p>сожаление, разочарование, вина</p>	<p>В связи с тем, что говорящий акцентирует внимание на упущенных возможностях и не предпринимает никаких шагов к изменениям, в анализируемом фрагменте реализуется стратегия самонаказания.</p>
<p>“I bite my lip and close my eyes, wishing it were three months ago and I had the chance to do everything differently.” ‘I’m sorry.’ At last I open my eyes. ‘I’m so sorry, Dad.’ [Kinsella, 2017: 353]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика контрфактуального анализа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “wishing it were three months ago and I had the chance to do everything differently” – глаголы в форме сослагательного наклонения; 	<p>“I bite my lip and close my eyes” – сожаление, вина, разочарование</p>	<p>Говорящий не только осознаёт свою ошибку, но и приносит извинения отцу (“I’m sorry”, “I’m so sorry”), что является маркером конструктивной самокритики.</p>
<p>“Now the sadness is shifting, changing, but I can’t tell into what. (<i>“Cassandra can be incredibly selfish.”</i>) Am I just bad? (<i>“Cassandra is prone to self-absorption.”</i>) Is this why I’m alone?” [Smale, 2023: 168-169]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • (“Cassandra can be incredibly selfish.”), (“Cassandra is prone to self-absorption.”) – интернализированная критика других людей; • интенсификатор “incredibly” + “selfish” – “disapproving, Someone who is selfish only thinks of their own advantage” 	<p>грусть, непонимание</p>	<p>Критика со стороны окружающих приводит к самообвинению и сомнению в себе, а также усиливает негативное восприятие девушки, что свидетельствует о деструктивной самокритике.</p>

			<p>[Cambridge Dictionary Online];</p> <ul style="list-style-type: none"> “self-absorption” – “usually disapproving, someone who is selfish only thinks of their own advantage” [Cambridge Dictionary Online: URL]; 		
<p>“<...> if I’d heard from me that my marriage was over I’d probably blame me too” [Gayle, 2013: 42]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> “I’d probably; y blame me too” – согласие с критикой знакомых; 	<p>сожаление. вина</p>	<p>В приведённом фрагменте реализуется стратегия самонаказания, поскольку самокритика не способствует каким-либо конструктивным размышлениям о причине развода или личностному росту.</p>
<p>“But maybe Dad’s hit the nail on the head: Maybe that girl’s not me.” [Kinsella, 2017: 193]</p>	<p>стратегия самонаказания (Д. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> “Dad’s hit the nail on the head” – согласие с критикой отца; “maybe” – модальное слово выражающее неуверенность; 	<p>неуверенность, тревожность</p>	<p>Самокритика носит деструктивный характер, поскольку героиня склоняется к тому, чтобы сдаться, а не найти в себе силы продолжить поиски работы.</p>
<p>“Sighing, I take it and stand up. She’s right: I’m sixteen and a half years old, a legal adult in many countries (if not my own) and I don’t have the excuse of being a</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> “She’s right” – согласие с критикой; отрицание “I don’t have the excuse of being a child any more”; 	<p>вина, сожаление</p>	<p>Самокритика конструктивна, поскольку девушка признаёт, свою ошибку и стремится изменить ситуацию.</p>

<p>child any more.” [Smale, 2017: 206]</p>					
<p>“I feel a bit winded by the sudden realization that Alex is right. This situation is bad. I can’t keep lying to Dad about my job, I can’t.” [Kinsella, 2017: 340]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “Alex is right” – согласие с критикой одноклассницы; • “bad” – “severe or serious” [Cambridge Dictionary Online: URL];] 	<p>вина, тревожность</p>	<p>Самокритика носит конструктивный характер, поскольку девушка не только критикует себя, но и признаёт необходимость перемен, демонстрируя готовность исправить своё поведение (“I can’t keep lying to Dad about my job, I can’t.”).</p>
<p>“Besides which he’s right, I shouldn’t have lied to him and if doing this will get me back in his good books, then do it I will.” [Gayle, 2023: 68]</p>	<p>стратегия самокоррекции (К. СК)</p>	<p>тактика интернализированной критики (согласия с критикой со стороны)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • “which he’s right, I shouldn’t have lied to him” – согласие с критикой; 	<p>вина, сожаление</p>	<p>Самокритика носит конструктивный характер, поскольку девушка не только критикует себя, но и признаёт необходимость перемен.</p>